

Время всегда хорошее

«У нас в виртуале нет границ, мы все равны. У нас нет комплексов, каждый то, чем он хочет быть. Нам здесь хорошо, оставьте нас в покое!» — восклицает героиня книги «Время всегда хорошее». К сожалению, многие современные подростки зачастую размышляют подобным образом.

Написанная простым языком история о жизни в разные времена предлагает читателю суметь вырваться из иллюзий и пересмотреть свои духовные приоритеты. Книга адресована детям подросткового возраста.

Синичка

10 апреля 2018 года, утро

Я проснулась от радостного «ку-ка-ре-ку» и выключила будильник на комике. Встала, побрела на кухню, по дороге включила комп. До первого урока еще час, вполне можно посмотреть, что за ночь на форуме написали.

Пока комп грузился, я успела налить себе чашку чая и выслушать от мамы стандартное:

– Оля, куда ты пошла, поешь, как человек, за столом в кои-то веки.

– Ага, – буркнула я, стащила бутерброд и отправилась к монитору.

Я полезла на форум школы. Как обычно, интернет ночью жил насыщенной жизнью. Большой Обезьян опять разругался с Птицей. Долго ругались, до двух часов ночи. Вот везет людям, никто их спать не гонит.

– Оля, тебе выходить через полчаса, а ты еще в пижаме!

– Ну щас...

Я раздраженно оторвалась от компа и отправилась одеваться. В школу тащиться страшно не хотелось, тем более что первым уроком намечалась контрольная по математике. Эту контрольную еще не писал ни один класс, поэтому на форуме задания не появились, а прошлогодние искать в архиве было лень. Потом физра, история и только один приличный урок – ОКГ. Да и то, чему нас там учат! Печатать? Школьная программа не менялась уже лет десять! Ха! Да сейчас любой нормальный школьник текст быстрее наберет, чем проговорит.

Пока одевалась, я все равно дочитывала вчерашнюю форумскую ругню. И тут

глаз вдруг зацепился за то, что в ящике, оказывается, есть личное сообщение. Я открыла и... сердце заколотилось часто-часто. От Ястреба...

Сообщение было коротеньким. «Привет! А у тебя парень есть?» – но у меня прям руки затряслись. Ястреб заходил на форум редко, но метко. Иногда как напишет что-нибудь, как пошутит, так все и сбегаются читать. А однажды он даже стихи свои написал. Ястреб – просто мечта всех девчонок. В личке часто только и обсуждали, что Ястреб новенького напишет. А главное, никто-никто не знал, кто он на самом деле.

То, что Ястреб написал мне, Синичке, это было просто как гром среди ясного неба.

– Оля, ты в школу собираешься?

– Щас!

Ох, и зачем только куда-то уходить, если вот она, настоящая жизнь. Сейчас бы сесть, спокойно придумать ответ, написать. А потом выведать номер его аськи и болтать, болтать ночами... я аж зажмурилась от счастья. А потом взяла портфель и угрюмо поплелась к двери.

Витя

10 апреля 1980 года, утро

Четвертая четверть – самая классная. До летних каникул остается совсем чуть-чуть, каких-то полтора месяца. А самое главное – до подведения годовых отметок. Я очень люблю апрель, а еще больше – конец мая. Еще пара контрольных, сбор дневников... и открываешь последнюю страницу, а там – твердые, заслуженные пятерки. И похвальный лист в нагрузку...

Нет, я не задаюсь, но приятно все-таки. Честно говоря, когда меня вызвали к завучу, не сомневался, что услышу что-нибудь приятное. А когда вошел и увидел в кабинете старшую пионервожатую, то решил, что это приятное будет связано с моей должностью в отряде. Может, в совет дружины введут? Было бы здорово!

Но угадал я только наполовину.

– Садись, Витя, – строго сказала Тамара Васильевна, наш завуч по прозвищу Васса, – у нас с Таней к тебе разговор как к председателю совета отряда!

Я сел, автоматически подумав: «Перед „как“ запятая не нужна, потому что тут

оно в значении „в качестве“».

Танечка и Васса смотрели на меня строго. Теперь было видно, что речь пойдет о каком-то важном, но не очень приятном деле. Возможно, о внеплановом сборе металлолома в честь открытия новой комсомольской стройки.

– Помнишь, Витя, – продолжила завуч, – Женя Архипов приносил в понедельник в школу кулич?

Я удивился. Какой-то неожиданный вопрос.

– Булку? – уточнил я.

– Кулич! – Танечка поправила меня таким противным голосом, что стало понятно, именно в этом куличе все и дело.

Я кивнул.

– Что ты киваешь? – вдруг зашипела Танечка. – Языка нет?

На вожатку это было не похоже. Обычно она со мной говорила приветливо и даже уважительно. Не так, как со всеми остальными. Я торопливо сказал:

– Я помню, как Архипов приносил булку... кулич!

– Танечка! Не надо на Витю кричать, – Васса старалась говорить помягче, но у нее это плохо получалось.

Просто вместо обычного металла в голосе звучал... наверное, какой-нибудь мягкий металл. Свинец, например.

– Он же не виноват, – продолжила завуч.

Я вообще перестал что-нибудь соображать. В чем виноват? Что мы эту булку... кулич ели не в столовой?

– Но это же вопиюще... – начала Танечка, но Васса не дала ей договорить.

– Виктор, – сказала она своим обычным командирским голосом, – расскажи нам, пожалуйста, как все было.

Я честно рассказал все. Как Женька притащил булку, как всех угощал, как все ели. И даже Ирку Воронько угостил, хотя они перед этим поругались. И меня угостил. Булка была вкусная, сладкая, только немного подсохшая. Всё.

– А о чем вы при этом говорили? – с угрозой спросила пионервожатая.

– Не помню, – откровенно признался я, подумав.

– Вы говорили о бабушке Архипова, – сообщила мне Васса.

– Да! Точно! – я обрадовался, что вспомнил нужное. – Он говорил, что она булку испекла!

Две пары глаз так и впились в меня.

– А зачем она испекла этот... эту булку, ты помнишь? – голос завучихи звучал вкрадчиво.

Я вспомнил. Мне стало жарко. Теперь понятно, почему меня вызвали.

– Нуууу... – начал я. – Просто так... Кажется...

– Вот! – обличающе подняла палец старшая пионервожатая. – Вот тлетворное влияние! Витя! Ты же никогда не врал! Ты же председатель совета отряда! Отличник! У тебя папа партийный работник!

Мне стало совсем плохо. Я действительно впервые в жизни врал старшим товарищам. Но правду мне говорить совсем не хотелось. Поэтому я решил молчать.

– Эх, Виктор, Виктор... – покачала головой Васса. – Разве этому я тебя учила? Разве так поступали пионеры-герои? Разве так поступал Павлик Морозов, имя которого носит наша дружина?

– Между прочим, – добавила Танечка, – мы боролись за это право с пятидесятой школой! И победили!

Завуч строго посмотрела на вожатую, и та осеклась. Видимо, сейчас было не время вспоминать прошлые заслуги. Я смотрел в пол и чувствовал, как жаркая краска заливает мне щеки.

Мы немного помолчали, и с каждой секундой мне становилось все жарче.

– Итак, – тихо проскрежетала Васса, – ты не помнишь, для чего бабушка Архипова испекла кулич?

Я не пошевелился. На меня словно столбняк напал.

– Ладно, – вздохнула завуч, – придется напомнить. Бабушка Архипова испекла этот кулич... пасхальный кулич!., к религиозному празднику «пасха».

Я слушал этот стальной голос и вспоминал неясные слухи, которые ходили про

Вассу. То ли она памятники Сталину лично сносила, то ли охраняла их от сноса... Об этом говорить сейчас было не принято, так что подробностей никто не знал. Но что она при этом отличилась – это точно.

– Бабушка Архипова, – продолжала завуч, – таким образом пытается...

Васса замолчала, подбирая слова, и ей на помощь пришла пионервожатая:

– Пытается охмурить! И завлечь в сети религиозного дурмана.

Завуч нахмурилась. Ей, преподавательнице русского языка с огромным стажем, что-то не понравилось в словосочетании «сети религиозного дурмана». Но она не стала поправлять Танечку, наоборот, поддержала ее.

– Вот именно!

Завуч и пионервожатая торжественно замолчали. Наверное, чтобы до меня лучше дошло.

Зря старались – до меня уже так дошло, что лучше и быть не может.

– И что ты собираешься делать по этому поводу? – спросила наконец Васса.

Я смог выдать только:

– Мы больше не будем...

Вожатка и завуч закатили глаза так, что сами стали похожи на религиозных старух из какого-то фильма. А потом объяснили мне, что я должен сделать.

Синичка

10 апреля 2018 года, день

День в школе не задался с самого начала. Математичка совсем озверела, урок начала с того, что собрала у всех комики. То есть контрольную я писала вообще как без рук, ни тебе с кем поговорить, ни тебе шпор, ни тебе калькулятора. Просто как в доисторические времена! Главное, у многих же есть вторые комики, но как-то не догадались взять их с собой. Да, а потом она вообще учудила, взяла и раздала нам бумажки – это, говорит, контрольная, решайте. Класс аж обалдел. Как, говорит, ее решать?

А она улыбается так ехидно и говорит: ручкой пишите по бумажке. И подробное решение каждой задачи. Жуть! Я уже, наверное, полгода ручку вообще в руках не держала. Могу себе представить что я там наreshала и как это все

понаписала. Короче, балла на три, наверное, из десяти...

Так что по сравнению с этой контрольной все остальное было просто семечки. Зато весь день форум гудел. Мы ж даже не можем задания в сетку выложить, никто не сообразил стащить листик, чтоб его отсканить, а наизусть тоже не запомнишь, и в голову не пришло записать. Мы потом на всех уроках уже из сети не выходили, так и трындели по комикам. На кого не посмотришь, у всех комики под партами и только пальцы мелькают – набираются сообщения. А на форуме было одновременно почти двести человек, это вся параллель пятых классов, и еще любопытные из других повлезали. На переменках только и успевали тему пролистать, да на вопросы ответить. Из кабинета в кабинет перейдешь, на парту плюхнешься и сразу в комик, читать, что там новенького случилось. Прикольно так, в класс заходишь – тишина. И все сидят что-то набирают, набирают... Удобнее, конечно, голосовым набором пользоваться, но не в классе же! Потому что тогда сразу все узнают твой ник. А этого ну никак допустить нельзя. Ник – это наисекретнейшая информация.

Я знала пару ников. Красавица – это Нинка, Муреха – это Лиза. И еще догадывалась про несколько человек, но не знала наверняка. Ну и то, что я Синичка – это тоже знали буквально трое. Синичка – потому что фамилия у меня Воробьева. Но если б написала Воробей, все б сразу догадались, что я – это я, написала Синичка. И аватарку нашла такую прикольную – сидит синичка и трюстит сало из кормушки.

Однажды была у нас история, девчонку из седьмого класса рассекретили. Кто-то из подружек взял и написал в сети, что Фиалка – это Кирова из седьмого «А». Ужас... Так ей и пришлось потом в другую школу уйти. Потому что ж ты можешь написать, если все знают, что это ты! Даже пофлиртовать невозможно, это как взять и кому-то в открытую в любви признаться! Бррр...

И мой ник только самые-самые проверенные знают. Мы с ними дружим. Даже один раз вместе в кафе ходили, когда у меня день рождения был. Я про них все-все знаю. И аську, и мейл. Короче, эти точно не сдадут!

Так вот, про день, который не задался. Последний урок у нас – классный час. Приходит наша училка и говорит таким сердитым голосом:

– А ну-ка убрали все телефоны.

Мы аж подпрыгнули. Кто-то даже вслух сказал:

– Вы че, сговорились все, что ли!

А училка, наша классная, Елена Васильевна как гавкнет:

– Телефоны на стол! И слушайте внимательно, сейчас, можно сказать, ваша судьба решается.

Мы совсем затихли. А она по рядам прошла и комики поотключала. Ну вообще конец света...

А потом вышла перед классом и прочитала трагическим голосом:

– «Постановление Министерства образования от 3 апреля 2018 года»...

Я коротенько перескажу, своими словами.

В связи с излишней компьютеризированностью школьников и для проверки их знаний учредить в конце каждого учебного года экзамены. Оценка выставляется по десятибалльной системе и выносится в аттестат зрелости. Это чтоб, мол, мы все года хорошо учились, а не только последний класс. Да, но самый-то ужас не в этом, а в том, что экзамены эти будут проходить не в виде тестов, а устно.

– Чего? – спросил кто-то из мальчишек.

Я даже оглянулась, но не поняла, кто спросил, я их вообще плохо различаю.

– Экзамена три, – продолжала Елена Васильевна, – русский язык и литература – устно, математика – письменно, но не на компьютере, а на бумаге, и история – тоже устно. Делается это для того, чтоб вы, современные школьники, научились хоть немного владеть устной речью и писать ручкой по бумаге. Экзамены через три недели.

Класс завис. Так и разошлись в полном ужасе. Я даже до самого дома комик не включила...

Витя

10 апреля 1980 года, вечер

Вечером мне надо было готовиться к политинформации. Как раз шла передача про то, как американские империалисты пытаются сорвать Олимпиаду в Москве, а люди доброй воли им не дают этого сделать. Но я никак не мог сосредоточиться – сидел и думал про Женьку. Он, конечно, неправ, но все равно на душе было противно.

В конце концов я осознал, что ничего не понимаю из рассказа диктора, и выключил телевизор. К ужину придет папа, принесет «Правду» и «Советскую Белоруссию» – перепишу оттуда. Я позвонил Женьке, но трубку подняла бабушка.

– Он уже второй час где-то бегают. Ты ему скажи, Витенька, – голос у Женькиной бабушки был скрипучий, но приятный, – чтобы он шел домой! Я волнуюсь! Скоро стемнеет!

Я наскоро пообещал и побежал во двор. То, что пришлось говорить с виновницей всей этой истории, расстроило меня еще больше. Бабушка, конечно, старенькая, лет пятьдесят, а то и все семьдесят, но это ее не оправдывает. Нельзя так подводить родного внука!

Архипыча я пошел искать на нашей груше – той, что возле трансформаторной будки. Даже листьев на ней еще не было, но на дереве так здорово сидеть и болтать ногами! Ветки густые, ты всех видишь, а тебя – никто!

– Женька! – крикнул я, подходя. – Слазь, поговорить надо!

С груши слышалось хихиканье. Пришлось лезть самому. Архипыч сидел на самой верхушке, куда я всегда боялся долазить. Когда я был маленьким, еще во втором классе, я навернулся с самой нижней ветки этой груши, и с тех пор жутко боюсь высоты. Сейчас тоже не полез наверх, устроился на любимой ветке в самом центре дерева. Ветка была толстая, надежная и изгибалась очень удобно – как спинка кресла.

– Чего молчишь? – сердито спросил я. – Молчит... Хихикает...

– Здорово, Тарас! – отозвался Женька.

Тарасом звал меня только он, по имени украинского писателя. Мы его еще не проходили, но Женька прочитал половину домашней библиотеки, в том числе и этого Тараса Шевченко. Причем читал бессистемно, все подряд, что под руку попадется. Я так не мог, я читал книги строго по порядку. Пытался даже Большую Советскую энциклопедию освоить, но сломался на втором томе. Слишком много незнакомых слов оказалось. Зато Пушкина прочитал всего – от первого тома до последнего. Сейчас начал Гоголя.

Обычно мне нравилось, когда Женька звал меня Тарасом, но сегодня я почему-то обиделся.

– Я не Тарас! Я Виктор!

– Ты чего такой злой, Тарас? – удивился Женька.

– Ничего! – огрызнулся я. – Говорю тебе: слезай, надо поговорить! А ты чего?

– Давай лучше ты ко мне! Тут здорово!

Лезть не хотелось, но пришлось. Разговор был такой, что... В общем, не хотелось о нем кричать на весь двор.

Когда я осторожно уселся на ближайшую к Архипычу ветку, тот завопил:

– Качка! Свистать всех наверх! – и принялся раскачивать верхушку.

Я вцепился в ветку изо всех сил и взмолился:

– Хватит! Сломается!

– Не сломается! – возразил Женька, но «качку» все-таки прекратил. – Так чего ты хотел?

Я стал рассказывать про разговор с вожаткой и завучихой. Чем больше рассказывал, тем мрачнее становился Женька. Да и меня все больше мутило – то ли от высоты, то ли еще от чего. Когда добрался до самого неприятного, то пришлось даже замолчать на минутку, а то меня точно стошнило бы.

– И чего они хотят? – спросил Архипыч, и в этот момент голос у него стал такой же скрипучий, как у его бабки.

Я кое-как продышался и ответил:

– Чтобы ты сказал, что бога нет! Прямо перед всем классом!

– И всё? – Женька сразу повеселел.

– Не всё, – признался я. – Надо, чтобы ты... в общем... сказал, что твоя бабушка неправильно поступила, что дала нам ту булку. И тебе стыдно, что она верит в бога.

– Ничего мне не стыдно! – опять заскрипел Женька. – Какая разница, верит или не верит? Она хорошая и добрая!

– Это само собой. Но она ведь верит! Значит, тебе должно быть стыдно!

– Глупости это! Не буду я такого говорить!

– Тогда с тобой знаешь что сделают? Из школы выгонят!

– Не выгонят! Я самый умный в классе! Если меня выгонять, то всех остальных тоже гнать надо!

Это было правдой. Архипыч никогда особо не зубрил, но получал одни «пятаки». Я тоже ходил в отличниках, но некоторые пятерки давались мне нелегко. Особенно по русскому языку – ну не мог я написать длинное слово, чтобы не было в нем исправлений! А по рисованию мне четверку вообще только из жалости поставили. Я прямую линию даже под линейку ровно провести не могу. Очень стараюсь, но все без толку. Эх, изобрести бы такую штуку, чтобы она сама линии рисовала! Кнопку нажал – линия, вторую нажал – круг, третью – какой-нибудь хитрый график, как в газете «Правда» на второй странице. А если бы штука еще сама ошибки исправляла... Но это уже, конечно, фантастика.

А вот Женька и математику с русским здорово знает, и по истории все даты помнит, и рисует почти как настоящий художник. Прав он, не выгонят такого хорошего ученика. Да я и сам не верил, когда говорил. Так, припугнуть хотел.

– Ну, ругать будут!

– Пусть ругают! Поругают и отстанут! Возразить было нечего. Хотя очень хотелось.

Я понял, что завидую Женьке. Вот я очень не люблю, когда меня ругают. Не потому, что папа с мамой меня ругают, – честно говоря, они дома редко бывают. Просто не люблю, и все. Тут я вспомнил просьбу бабушки Архипыча.

– А тебя бабушка домой ждет, – мстительно сказал я. – Волнуется.

Женька тут же дернулся, чтобы слезть, но удержался. Только девчонки бегут домой по первому зову. Мы еще немного поболтали, но минут через пять Архипыч небрежно сказал:

– Проголодался я что-то. Пойду перекушу! Пока.

– Пока, – ответил я.

Женька лихо спрыгнул на землю и пошел неровной походкой – как будто ему очень хочется побежать, но надо сдерживаться.

Через пару метров он все-таки не выдержал и припустил бегом. Я слез в середину груши и еще немного посидел. У меня на шее, на одной ленточке с ключом, болтались старые папины часы, так что я мог следить за временем.

Папа из своего обкома раньше девяти не придет, мама и того позже – она в вечерней школе работает.

Но скоро стало совсем скучно, и я поплелся домой. Вдруг я сообразил, что не сказал Женьке одну очень важную вещь, похолодел и бросился в подъезд изо всех сил.

Как бешеная пуля, я взлетел на свой четвертый этаж, быстро открыл дверь и схватился за телефон. На сей раз трубку взял сам Женька, и это было кстати.

– Ты только никому не говори, что я тебя про собрание предупредил! – выпалил я.

– Почему?

– Мне сказали, чтобы... что это должно стать для тебя...

Я попытался вспомнить слово, которое употребила Васса, но не смог.

– Ну, в общем, неожиданно должно быть!

– Хорошо, не скажу! Пока.

Я положил трубку и немножко посидел. Меня все еще немного подташнивало. Неожиданно входная дверь распахнулась – я даже вздрогнул. На пороге стоял папа, но заходить не спешил.

– Что это? – строго спросил он, указывая на замок с наружной стороны.

Я промолчал. Вопрос, как говорит мама, риторический. В замке торчал мой ключ вместе с ленточкой и привязанными к ней часами.

– Хорошо, что я пораньше домой пришел, – папа достал ключ из двери, вошел и прикрыл дверь за собой. – А если бы какой-нибудь вор?

По тону было понятно, что папа настроен на долгий рассказ про всякие важные вещи. Нужно было срочно что-то делать.

– Извини, папа! Я просто задумался, мне завтра про бойкот Олимпиады на политинформации надо рассказать, а я не все понимаю.

Папа сам заядлый рыбак, но тут он клюнул не хуже какого-нибудь ерша.

– А что там не понимать? – он сел в кресло, отложил ключ в сторону и принялся снимать ботинки.

– Ну вот почему США не хотят ехать на Олимпиаду? Боятся проиграть?

– Да нет, – усмехнулся папа, – тут все сложнее. Помнишь, мы про «холодную» войну говорили?

Я кивнул. От сердца отлегло – папа пошел по новым рельсам.

– Так вот, в этой войне все средства хороши...

Синичка

11 апреля 2018 года

Следующий день прошел в кошмаре. На форуме творилось что-то невообразимое, сканировались и скачивались разные экзаменационные билеты чуть ли не двадцатилетней давности, ответы к ним, а толку?

Вызывает меня историк.

– Воробьева, к доске!

– Куда?

– К доске. А ты что думала? А на экзамене как ты отвечать будешь?

Я встала и пошла к доске. Жуть как мне было страшно.

– Телефон положи!

– Что?

Только тут я обратила внимание, что сжимаю в руке комик, как спасательный круг.

– Положи, положи, – сказал историк. – Он тебе не понадобится.

Я оставила комик на парте и поняла, что чувствую себя раздетой. Стою одна, на меня смотрит класс. Кто эти люди? Что я о них знаю?

– Ну, давай, тяни билет, – говорит историк.

– Что? – у меня от ужаса во рту пересохло.

Смотрю, а у него на столе бумажки какие-то разложены. Я вытянула первую попавшуюся, прочитала вопросы.

– Ну, рассказывай.

И тут я поняла, что никогда в жизни не сдам этот экзамен. Я помню параграф учебника, я помню вопросы в конце, я помню, мы на компах самостоятельно делали, и помню, что в первом вопросе правильный ответ первый, а третий вопрос самый сложный, и там правильного ответа нет, нужно было поставить галочку в клеточке «нет верного ответа». Но я вообще не помню о чем там речь! Что-то про греков, что-то про Геракла... Он был крутой. Всё.

Я беспомощно смотрела на учителя. Учитель выжидающе смотрел на меня. В классе стояла тишина. Такая, как в наушниках, когда ничего не играет. Мертвая, ватная тишина. Я попятилась к доске, мне очень захотелось сейчас сказать себя больной. Упасть в обморок, забиться в судорогах... Но я отстояла молча еще пару минут. Историк сжалился:

– Ладно, давай сделаем так. Ты сейчас возьмешь учебник и прочитаешь пункт параграфа. А потом перескажешь, хорошо?

Я кивнула и на несгибающихся ногах потащила за учебником. Прочитала. В голове не отложилось ничего, я все время думала о том, что мне сейчас придется опять идти к доске и стоять перед лицом всего класса. Хотелось плакать.

Историк еще раз сжалился и попросил меня просто прочитать параграф вслух. Прочла хриплым шепотом, все время сбиваясь.

Бедный историк аж вспотел, пока я дочитала, а я совсем из сил выбилась.

Я замолчала, в классе повисла тишина, историк прокашлялся и сказал:

– Так, все еще хуже, чем я думал. Но экзамен вам сдавать все равно придется. На положительную оценку вам нужно сказать буквально десять связных предложений. Неужели это так сложно?

Класс молчал.

– Ну вы же общаетесь между собой как-то! Разговариваете...

И тут раздался робкий голос с задней парты:

– Мы не разговариваем, мы пишем.

Все обернулись назад. Голос подал мелкий пацанчик, кажется, его зовут Дима. Он такой тихий, что его и не замечал никто до этой реплики.

– Пишете? – переспросил историк. – Ну так представь себе, что пишешь, и говори. Давай, попробуй! Расскажи нам про культуру Древней Греции.

Дима встал и тихо начал:

– У древних греков была хорошо развита культура... Они любили музыку... У них еще был Орфей... Он пел...

Историк страдальчески закатил глаза.

– Ну, это, конечно, лучше чем просто молчать, но почему такие паузы между предложениями?

Дима насупился и прошептал:

– Там смайлики...

– Что? – обалдел историк.

– Смайлики там. Вы ж сказали говорить как пишешь, вот я их и пропускаю...

Историк схватился за голову.

– Да... Все не плохо, все очень плохо! Так, запоминайте домашнее задание. Взять любой отрывок из учебника и внятно пересказать его родителям. Понятно? Ваши родители должны еще помнить, как это делается. И читать вслух. Пять страниц каждый вечер.

Тут прозвенел звонок.

– Всё, – сказал измученный историк. – Все свободны.

Мы разошлись писать на форум эти неутешительные новости.

Витя

11 апреля 1980 года

Назавтра была суббота, и я почувствовал, что заболеваю. У меня всегда так: в начале недели начинается что-то нить внутри, к пятнице вечером ломается, в субботу я заболеваю, а к вечеру воскресенья прихожу в себя.

– Вот какой дисциплинированный организм! – смеется папа. – Только в выходные болеет!

На самом деле только в выходные болеть и надо. Какой смысл валяться в

постели в рабочий день? Никто чаю с малиной не сделает, никто не пожалеет, никто температуру не померяет. Вот хорошо Женьке, у него теперь бабушка дома живет. Болей – не хочу.

Вспомнил Женькину бабушку, и захотелось заболеть, не дожидаясь завтра. Я несколько раз кашлянул, попросил маму потрогать мой лоб – без толку. Никакой температуры или ангины пока не наблюдалось. Пришлось идти в школу.

Все пять уроков я отсидел тихо, как мышь под метлой. Женька как верный друг и сосед по парте пытался меня развеселить, но получалось еще хуже. Даже когда он очень ловко засветил Ирке Воронько жеваной бумагой за шиворот, я не оценил.

А ведь Ирка как раз стояла у доски, бумажка закатилась ей между лопаток, и она очень смешно дергалась, разозлив математичку

– Ты чего? – спросил Женька на большой перемене, когда я отказался идти в буфет есть булочки с изюмом.

– Так... Просто...

– Так просто на носу короста!

Архипыч смотрел на меня победно, но я насупился еще больше. Мне все казалось, что вот-вот появится старшая пионервожатая или завучиха и начнет пилить Женьку.

Только к концу пятого урока начал расслабляться, даже рассказал Архипычу очень смешной анекдот про Чапаева. Он аж согнулся пополам, чтобы не хохотать в голос. Залез почти под парту и хрюкал оттуда. Я, глядя на него, тоже принялся хрюкать. Классуха выгнала нас обоих успокоиться в коридор...

Короче, все складывалось как нельзя лучше. Я уже начал верить, что Васса и Танечка махнули рукой на всю эту историю. На них ведь целая школа, что им какой-то Женька со своим пирогом!

Но радовался я рано. Когда прозвонил звонок, мы с Женькой вернулись в класс, но не успели собрать портфели, как появилась Васса в сопровождении вожатки. Они решительно загнали назад всех, кто уже успел выйти, и объявили, что сейчас состоится внеплановый классный час. Классуха очень удивилась, но промолчала.

Мы расселись. Все недоуменно таращились на завучиху, и только я знал, что сейчас будет. Знал – и все-таки повторял про себя: «Только не это! Только не это!»

Случилось именно «это». Васса стальным голосом сообщила, что в классе произошло ЧП, о котором сейчас расскажет председатель совета отряда. Я подошел к доске на ватных ногах, развернулся к классу и, старательно глядя на шкафы в конце кабинета, произнес:

– Недавно пионер нашего отряда...

Тут я забуксовал, потому что вдруг забыл Женькину фамилию. Не мог же я сказать «Женька» или «Архипыч»! На помощь пришла Танечка:

– Евгений Архипов...

Я продолжил буксовать, потому что теперь не мог понять, кто такой Евгений Архипов.

– Продолжай, Шевченко, – лязгнула Васса, и я тут же снялся с тормоза.

Старательно рассказал все то, что должен был рассказать: про кулич, про бабушку и про религиозные праздники, которые пионерам праздновать стыдно. Старался повторять буквально все фразы, которые вчера мне диктовали в кабинете завуча.

Кажется, не ошибся, потому что, когда заговорила Танечка, в ее голосе слышалось одобрение:

– Вот видите, ребята, это вопиющий случай. И очень хорошо, что вы все его осуждаете.

Она выждала паузу. Класс молчал. Конечно, все осуждали, но еще больше все ждали, когда их наконец отпустят домой.

– Я думаю, – продолжила вожатая, – что и Женя сам осознал, как нехорошо он поступил. Архипов, выйди к доске!

Женька вышел к доске как-то странно, словно вдруг стал деревянным. И стал не рядом со мной, в центре, а как-то с краю. Мы стояли перед классом, как пионеры-герои перед фашистами: Васса, Танечка, я и Архипыч.

– Ну, Архипов, – сказала Танечка, – что ты скажешь по этому поводу?

Женька молчал.

– Ты ведь осуждаешь свою бабушку, правда? – подсказала Танечка.

– Не осуждаю! – неожиданно громко ответил Архипыч.

– То есть как – не осуждаешь? – в голосе вожатки появились панические нотки.

Васса почуяла это и вступила в бой сама.

– Она ведь пыталась отравить вас ядом религии! Конечно, ты осуждаешь старую... не очень умную женщину.

– Сами вы... старая женщина! Стало тихо-тихо.

Я покосился на Вассу и вожатку. Они смотрели на Архипыча, как будто ждали продолжения. Или наоборот, ждали, что сейчас проснутся. Я бросил взгляд на Женьку и только теперь увидел, какое у него выражение лица. Пожалуй, только он из нас четверых и был похож на пионера-героя: губы сжаты, смотрит прямо в глаза Вассе... И кулаки тоже сжаты. Ему еще по гранате в каждую руку – вообще Марат Казей.

Женька подождал немного, но никто больше не произнес ни слова. Тогда он все той же деревянной походкой вернулся на место, взял портфель и вышел из класса.

– Так, – сказала завучиха.

Если до этого было тихо, то теперь стало вообще беззвучно. Как будто воздух превратился в прозрачную, но плотную вату. Все ждали, что Васса разразится гневной речью, но она сказала тихо:

– Все свободны. Шевченко, останься.

Когда все разошлись (в полном молчании, как будто оно к ним прилипло), Васса сказала классной:

– Архипова нужно исключать.

– Из школы? – деловито спросила Танечка.

– Для начала – из пионеров.

– Тамара Васильевна, – вдруг сказала классная, – я бы хотела с вами поговорить.

Только теперь я обратил внимание на классуху. Наташа Алексеевна у нас

молодая, всего два года как из института, но нормальная. И «пару» влепить может, и «неуд» за поведение, но всегда дает шанс исправить. И всегда очень спокойная.

Сейчас Наташа спокойной не была – сидела и кусала губы.

– Говорите.

– Если можно, не в присутствии Вити.

– Шевченко, подожди пока в коридоре.

Я с радостью подчинился. Уселся с ногами на подоконник, хотя это в нашей школе строжайше запрещено. Наверное, мне нужно было сделать что-то запрещенное, чтобы хоть немного успокоиться. Сидел, успокаивался и прислушивался к голосам из кабинета. Сначала голоса были спокойные и ровные. Как будто в настольный теннис играют: Васса «Бух» – Наташа «Тук-тук». Но потом что-то случилось, и разговор пошел на повышенных тонах. Это было странно. То есть Васса частенько говорила на повышенных тонах, Танечка вообще любила покричать, но чтобы классная повысила голос... За год с ней этого не случилось ни разу.

Теперь это напоминало перестрелку. Васса бухала редко, но мощно, как пушка, Наташа лупила часто, как пулемет. Танечка иногда вякала что-то, словно гранату кидала. Кинет – и в укрытие.

Я начал различать отдельные слова, а к концу даже целую фразу классной:

– Вы же жизнь мальчику ломаете!

И в ответ:

– Прекратите истерику, Наталия Алексеевна! После этого громкость разговора сразу упала, и очень скоро меня позвали в класс.

Наташа сидела за своим столом, вся в красных пятнах, и упорно смотрела в окно.

Васса тоже слегка покраснелась, а Танечка почему-то напомнила мне шакала Табаки из любимого мультика.

– Витя, – как ни в чем не бывало произнесла завуч, – в понедельник проведешь пионерское собрание.

Я кивнул.

– Тема собрания – исключение из пионеров Архипова.

Я кивнул.

– Обеспечь, пожалуйста, полную явку.

Я кивнул.

– Иди.

Я в очередной раз кивнул, забрал портфель и вышел.

Меня опять начало подташнивать.

Синичка

11 апреля 2018 года, вечер

Вечером я трепалась в чате, ждала маму, чтобы сделать домашнее задание. Мама влетела как метеор, скинула туфли так, что они улетели в комнату, и с размаху плюхнулась на диван:

– Ох, ну и повезло сегодня, даже не верится! Представляешь, с самой площади без пробок доехала! Один раз только на повороте постояла минут пятнадцать, но это ж не считается! Олька, поставь чайник.

Пока чайник закипал, я выслушала целую историю.

– Сегодня приезжали французы, я целый день с ними носилась по всему институту. Прикольный у них английский, сначала многое было непонятно, а потом приспособились. Им так понравились наши разработки! Если мы с ними договоримся, то у нас весь отдел работой на пару лет обеспечен. Только пахать придется как бобикам. Зато зовут летом к себе на пару недель, если все выгорит, обязательно возьму тебя с собой. Поедем? Оль? Что-то ты хмурая такая?

И я рассказала маме про экзамены.

А потом честно пыталась пересказать параграф. Мама устроила мне разнос, плавно переходящий в мою истерику.

– В чем проблема, я не понимаю? – кричала мама. – Читаешь текст, выделяешь главное. Потом пересказываешь простыми словами. Давай вместе.

Мы взяли текст учебника, подчеркнули главное. Я прочитала. Раз, два...

Начинаю говорить, все мысли из головы сразу выветриваются, остается только ужас от осознания того, что я говорю, а на меня смотрят. И, главное, исправить ничего нельзя. Как сказала, так и сказала. Я начинаю тщательно думать над каждым словом, в итоге бекаю, мекаю, мама злится. После очередной неудачной попытки я пошла разговаривать в форум. Там все просто: пост накатался сразу и большой. Без запинок и ошибок. Вот если б нам на экзамене дали сначала написать, а потом уже читать по написанному...

Витя

11 апреля 1980 года, вечер

Дома меня ждал приятный сюрприз – мама и папа были не на работе. Причем мама готовила что-то вкусненькое, а папа прохаживался по квартире в отличном настроении. Под это настроение его можно было уговорить и сходить в зоопарк, и купить модель крейсера в «Сделай сам». Но, вместо того чтобы обрадоваться, я спросил:

– Чего это вы тут?

– Отгул! – гордо заявил папа. Как будто не отгул получил, а орден.

– В прошлые выходные работал как проклятый, вот меня Первый и отправил сегодня домой пораньше!

Я слушал, тупо кивая. Как начал в школе кивать, так остановиться не могу.

– Маму вон с каторги вызволил!

– Не с каторги! – крикнула мама. – А с любимой работы! Вечно я всех заменяю, пусть они меня хоть раз заменят! А тут Валентин Прокофьевич позвонил...

Мама, веселая и покрасневшая, вышла из кухни, увидела меня и сразу сникла.

– Что-то случилось?

Я помотал головой. От этого опять замутило. Все-таки кивать проще. Теперь и папа забеспокоился:

– Чего такой бледный?

– Так... – сказал я через силу. – Живот болит.

В результате я получил то, о чем и мечтать не мог: полноценное боление в

рабочий день. Мама сварила мне куриного бульончику, папа развлекал разговорами и поминутно трогал лоб.

Я немного покапризничал, немного подремал, похлебал любимого бульона с рисом, опять поспал. Проснулся и понял, что хочу почитать чего-нибудь.

Папа как раз зашел проводить и обрадовался, увидев меня с книгой в руках:

– О! Значит, жить будешь!

Я и сам понимал, что хорошенького понемножку. Завтра буду как огурчик...

...А в понедельник – собрание.

Наверное, лицо у меня как-то очень перекривилось, потому что папа опять встревожился:

– Что? Опять живот?! Надо «скорую»...

– Не надо! Это не из-за живота...

И я рассказал папе все как есть.

Рассказывал и надеялся, что сейчас папа рассмеется и скажет: «Нашел из-за чего дергаться! Ерунда на постном масле». Но папа, наоборот, слушал меня очень серьезно.

– Кислое дело, – сказал он, когда я закончил, – пещера Лехтвейса...

Это он что-то цитировал из книг, которые мне пока читать рано.

– Ладно. Болей пока, я Архипову позвоню.

И папа отправился звонить Женькиному папе, с которым они давно дружат.

Синичка

11 апреля 2018 года, утро

Первым уроком у нас был русский язык. Это всех и добило. Экзамен по русскому, оказывается, заключается в том, что мы опять будем тянуть эти дурацкие билеты, в которых два вопроса и еще задание. Вопросы по литературе, задание по языку. «Роль былин в русской литературе», «Описание природы у Пушкина». Чего говорить-то? Да, былины, сыграли свою роль, да, Пушкин описывал природу. Я честно пыталась сосредоточиться, но смысл того, что говорила русичка, от меня ускользал. Зачем мне запоминать стихи, если на Гугле я найду

их в три секунды? Зачем самой придумывать все эти красивые слова, если они уже давно все написаны и выложены, украшенные разными шрифтами? Русичка бесилась, я висела на форуме с комика, параллельно скачивая откуда-то ответы на ее вопросы.

– А ну телефоны на парту! Не дети, а роботы! – взвилась учительница.

А на форуме почти сразу появилось новое сообщение от Ястреба:

«Почему роботы? Ну почему? Просто наша реальность шире вашей, просто мы живем в двух измерениях – и в реале, и в виртуале. Зачем вам обязательно нужно выдрать нас из привычного мира и вписать в свои рамки? У нас в виртуале нет границ, мы все равны. У нас нет комплексов, каждый то, чем он хочет быть. Нам здесь хорошо, оставьте нас в покое!»

Какой же он все-таки умный! Несмотря на рев русички, я первая успела поставить под его сообщением свое ППКС!

Витя

11 апреля 1980 года, утро

Не знаю, о чем там говорили мой папа с Женькиным, но только сам Архипыч со мной общаться не хотел. Он даже попросил его пересадить за другую парту. Классуха, которая обычно отвечала в таких случаях: «Что за блажь?!», на сей раз без лишних слов отсадила его на пустое место возле Сережки Павлюковича. Я остался один.

На перемене пытался объяснить Женьке, что я не виноват. И вообще – я его даже предупредил, хотя мне запретили. Но Архипыч в ответ обозвал меня предателем.

Даже Ирка Воронько, которая меня считала зубрилой, возмутилась:

– Ты чего пристал?! Ему сказали, он и повторил! Женька презрительно хмыкнул и ушел на другой конец коридора, где и стоял у окна в гордом одиночестве. Ко мне тоже никто не подходил, а мне и самому не очень хотелось с кем-то болтать.

На уроках я только и думал, что об этой дурацкой ситуации. Англичанка меня три раза назвала по имени, пока я сообразил, что это она мне.

Я встал. Она еще раз повторила вопрос, но я и по-русски ничего в тот момент не понимал, а тут по-английски...

– Ай эм илл! – применил я свои языковые познания.

– Ар ю сик? – то ли переспросила, то ли поправила англичанка.

Я решил больше не рисковать с иностранными языками.

– Плохо мне, Елена Ивановна. Можно, я домой пойду?

Англичанка от такой просьбы чуть на пол не села. В глазах у нее читалось: «Ничего себе заявочки».

– Меня сейчас стошнит! – почти не соврал я. – Можно выйти?

– Ладно... – англичанка вопреки своим принципам тоже перешла на русский. – Иди...

Я схватил портфель и выбежал из класса.

Домой сразу не пошел. Меня и правда мутило, не хотелось в душную комнату. И вообще, надо было походить, подумать. Чем больше думал, тем больше на себя злился. Ну зачем я все Архипычу заранее рассказал?! Если бы Васса его ошарашила, он бы растерялся и... И не знаю, что бы там было, но я бы точно виноват не был! А теперь получается, что виноват.

С другой стороны, я же не мог не предупредить друга? Нет, если бы не предупредил, еще хуже было бы!

Мне вдруг захотелось сесть и расплакаться, как маленькому. С большим трудом я доплелся до дома, ввалился в квартиру и залег на диван.

Потом навалился какой-то липкий туман, от которого остались только обрывки воспоминаний. Мама вроде беспокоилась... Что-то я ей отвечал... А потом какой-то врач... Молодой, недовольный мной... Я один в комнате...

Очнулся как-то сразу. За окном темно. А в большой комнате кто-то разговаривает. Не очень понимая зачем, я встал и поплелся слушать.

Говорили мой и Женин папа.

– Может, они его попугать хотят? – Женин папа говорил тихо, но как-то неестественно жизнерадостно. – Попугают и отстанут.

– Нет. Не отстанут. Я заходил в школу, – голос у папы был очень усталый, как после какой-нибудь обкомовской конференции. – Завуч там... старой закалки. И старшая пионервожатая явно под ее влиянием.

– Значит, акция устрашения? – теперь Архипов-старший старался изображать веселье.

– Ты, Петь, не веселись... Мало тут веселого. Тебя в Минск собирались перевести, замом в какую-нибудь республиканскую газету. А теперь...

Они помолчали. Я почувствовал, что коленки у меня подкашиваются. Не от страха, а просто от слабости. Я присел у двери на корточки.

– Неужели ты думаешь, – продолжил мой папа, – что тебя утвердят после такого... инцидента? Это же номенклатура ЦК...

– Да... за такое меня и из партии могут попереть, – теперь дядя Петя не хорохорился, и голос у него стал точь-в-точь, как у моего папы.

– Не попрут! Сошлем на пару лет в какую-нибудь многотиражку...

Архипов перебил:

– Это все ерунда. Как-нибудь переживу, не маленький. Женьку жалко. Поломают парню жизнь... Слушай, а эти... педагоги... они совсем неменяемые?

– Совсем. Единственный шанс твоему Женьке уцелеть – публично покаяться и признать ошибки.

– Нет!

Я вздрогнул всем телом. «Нет» получилось тихим, но таким... хлестким, что ли? Мы как-то ходили в цирк, там у дрессировщика был кнут. Вот он точно так же им щелкал, как дядя Петя сейчас сказал «Нет».

Он продолжил немного спокойнее:

– Помнишь, как ты тогда, с Комаровым? Не стал ведь каяться и признавать ошибок, влил ему на общем собрании!

– Комаров был сволочь и бюрократ. Его из партийных органов давно надо было гнать. И вообще, время было другое.

– Другое. Тебя могли не только без партбилета оставить, но и в волюнтаризме обвинить.

– Ладно, не важно, – по голосу папы стало понятно, что он морщится. – Вот видишь, теперь время не такое жесткое...

– Время всегда одинаковое. А если Женьку сейчас сломают... нет уж! Пусть стоит до конца...

Тут на кухне завожилась мама.

– Мужчины! – крикнула она. – Еще чаю принести?

– Неси! – отозвался папа.

Я торопливо встал и спрятался в своей комнате. Лег на ледяную подушку и чуть не заплакал. Теперь и Женькин папа пострадает.

Я должен что-то сделать!

Как-то спасти друга! Как в «Трех мушкетерах» или «Двух капитанах»!

Тут я вспомнил, что за весь разговор взрослые ни разу не упомянули меня. Наверное, понимали, что я никак не могу помочь. Ну никак!

А я очень хочу! Очень сильно!

Мама гладила меня по голове и терпеливо повторяла: «Все хорошо! Конечно, ты его спасешь! Успокойся, Витя, обязательно спасешь!»

Но я никак не мог спасти Женьку. Он совсем рядом, привязан к мачте, гвардейцы кардинала тыкают в него шпагами. Архипыч не плачет, хотя вся рубаха у него в крови. Он просто смотрит на меня в упор. Мне надо перепрыгнуть со своей кровати на корабль, но нельзя – на борту сидят Васса и Танечка в рыцарских доспехах и строго грозят указательным пальцем.

Я знаю, что завуч будет очень недовольна, если я помешаю гвардейцам кардинала.

Я пытаюсь хотя бы понять – почему? Я ведь должен помочь! Это же мой друг!

Стреляет пушка. Большое каменное ядро из нашего городского музея летит мне прямо в голову, а я не могу даже пошевелиться.

Ядро врезается мне в лоб и взрывается...

Синичка

12 апреля 2018 года, вечер

Сегодня мама задерживалась. Я от нечего делать решила разгрести свой комик. Немного перенастроила инет, чтоб удобнее было, фильмы старые удалила, музыки новой залила. Почту размусорила, а то спама больше гига накопилось. Вообще, конечно, мой комик уже менять пора. Ему уже два года, старенький совсем. Кучи нужных функций нет. Телевизором, например, управлять невозможно. И в трубочку не сворачивается! Стыдно с таким старьем ходить!

Мама пришла только в восемь вечера, уставшая и несчастная.

– Достали эти пробки... Сил нет никаких. К косметичке я не успела, на тренировку тоже. Ну совершенно нет времени собой заняться! Когда уже придумают, как сделать так, чтоб в пробке делом заниматься, а не тупо телек смотреть или по телефону трындеть. У меня за рабочий день уже от телефона голова пухнет! Три остановки телепались полтора часа! Я б за это время два маникюра сделать успела!

Папа тут же начал подтрунивать.

– Зачем тебя два маникюра, мы и одного не оценим...

А мама немедленно разозлилась:

– Слушай, мне всего тридцать восемь лет! У меня еще вся жизнь впереди, если сейчас не следить за собой, потом поздно будет!

– Ладно, ладно, – вздохнул папа, – иди поешь. А то ты сильно злая, когда голодная.

Пока мама ужинала, я честно пыталась в очередной раз пересказать ей параграф из учебника истории, а потом еще и билет по русскому языку. Мне стало плохо. Сначала просто разболелась голова. Мама, как обычно, завелась на тему «это все твой комп», а потом вспомнила, что последние пару часов я к компу-то и не подходила. Сидела с ней на кухне и к экзаменам готовилась. Мама дала мне таблетку. Не помогло. Я честно пыталась лечь поспать, но как только закрывала глаза, видела перед собой класс, который на меня смотрит. От ужаса просыпалась. Вроде бы мама ко мне в комнату заходила, я помню ее холодные руки на моем лбу, помню, она говорила что-то успокаивающее. Потом мне начало сниться, что ко мне летит историк с огромными крыльями и тяжелым клювом долбит меня в висок. А за ним прилетает ястреб, отгоняет

историка, и мне становится почти хорошо. Голова болит, но так, как будто это не моя голова. В этот момент я, наверное, очнулась, потому что смутно помню людей в белых халатах, и капельницу, и мамино заплаканное лицо. А потом опять всякая ерунда. Помню белую комнату, помню мальчика, помню, что я точно знаю, что это и есть Ястреб, а он как будто меня не понимает. Но мне так хорошо оттого, что я его увидела, что я засыпаю. Просто засыпаю. И голова уже не болит.

Витя

неизвестное число, неизвестного года

Совсем ничего не болит. Даже странно – я ведь хорошо помню, как мне в голову летело ядро. И взрыв помню.

Может, я умер, и это рай?

Думаю – и пугаюсь, что эту мысль подслушает Васса. Оглядываюсь. Ни Вассы, ни Танечки рядом нет. И Женьки нет. Я сижу в очень белом кресле в углу очень белой комнаты. В противоположном углу – еще одно такое же белое кресло. На нем сидит сердитая девочка, прижав колени к подбородку.

– Ты кто? – говорю я, но звука не слышу.

Тем не менее девочка меня понимает и отвечает:

– А ты кто?

Это очень странно. Ничего не слышно, но совершенно точно знаю, что она ответила.

– Я Витя. Шевченко. Я заболел... Мы в больнице?

Девочка, кажется, обиделась еще больше.

– Ты точно больной!

Я внимательно смотрю по сторонам. Очень чисто. И никаких теней. И даже намек нет на дверь.

– Это, наверное, обкомовская больница! – догадываюсь я. – Или даже цековская!

Девочка перестала обижаться. Теперь она очень удивлена.

– А что это?

Похоже, у нее с головой не все в порядке, что ж она таких простых вещей не знает!

– Это просто сон, – говорит девочка. – Я сплю, и ты мне снишься.

– Нет, – мне обидно, что она первая про сон сообразила. – Это мой сон! А тебя я вообще не знаю!

– Ты – Ястреб? – вдруг спрашивает девочка.

– Я кто? – у меня от удивления челюсть до пола чуть не упала.

– Я знала, что ты мне приснишься, я тебе в личку написала, а ты не ответил...

– Куда написала?

Но девочка меня не слушает, она встает с кресла и начинает рассматривать комнату. Я тоже встаю. Просто по привычке. Вроде как из вежливости.

– Напиши мне, ладно? – говорит девочка, усаживается в кресло и поджимает под себя ноги.

– Это мое место, – бурчу я.

– А, – машет она рукой, – они одинаковые.

Мы молчим. Я просто не знаю, что сказать. Сажусь в свободное кресло, и через минуту глаза начинают слипаться. Никогда не думал, что можно спать во сне...

Синичка

13 апреля неизвестного пока года

Я открыла глаза и удивилась. В комнате был странный полумрак. Вроде б и солнце где-то светит, но в комнату не попадает. Присмотрелась и поняла – на окне висят толстенные шторы, у нас сроду таких не было.

– Маааам! – позвала я.

Получилось тихо, но мама оказалась рядом мгновенно, я даже не успела понять, откуда она взялась.

– Как же ты нас напугала, господи... – мама тихо плакала и обнимала меня.

А потом отстранилась, и я увидела ее опухшие глаза и непричесанные волосы.

– Мамочка, да что ты, ну подумаешь, голова заболела...

Мама дернулась, и видно было, что слезы она сдерживает с трудом.

– Мы еле в «скорую» дозвонились, автомат во дворе сломался, папа аж к магазину бегал...

Честно говоря, я ничего не поняла, но решила не переспрашивать. Ну видно же, переволновался человек, вот и несет ерунду всякую.

– Мам, открой окно, чего так темно? И зачем нам эти шторы?

– Шторы? – мама удивилась. – Что значит зачем? Висят и висят...

Но шторы все-таки раздернула.

И вот тут мне стало плохо по-настоящему. Компа на столе не было! Там, на его законном месте, валялась груда книг, тетрадки какие-то, бумажки...

– Мама, где комп?!

Я рывком села на кровати.

– Где что? – спросила мама.

– Вот не надо дурочкой прикидываться! – вскрикнула я. – Ты ж знаешь, у меня не от него вчера голова болела, а от экзамена.

– Какого экзамена? – мамины глаза стали размером с блюдце. – Ты о чем? И вообще, как ты со мной разговариваешь?

– Где комп?

Я вскочила и ринулась под стол, мама вскрикнула и пыталась меня удержать.

– Оля, Оленька, тебе нельзя вставать! И волноваться нельзя, ты ляг...

– Я все равно найду его!

Я кинулась в соседнюю комнату, уверенная, что родители просто переставили мой комп куда-нибудь в другое место, но по дороге остановилась. Квартира была не та. Вернее та, но какая-то странная. Такую мебель я видела дома у бабушки. Вот и ковер у нее висел на стенке, и рюмки так же стояли за стеклом.

– Мам, зачем вы мебель переставили?

– Что?

У мамы задрожали губы, и она приложила руку к моему лбу. Я скинула ее в раздражении.

– Я не больна! Куда ж вы его засунули?

Я кинулась в кухню и вот там уже всерьез испугалась. Наша красивая, яркая, желтая кухня куда-то делась. А вместо этого там стояло белое убожество. На плите красовался железный чайник, а вместо микроволновки на шкафчике торчал горшок с цветком.

– Мама, что это? На какой помойке вы его откопали?

Мама стояла в дверях, зажав рот рукой, и смотрела на меня полными слез глазами. Только сейчас я рассмотрела ее повнимательнее. То ли я так долго болела, то ли... Мама была в странном халате сине-зеленого цвета, протертых клетчатых тапках. В этом балахоне она казалась совершенно бесформенной или внезапно располневшей. И на голове у нее было что-то непонятное...

– Мама, – испугалась я, – откуда эти вещи? Что с тобой случилось?

Мама заплакала навзрыд. И оттого как она плакала, мне стало страшно. Я огляделась по сторонам, и у меня снова начал тукать висок, как будто в него кто-то бьется.

– Мама, что со мной? – спросила я тихо. – Я долго болела? Где я, мама?

Мама кинулась ко мне и принялась гладить по головке.

– Ничего, ничего, доченька, доктор сказал, это может быть. Но пройдет. Слышишь? Все восстановится, ты все вспомнишь... Просто температура была слишком высокая... Ты поспи, пойдем я тебя уложу.

Я позволила маме уложить меня в постель и укрыть одеялом. Ничего, я просто сплю. Я потом проснусь, и этот кошмар закончится.

Витя

13 апреля... но какого года?!

Я долго не мог понять – я уже проснулся или все еще сплю? Или у меня этот... горячечный бред?

Голова вроде ясная, только слабость по всему телу.

Но комната... Нет, никакой особой белизны и стерильности! И никаких незнакомых девочек! Но комната явно не моя. Первое, что поразило – телевизор в углу. Маленький и очень тонкий.

Да и мебель... не было у меня никогда такой мебели! Все какое-то яркое, легкое... И совсем нет книг! Я даже сел в кровати, повертел головой, но так и не обнаружил любимого книжного шкафа – большого, коричневого, в котором на нижней полке не хватало одного стекла – мы с Женькой однажды очень активно играли в солдатики.

Книги обнаружились только на небольшой полочке над телевизором – только учебники, хотя и непривычного вида.

– Сынок! Ты уже проснулся?

Я обернулся на мамин голос... и замер с открытым ртом. В двери стояла женщина, очень похожая на маму. Глаза и улыбка были мамины, но в остальном она была... Какая-то очень молодая. Худая, загорелая, а главное – красиво накрашенная и в каком-то супермодном брючном костюме. Мама так красиво одевалась всего несколько раз, когда мы ездили на свадьбы к моим двоюродным сестрам.

– Что такое? – женщина испугалась очень по-маминому. – Тебе плохо? Голова болит?

Я не успел ответить, потому что из-за ее плеча ловко проскользнул в комнату мужчина в белом халате. Наверное, врач, хотя на того недовольного дядьку из «скорой» он не был похож. Того все раздражало, а этот прямо светился от радости.

– Ну-ка, молодой человек, позвольте ваш пульс!

Если бы я пытался не позволить, все равно не успел бы – улыбающийся врач схватил меня за руку, что-то там пощупал, выхватил из кармана какой-то приборчик и присобачил мне на лоб и сгиб локтя две присоски. Понажимал на приборчике кнопки, остался доволен и объявил маме:

– Остаточные явления есть, но кризис позади!

Похожая на маму женщина, которая все это время простояла рядом с кроватью с напряженным лицом, как-то сразу обмякла и присела на кровать.

– Слава Богу, – сказала она и погладила меня по голове.

Я зажмурился.

Все-таки это была мама! Просто помолодевшая и празднично одетая. Но ни у кого на свете нет таких рук и такого голоса.

Я немного полежал с закрытыми глазами, приходя в себя. Хорошо, что мама на месте, но вот где все остальное?

– Мам! А где мой книжный шкаф?

– Книжный шкаф?! – изумилась мама.

На секунду мне показалось, что шкаф на месте, просто я не рассмотрел его. Я открыл глаза. Шкафа не было, зато мама смотрела на меня растерянно.

– Ну да. И все мои книги.

Мама беспомощно глянула на врача. Тот тоже перестал улыбаться.

– Хм... любопытно... А какое сегодня число, молодой человек?

Я задумался. Я читал в книгах, как больные проводят в бреду много дней, а потом не помнят ничего. На всякий случай ответил:

– Ну... заболел я двенадцатого апреля... Сегодня тринадцатое?

Врач остался доволен.

– Правильно. А как тебя зовут?

Он задал еще несколько простых вопросов, и с каждым моим правильным ответом становился все радостнее.

– А вот насчет шкафа... – сказал он немного вкрадчиво, – какие там были книги?

Я добросовестно перечислил:

– Майн Рид. «Волшебник Изумрудного города». «Что такое? Кто такой?»...

Я перечислял свои любимые книги, а брови на мамином лице поднимались все выше. Когда я дошел до сборника «Пионеры-герои в годы войны», брови дошли до верхней точки, да так в ней и застряли.

Я запнулся. Очень не хотелось расстраивать маму, но ведь врач попросил... И вообще, почему список моих книг должен ее так расстраивать? Может, я забыл

какую-то важную книгу? Я покопался в памяти и, кажется, обнаружил искомое.

– «Настольная книга пионера Советского Союза», – выпалил я.

Теперь на меня изумленно таращился еще и врач.

Я совсем смутился и решил пока помолчать. Мама требовательно посмотрела на врача.

– Ну... – дядька потер переносицу в задумчивости. – В целом все в норме, но некоторые аберрации наблюдаются. Скажите, ваш сын много сидит за компьютером?

Мама тяжело вздохнула:

– Вы понимаете... Муж все время на работе, он управляющий в крупном холдинге, у меня тоже свой бизнес...

Тут я вообще перестал что-то понимать и дальнейший диалог мамы и доктора прошел мимо моих ушей. Какой еще «управляющий»? Какой еще «бизнес»? И что такое «холдинг»?! Этот холдинг почему-то меня сильнее всего обидел.

– Не в холдинге папа работает, а в обкоме партии! – заявил я прямо посреди какой-то маминой фразы, хотя взрослых перебивать и невежливо.

Мама и врач разом обернулись ко мне. По-моему, они испугались.

– Ага, – первым пришел в себя доктор. – Понятно. Я вам пропишу успокоительное, ладно?

Мама кивнула и принялась меня гладить по голове. Лицо у нее было такое жалостливое и перепуганное, что я на всякий случай закрыл глаза и уткнулся ей в бок. От мамы пахло непривычно, но все равно это был мамин бок, теплый и уютный.

Взрослые перешли на шепот.

Тут я понял, что очень устал от всех этих загадок.

Я прижался к маме поближе и заснул.

Синичка

13 апреля неизвестного пока года

Я проснулась. Вспомнила вчерашний день. Долго не решалась открыть глаза.

Открыла. Отвернулась к стенке и заплакала. Прибежала мама. Я посмотрела на ее жуткий халат и заплакала еще громче. Кажется, потом приходил врач и мне даже что-то кололи. Не знаю...

Витя

кажется, вечер... или утро?

Никогда в жизни не был так спокоен. Да, я лежу в чужой комнате. Да, мама выглядит непривычно...

Ну и что? Все нормально. Все даже отлично.

За окном сумерки, но я не знаю, утро это или вечер. И знать не хочу. И так все хорошо.

Приходит мама и дает выпить каких-то таблеток. Мне становится еще лучше. Я улыбаюсь.

Мама говорит:

– Спи, сынок. Доктор сказал, что тебе надо много спать.

Я много сплю.

Синичка

неизвестное число ужас какого года

Я проснулась. Видимо, все слезы выплакались вчера, потому что сегодня сил плакать уже не было. Я тупо смотрела на письменный стол, заваленный никому не нужными книгами, и мучительно соображала, что же мне теперь делать.

– Маааам, – позвала я.

Мама, как и в прошлый раз, материализовалась мгновенно.

– Мам, что со мной? – спросила я.

– Не знаю, Оленька. Врач сказал, что ты поправишься, просто нужно время.

– Мам, почему все так изменилось, пока я болела?

– Олюшка, ничего не изменилось. Просто... Просто ты забыла многое. Это ничего... Врач сказал, все восстановится.

Мама опять заплакала, а я решила, что лимит слез исчерпан. Нужно что-то делать.

– Ладно, мам, я встаю. И дай пожрать чего-нибудь...

Слезы у мамы высохли мгновенно.

– Ольга, не груби! – сказала она грозно, но быстро спохватилась. – Конечно! Конечно, солнышко. Сейчас!

Мама метнулась на кухню и через пару минут туда же притопала я.

– Что есть будем?

Я старалась не обращать внимания на странный чайник, который пыхал на плите, и на чугунную сковородку невероятных размеров, на которой мама жарила гренки. Слава богу, хоть с гренками ничего не случилось! Они были горячими, поджаристыми, именно такими, какими я их больше всего любила. После того как я съела штук пять, меня немного отпустило.

– О! А что за молоко такое прикольное?

– Какое молоко?

– Прикольное...

Я думала, мама не расслышала, что я сказала, и, чтоб объяснить, взяла в руки странный треугольный пакет.

– Никогда такого не видела.

Судя по тому, как у мамы задрожали губы, я опять сказала что-то не то.

Гренки стали поперек горла, и я уставилась в стол.

– А где папа? – спросила я.

И подумала: а вдруг он сейчас придет, и весь этот кошмар рассеется. Придет, расскажет, что продал сегодня очередную партию компов. Мы за него порадуетесь.

– Папа на заводе, – сказала мама, – у него первая смена.

Эту информацию я переваривала несколько минут, но уже боялась как-то реагировать.

– А что ж он не позвонит хотя бы... – выдавила я.

– Куда? – изумилась мама.

– Да хоть на ко... – я не договорила, потому что вдруг отчетливо поняла, что никаких комиков тут нет.

Я встала и рванула в комнату. Ну, хотя б телевизор был на месте! После нескольких минут безуспешных поисков пульта я сдалась и включила его кнопкой. Нашла три канала. По одному показывали народный хор, по второму комбайн на фоне заходящего солнца, а по третьему вообще черно-белый фильм.

Что-то уже мелькало на задворках сознания, какая-то мысль билась в голове, но поймать ее за хвост у меня не получалось. Как только я напрягалась, опять начинал ныть висок. Видимо, я потерла голову рукой, потому что подбежала мама и начала причитать:

– Все, Олечка, иди ложись. Доктор сказал, спать побольше, напрягаться нельзя.

– Да я не напрягаюсь, – вяло отбивалась я, но позволила маме оттащить себя в комнату и уложить в кровать.

– Ты не переживай, – говорила мама, – двадцатый век на дворе, врач сказал, что сейчас все могут вылечить...

– Двадцать первый... – автоматически поправила я.

У мамы это была любимая присказка «двадцатый век на дворе», я каждый раз ее поправляла, она каждый раз смеялась, что для нее двадцатый привычнее. Но в этот раз она не засмеялась.

– Что? – спросила она.

И на меня накатила волна мягкого, обволакивающего ужаса. Голова стала ватной, а руки и ноги ледяными.

– Оль, что? Тебе плохо? – всполошилась мама.

– Ты только не плачь, – сказала я шепотом. – Не плачь и не кричи. Просто скажи мне, какой сейчас год.

– Тысяча девятьсот восьмидесятый, – тоже шепотом ответила мама.

А потом добавила жалобно:

– Оль, тебе плохо? Может, «скорую»?

– Нет, не надо. Я посплю.

Я натянула на себя одеяло и отвернулась к стенке. Спать не хотелось. Хотелось умереть.

Витя

непонятно число... 2018 года!!!

Теперь я проснулся с четким осознанием того, что на улице утро.

Это было единственное четкое осознание в моей голове. Все остальное расплывалось, кружилось и куда-то ускользало. Я ходил по комнате и уже не был уверен, что тут все поменялось. Попытался включить телевизор на столе, но только зря тыкал в кнопку включения. На экране на пару секунд появлялась надпись: «Нет сигнала. Проверьте кабель». Я подергал оба кабеля, которые шли к телевизору, даже постучал по нему, но ничего не добился.

Можно было полистать учебники, наверняка там были какие-нибудь подсказки, но почему-то я боялся взять их в руки. Слишком они были... цветные какие-то, яркие.

Я решился выйти из комнаты. И сразу понял – нет, это не наша квартира. Слишком много комнат. Слишком высокие потолки. И слишком второй этаж.

Я мог забыть все, что угодно, но квартира у нас никогда не была двухэтажная, это точно! К счастью, внизу, в огромной комнате, обнаружился работающий телевизор. Не такой, как у меня на столе, а чудовищных размеров. И висящий на стене.

Хорошо хоть, передача была привычная – что-то про съезд партии.

Я спустился вниз, прислушиваясь к тексту диктора.

– ...Между членами Политбюро возникли серьезные разногласия. Генсек Черненко представлял фракцию геронтократов, которым противостояли молодые реформаторы во главе с Горбачевым...

Шум в голове усилился. Очень странный текст! И тон диктора мне не понравился. Он как будто был недоволен руководством партии, даже подсмеивался над ними.

Но тут диктор ляпнул такое, что у меня в голове окончательно все перемешалось:

– ...Напомню, что шел 1984 год...

У меня внутри вдруг кончился воздух. Наверное, я бы простоял так столбом до конца жизни, если бы не папа.

– Ага! – услышал я за спиной. – Больной скорее жив!

Я обернулся, предчувствуя, что увижу не совсем папу.

Так и оказалось. То есть выглядел папа обычно – немного усталый, немного веселый и очень умный – но его одежда... Никогда раньше папа не носил джинсы с майками! Да еще таких... «модняцких», как он сам говорил.

– Ну как, отошел немного? – спросил папа.

– Ага, – выдавил я из себя.

– Тебе надо есть больше фруктов! – уверенно заявил папа и подтолкнул меня к низенькому столику.

Я покорно сделал шаг и в который уже раз обалдело застыл. На столике красовалась плетеная корзинка с неправдоподобно большими и красными яблоками, блестящим виноградом и пушистыми персиками. Раньше я видел такой набор только на уроке рисования, когда мы учились рисовать натюрморт. Тогда фрукты были восковыми.

– Эй! – встревожился папа. – Ты чего? Опять плохо?

Он ласково обнял меня сзади за плечи. Меня заколотило. Раньше папа никогда не обнимал никого, кроме мамы. Наверное, я очень сильно болен.

– Бери-бери! – подбодрил меня папа. – Отличные яблоки, свежайшие.

Уже ничего не соображая, я протянул руку, взял яблоко, но откусить побоялся.

И тут на глаза мне попался яркий журнал, лежащий на столике рядом с корзинкой.

На нем было написано крупными буквами: «Системный аналитик». А внизу – маленькими: «март 2018 года».

Комната завертелась перед глазами и куда-то пропала.

Синичка

14 апреля 2018 года

Я проснулась. С ненавистью посмотрела на толстенные шторы, которые закрывали от меня солнце. О том, что со мной случилось и куда я попала, я старалась не думать.

– Ничего, выживу, – прошептала я себе под нос. – Выживу и разберусь со всем этим.

И вдруг я поняла, что случилось! Просто я попала в компьютерную игрушку, в квест навороченный. И что мне теперь нужно сделать? Нужно выполнить задания, пройти по уровням и в конце... В конце вернуться домой. Знать бы, что для этого нужно сделать... Хоть бы намекнул кто...

Но в любой игрушке нужно вначале хорошенько оглядеться. Полазишь, поищешь, а там и найдешь что-нибудь.

Я тихонько встала и отправилась на кухню. По дороге заглянула в спальню. Родители спали, и я не стала их будить. Мама явно страшно устала, не спала, пока я болела, а папа... Папа на заводе... Вот это у меня в голове совсем не укладывалось. Папа всегда чем-нибудь торговал, последние пару лет компами, до этого еще много чего было. Он говорил, что на зарплате и месяца не выживет, что для него рабочий день с 9 до 18 – смерти подобно. Да и вообще вся его работа была на телефоне. Как же он здесь, без комика-то? Что-то я, кстати, и домашнего телефона не видела. Ну не может же его не быть?!

Я с трудом открыла холодильник, удивленно рассмотрела его содержимое. А что они тут едят? А это что? Хорошо, что мама мне когда-то показала фильм «Гостя из будущего», там мальчик точно с такими же бутылками носился. В них кефир был, для космических пиратов.

Я налила себе кефира в стакан, отрезала кусок батона и отправилась на экскурсию по квартире. Кругом был сплошной антиквариат. Нашла приемник невероятных размеров. Собственно, я б никогда не догадалась, что это приемник, если б на нем это не было написано. Нашла целую тумбочку с грампластинками. Бабушка мне когда-то на даче показывала такие. Из знакомых фамилий была только Пугачева... Послушать, что ли? Но я побоялась разбудить родителей, да и не разобралась сама, куда пластинку засовывать.

Пока я разглядывала чудо техники, проснулся папа. Он пришел ко мне очень сонный, сел рядом на диван. Я залезла к нему на колени, потерлась носом о

колючки, отросшие на подбородке, и закрыла глаза.

– Чего это ты болеть вздумала? – папа взъерошил мне волосы. – Ты это прекращай!

– Угу! – сказала я.

Мне страшно не хотелось открывать глаза, рядом с папой было так спокойно.

– У меня на заводе сейчас работы куча... Середина квартала. Так что я собираться пойду.

Папа потянулся, и я нехотя слезла с его колен. Почти ничего из того, что он сказал, я не поняла. Особенно загадочную фразу про середину квартала. И я решила хоть немного прояснить ситуацию.

– Пап, а ты что сейчас на работе делаешь?

– В смысле?

– Ну чем ты сейчас занимаешься? Сегодня, например, что будешь делать?

– Как обычно...

– А что как обычно?

– Ну... вот приду и узнаю. – Папа усмехнулся. – Без работы не оставят. Опять нужно будет куда-нибудь ехать, договариваться, выбивать какие-нибудь материалы.

– Зачем выбивать?

– Так кончились.

– А купить?

Папа посмотрел на меня как-то странно.

– Оль, ты, похоже, правда еще не совсем в себя пришла. Иди-ка лучше поспи.

Я просто подпрыгнула от обиды.

– Да не хочу я спать! Я только что проснулась! И что я такого спросила?

И тут в комнату вбежала мама. Она быстренько выпихала папу в коридор, и я услышала ее сдавленный шепот:

– Не спорь... Врач сказал... Ей нельзя расстраиваться... Сама вспомнит...

После этого папу отправили умываться, а ко мне пришла мама с немного неестественной улыбкой.

– Оленька, солнышко, пойдем завтракать. Что тебе приготовить?

Сначала я мстительно хотела попросить чего-нибудь, чего точно тут не бывает. Потом посмотрела во встревоженные мамины глаза, вспомнила содержимое холодильника...

– Бутерброд с сыром сойдет, – буркнула я.

Мама облегченно вздохнула.

Витя

14 апреля 2018 года

Ночью я просыпался несколько раз, и каждый раз то мама, то папа успокаивали меня и заставляли пить сладкие сиропы.

Когда проснулся окончательно, в голове была какая-то каша. Я даже не стал пробовать подняться в кровати. Просто лежал и думал. Было очень сложно, потому что мысли постоянно расплзались, как улитки, но я старался.

Значит, я в будущем. Это факт.

Почему? Зачем? Я, конечно, читал «Машину времени», но там все было понятно – человек сел и поехал. А я? Заснул в одном году, проснулся через... через... Попытался сосчитать, но не смог, только голова разболелась.

Ладно, неважно. Главное, что я тут. Может, это какой-нибудь секретный эксперимент? Как в «Большом космическом путешествии»! Эта идея мне понравилась. Ну да, там ведь ребята думали, что они в космосе, а на самом деле они сидели в специальном тренажере под землей. И у меня точно так же! Я думаю, что я в будущем, а на самом деле это такой эксперимент!

Я сел в кровати. Жить стало проще. Теперь понятно, почему мне никто ничего не объясняет – это такие условия эксперимента. Я должен выполнить какое-то задание. Какое? Потом разберемся. Скорее всего, просто освоиться в непривычной обстановке, во всех этих «бизнесах» и «хлодингах»... Или «холдингах»? Ладно, прорвемся! Мама с папой рядом, они не дадут пропасть.

Я бодро вскочил с кровати – и зря. Меня сразу повело в сторону, чуть не упал. С кресла, которое стояло у изголовья моей кровати, подскочила заспанная мама и подхватила меня.

– Сынок! Что случилось? Тебе плохо?

– Все отлично, мама! Только голова немного кружится. Можно, я пойду погуляю?

– Голова – это от таблеток... А погулять – конечно, можно! Хочешь, в Раубичи скатаемся?

Я не знал, хочу ли я в Раубичи. Честно говоря, я смутно представлял, где это. Погулять я вызвался только для того, чтобы проверить ситуацию, – думал, мама меня будет удерживать дома, на полигоне.

Поэтому я неопределенно пожал плечами.

– Отлично! – мама решила, что я согласился. – Быстро умываться!

В ванной меня ждал сюрприз: все такое яркое, блестящее, как в фантастическом фильме. Все-таки наши инженеры – лучшие в мире! Хотя с краном пришлось повозиться, пока я понял, как добыть из него воду.

Умытый, взбодрившийся, одетый во что-то непривычное, но жутко удобное, я в сопровождении мамы вышел из квартиры.

И укрепился в идее полигона. Оказывается, мы живем не в квартире, а в отдельном доме! Ну конечно, эксперимент-то секретный! И в Раубичи мы поедем по какой-нибудь секретной дороге, а там тоже будут только участники эксперимента!

Интересно, а в автобусе мы тоже будем одни? Или для такого дела мама вызвала такси? Ответ на этот вопрос разрешился удивительным образом: мама решительно подошла к стоящей возле дома машине необычного вида и преспокойно уселась в нее. За руль!

Это мама, которая велосипеда боится!

– Что ты там тормозишь? – весело крикнула она мне. – Прыгай в машину!

Я очень старался ничему больше не удивляться и направился к автомобилю.

Синичка

14 апреля 1980 года, день

После завтрака я вернулась в свою комнату.

– Мааааам!

– Что, Оленька?

– Мам, давай снимем эти ужасные шторы, они же солнце ко мне не пускают.

Мама пришла в комнату и испуганно посмотрела на шторы.

– Зачем снимать, ты их просто раздвинь.

– Мам, ну неужели ты не видишь, какие они тяжелые и огромные?

Я нервно дернула за конец шторы. Мама тут же принялась меня успокаивать.

– Хорошо, хорошо, снимем. Только надо же что-то на их место повесить.

– Зачем?

– Как зачем? Как же без штор?

– Почему без штор? Мы вот эти, легкие оставим!

Я немедленно взлетела под потолок и принялась отковыривать шторы от карниза. Черт бы побрал эти старые технологии! Карниз был железный, местами ржавый. «Крокодильчики» тоже железные, разжимала я их с огромным трудом. И вот, наконец, штора рухнула к маминым ногам, подняв изрядный столб пыли.

– Уф! – радостно сказала я, – Правда, так лучше!

– Не знаю, – неуверенно заявила мама. – Как-то это неправильно. У всех шторы висят...

– Ну и что? – изумилась я.

– Как «ну и что»? А что соседи скажут? Окно как голое.

– А какое нам дело до соседей?

– Ну ты скажешь... Как это «какое дело»? Обсуждать начнут.

– Ну и пусть обсуждают.

Я пожала плечами и принялась сворачивать штору в рулон.

– Пойду в стиралку закину, – сообщила я, чтоб отвлечь маму от странных разговоров о соседях.

– Подожди, – всполошилась мама, – какую стиралку? Я не собиралась сегодня стирать!

– А чего там собираться?

– Ну как чего? Это ж нужно, чтоб папа машину вытащил в коридор, потом полоскать это полдня.

– Чего?

Я медленно села на пол. Кажется, я опять забыла где нахожусь. Надо будет потом посмотреть на это чудо техники – стиральный агрегат, за которым нужно еще и полдня полоскать.

А мама и не заметила моего смтения.

– Оль, тебе уже получше, я на работу схожу, хорошо?

После истории с папиной работой мне было даже страшно спрашивать, но я не выдержала.

– А где ты работаешь?

Удачно, что голос от волнения сел, мама не расслышала, а я быстро поправилась:

– А что случилось?

– Сегодня заседание кафедры, мне лучше присутствовать.

Уф, мама работает на кафедре, хоть что-то не изменилось.

– Ээээ... Что-то важное?

Мама отмахнулась.

– Да, как обычно. Отчет о работе. Шефская помощь.

– И ты надолго?

– Часа на четыре. А что, тебе плохо?

– Нет-нет. Мне нормально. Просто удивительно...

Я слабо представляла себе собрание в рабочее время на четыре часа, но уже поняла, что лучше ничего не спрашивать. Нужно соображать самой.

И тут я увидела первую подсказку. На полу, под батареей, валялся календарик, 1980 года. Я его хорошо помнила, он лежит у нас на даче, в коллекции маминых старых открыток. Точно, это он! На лицевой стороне смешной медвежонок с олимпийскими кольцами на пузе. Я взяла календарик в руки и все ждала, что сейчас раздастся музыка или хотя бы писк. Я ж в компьютерной игре, я подсказку нашла! Но было тихо...

Витя

14 апреля 2018 года, день

Я очень старался не удивляться.

Я держался, когда увидел внутренности маминной машины. Куча всяких приборчиков, индикаторов – как в космическом корабле.

Сделал вид, что все в порядке, когда мама, болтая о хорошей погоде, нажала какую-то кнопку, и передо мной появился экран маленького плоского телевизора.

Невозмутимо смотрел какой-то навороченный мультик.

Но когда мы выехали на улицы, не выдержал, принялся вертеть головой направо и налево.

Это был не наш город. То есть улицы вроде наши. И парк, где я гонял на велике (хотя деревья, кажется, другие). И речка.

Но люди! Но дома! Но огромные рекламные плакаты на всю стену!

– Ты чего? – забеспокоилась мама. – Увидел кого-то знакомого?

– Да нет... Мам, а сегодня какой-то праздник?

– Нет, просто суббота. А в чем проблема?

Мне очень хотелось ответить: «А чего они так все вырядились?!» – но я сдержался.

Я-то думал, что это мама стала такой модницей, а оказалось, что вокруг все разодеты еще ярче. Особенно девчонки. От их лимонно-желтых, ярко-синих, алых и вообще непойми каких одежек рябило в глазах. Я старался особенно не пялиться на них, потому что юбочки были слишком коротенькие, а маечки – слишком маленькие. С перепугу я сначала решил, что это девицы легкого поведения (нам на политинформации о них рассказывали, а потом Коля Рожков из «Г»-класса еще показывал один журнал). Но слишком их было много. И не похожи они были на этих самых девиц. В «Бриллиантовой руке» я видел, как эти девицы себя ведут – мужчин за руки хватают и проходу не дают.

Мужчины тоже выглядели слишком... пестро. Я почти не видел костюмов и галстуков, зато многие щеголяли в невообразимых штанах с безумным количеством карманов. Нет, не мальчики вроде меня, а солидные толстые дядьки. Даже несколько дедушек! Один мне особенно запомнился – бодрый такой старикашечка в яркой тенниске и желтых бесформенных брюках, седые волосы собраны в хвост, как у девчонки, а сам на мопеде.

Самое удивительное, что никто из прохожих на него не оборачивался и не тыкал пальцем.

Ехали мы не очень быстро. Я вдруг осознал, как много вокруг машин. Почти все они были необычной формы и неизвестных мне марок.

У меня начала болеть голова. Пришлось откинуться в кресле и закрыть глаза. Мама тут же перестала болтать, убрала телевизор, что-то подкрутила, и я почувствовал на лице свежий ветерок. Стало легче, и до самого конца поездки я продремал.

Зато потом было здорово! Мама выгрузила из багажника сумку с роликовыми коньками и вручила мне:

– Держи! Сегодня можешь кататься до упаду.

Честно говоря, я раньше на таких не катался, поэтому боялся, что «упад» начнется с первых шагов, но тут меня ждал приятный сюрприз. Стоило мне надеть (с маминой помощью) коньки и наколенники с налокотниками, как тело словно само вспомнило нужные движения. Я легко оттолкнулся и поехал.

– Поосторожнее! – крикнула мама, но в голосе ее не было особенной тревоги.

Как я погонял по дорожкам! Из головы сразу вылетели все проблемы! Стоило

отключить голову, и ноги сами закладывали какие-то замысловатые пируэты, совершали резкие прыжки и развороты.

Вернулся к маме я совершенно счастливый. Она тоже выглядела довольной, хотя и отчитала меня для проформы:

– Сколько раз я тебе говорила – не лихачь!

И тут же чмокнула меня в макушку. Я понял, что она очень мной гордится.

Всю обратную дорогу я продрых на заднем сиденье.

Только перед самым домом проснулся и вдруг задумался – неужели ради меня одного отгрохали такой полигончик?! Или я тут не один?

Синичка

1980 год

Мама ушла. В квартире стало очень тихо. Я сначала помыкалась бессмысленно пару минут, а потом вспомнила, что нужно срочно искать подсказки. И ринулась...

Оказалось, что это очень тяжелое занятие. Вся квартира была, как назло, захламлена так, что казалось, что тут недавно был склад. На кухне нескончаемые залежи продуктов. Интересно, зачем нам десять кило гречки? Или девять палочек дрожжей в морозилке? Я честно все пересчитала, подумала, что мне это потом пригодится. На антресолях я нашла просто бессчетное количество банок с вареньем и соленьями. Это кто ж, интересно, так затарился?

Я перерыла в кухне все, что смогла, и из подсказок нашла только огромную пельменницу. Я ее точно видела, она и у нас дома точно так же на кухне валяется, никто ею не пользуется, а выбросить почему-то жалко.

В коридоре меня больше всего потрясли три коробки с одинаковыми сапогами. Только размеры были разные. Интересно, это кому и зачем?

Дальше шла родительская спальня, и тут я совсем потерялась, потому что шкаф просто ломился от всякого барахла. Какое-то нечеловеческое количество шмоток, причем таких... Что ж они тут носят-то, это же ужас какой-то!

Дома мама носит только яркие костюмы. Юбок почти не надевает, говорит, что за рулем неудобно, но брючки всегда самых невероятных цветов. Здесь я обнаружила у нее в шкафу абсолютно одинаковые черные юбки и мрачные пиджаки. Брюк нет вообще. И если судить по тому, в чем она уходила на работу,

то единственная цель такого пиджака – скрыть человека целиком. Как будто мешок на себя надела! Вообще выглядит мама так, как будто лет на десять старше стала.

И тут меня пронзило страшное предчувствие. Я отправилась к своему шкафу. О ужас! Я с содроганием вытащила из шкафа нечто. Что это? Типа спортивный костюм? А это? Вот эти вязаные... э-э... даже не знаю, как назвать. Легинсы? Это как носят? А колготки? Да это ж не колготки, это издевательство какое-то! У нас в таких даже груднички не ходят!

Я с отвращением запихнула в шкаф все это убожество и... Ура! Вот еще одна подсказка! На полке, рядом с кроватью, я увидела книжку. Я узнала ее, она есть у нас дома. Только я взяла ее в руки, раздался звонок. Я попала! Я вышла на следующий уровень? Звонок повторился. Видимо, я должна что-то еще сделать... Звонок стал настойчивым.

Я, обняв книгу, кинулась в коридор. Звонили тут. Звонили во входную дверь. Пока я искала домофон, чтоб открыть, звонок трещал уже непрерывно. Я аж вспотела, пока не сообразила, что нет тут домофонов, что это прям в дверь звонят. В звонок.

– Алле? – тихо сказала я двери, потом прокашлялась и повторила громче: – Алле?

– Оля, открывай! Это я, Ира! – сообщили из-за двери.

Я от такой наглости чуть не села. Ага, нашли дурочку, так я и открыла!

– Я вас не знаю! – сказала я.

За дверью помолчали, а потом раздался быстрый шепот:

– Ой, Олечка, а я не поверила. Ко мне твоя мама утром зашла и попросила тебя проведать. Сказала, что ты заболела сильно и многое забыла, а я ей не поверила. Оль, это ж я, Ира, мы с тобой за одной партой сидим.

– Я одна сижу, – брякнула я, не подумав.

– Оля, Олечка, ты открой, твоя мама сказала, ты все вспомнишь. Я тебе помогу, Оля-а-а...

Я мучительно соображала, что ж мне делать. С одной стороны, нельзя открывать незнакомому человеку, с другой, если рассуждать логично, я нашла подсказку – раздался звонок. Значит, это естественное развитие игры. Черт, сохраниться бы... Знать бы как.

Я заметила у двери глазок, посмотрела в него. За дверью стояла девочка. Действительно девочка. Просто девочка. И бормоча про себя «сейв, сейв, контрол эс» я открыла дверь.

Витя

2018 год

Когда я увидел, что мама куда-то собирается, то попросил:

– Мама, а возьми меня с собой. Мне дома одному скучно.

Мама так и застыла с туфлей в руках.

– Дома? Скучно?

Похоже, мама решила, что ослышалась.

– Ну да. Книжек мало, читать нечего. Что я тут буду один делать?

Мама смотрела на меня, словно подозревая подвох.

– А... комп? – осторожно спросила она.

Слово «комп» мне ничего не говорило. На всякий случай я неопределенно повел плечом.

– Ну хорошо, – в мамином голосе чувствовались одновременно и изумление, и сдержанная радость, – поехали. Только я по магазинам, тебе, наверное, скучно будет.

Услышав про магазины, я чуть было не дал задний ход. Ненавижу магазины! Стоишь в этой очереди полчаса и слушаешь, как бабки между собой болезни обсуждают. Но ведь должен же я найти других подопытных! Может, они тут уже давно, знают правила, объяснят, что к чему.

– Ничего! – твердо сказал я. – Потерплю. Заодно могу в очереди постоять.

– Зачем? – мама окончательно растерялась.

– Ну... чтобы ты могла в другую очередь встать.

Мама вдруг рассмеялась. Я решил не развивать тему.

– Ладно, – сказала мама, отхохотав, – поехали... заботливый ты мой.

Даже когда мы сели в машину, мама продолжала улыбаться. Завелась, нацепила на ухо какую-то большую сережку и вдруг сказала:

– Привет!

Я во все глаза уставился на нее. Не со мной же она здоровалась!

– Представляешь, что наш сын сегодня заявил?

Видимо, мама с папой разговаривала. То есть, наоборот, невидимо разговаривала. Сколько я ни вертел головой, папы не заметил.

– «Давай я в очереди постою... – мама снова стала давиться от смеха, – чтобы ты могла в другую очередь встать»!

Судя по паузе, папа что-то отвечал. И, судя по новому взрыву маминого смеха, что-то смешное.

– Точно! – мама начала похрюкивать. – Память предков.

Она чуть-чуть повернула голову ко мне:

– Сынок, папа спрашивает, не поможешь ли ты ему на мамонтов охотиться?

Я надулся. Мама заметила это и быстро свернула разговор.

– Ты чего? – сказала она своим коронным маминым голосом. – Обиделся? Извини, мы не хотели тебя обидеть!

Я тут же оттаял, но из принципа продолжал дуться и смотреть в окно. Поймал себя на том, что сегодня пестрота на улицах, странные машины и одежды меня не так сильно задевают. Старался высмотреть в толпе кого-нибудь с растерянным взглядом, но мама слишком быстро ехала.

А потом мы пошли в магазин...

Теперь я понял, почему мама смеялась. Очередей не было! Вообще! Нигде! То есть у некоторых прилавков стояло по два-три человека, но это же не очередь! Очередь – это когда через весь магазин тянется колбаса из людей, чтобы купить кусок колбасы из коров.

Но мама все равно застряла в отделе со всякой одеждой. Через пять минут она заметила, что я скучаю, и сказала:

– Да ты походи погуляй пока!

Это было странно. Обычно мама меня ни на шаг не отпускала в магазине – вдруг потеряюсь. Я обрадовался и пошел искать книги.

Книг не нашел, но нашел игрушки. И застрял возле них точно так же, как мама – возле платьев. Чего тут только не было! Мячи, карнавальные костюмы, конструкторы... про всякие машинки и куклы я вообще молчу. Я даже забыл, что собирался выследить кого-нибудь из подопытных, – стоял и глазел, не отрываясь.

И тут у меня во внутреннем кармане куртки что-то завибрировало и зазвучала бодрая песенка. Я испуганно полез в карман и достал из него небольшой полупрозрачный приборчик, который полностью состоял из экрана. Музыка шла именно из него. Почти весь экран занимало сообщение: «Вызывает Мама». Под ним зеленым было написано «Ответить», а красным «Отменить».

– Ответить, – сказал я приборчику.

Тот продолжал наигрывать музыку. Я почесал затылок и ткнул пальцем в «Ответить». Это сработало: на экранчике появилась мамино изображение, а из приборчика донесся приглушенный встревоженный мамин голос:

– Витя! Ты где?

Я поднес приборчик поближе к уху и громко ответил:

– Я тут!

– Где тут?

– У отдела игрушек!

– А... – Мама сразу успокоилась. – Жди меня там, я сейчас.

И замолчала. Я еще немного постоял, посмотрел на приборчик, но экран на нем быстро погас, я пожал плечами и спрятал его в карман.

– Ты почему так долго трубку не брал? – сердито спросила мама, как только нашла меня. – Я уже волноваться начала!

«Ага, – подумал я, – значит, это называется „трубка“!»

– Пошли, надо еще за продуктами заехать.

В гастрономе – огромном, как стадион, – людей было много, но очередей все равно не наблюдалось. Я уже спокойнее рассматривал прохожих и обратил

внимание, что многие из них тоже ведут диалоги с невидимыми собеседниками. Некоторые, как мама, пользовались большой сережкой на ухе, другие – приборчиками вроде моего. Только они прижимали его к уху, как телефонную трубку. Я вдруг сообразил, что это телефон и есть! Только очень маленький и удобный, можно с собой носить. У американцев таких точно нет!

Как хорошо жить в самой передовой стране мира!

Синичка

1980 год

Я осторожно открыла дверь, и пару секунд мы с неизвестной девочкой рассматривали друг друга.

– Олька, – сказала она шепотом, – Олька, ты чего так смотришь?

– Как? – спросила я.

– Странно как-то, – ответила девочка и вошла в квартиру.

Чувствовала она тут себя как дома – разулась, закрыла дверь и пошлепала в мою комнату.

– Ой, а чего вы шторы сняли? Стирать? А что это у тебя тут пельменница валяется? А ты совсем ничего не помнишь? А представляешь, мне вчера Женька сказал, что если б он полетел на Луну, он бы мне оттуда открытку прислал. Как ты думаешь, это значит, что я ему нравлюсь? Или он так, треплется, как обычно?

Девочка говорила без умолку, а я слушала ее, слушала. Если это переход на следующий уровень, то должен же быть смысл во всей этой болтовне? Или ей нужно задать правильный вопрос? Может быть, она должна мне передать важный предмет?

– А что ты мне принесла? – спросила я.

Девочка Ира осеклась на полуслове и задумалась.

– А что? Я что-то должна была принести? – спросила она.

Вдруг лицо ее просветлело, и она сказала:

– Точно! А я и забыла! Смотри, что у меня есть!

Она достала из кармашка, разгладила и протянула мне на ладошке, как величайшую ценность, маленькую бумажку. По тому, как она на нее смотрела –

с восхищением и почти не дыша, – я поняла, что это безусловно оно – ключ, который переведет меня на следующий уровень.

Я так же нежно взяла бумажку в руки, развернула ее и застыла.

– Что это? Это ключ? – спросила я.

– Это Дональд Дак! – гордо ответила она, – У Катьки вчера выменяла. Помнишь, ей в прошлом году дядя жвачку из-за границы привез?

– Не помню, – ответила машинально.

– Ой, Олька, как же я забыла... – Глаза у Иры тут же наполнились слезами. – Оленька, ты не переживай, ты вспомнишь, я тебе все расскажу, хочешь?

И Ира кинулась меня обнимать. Я стояла как истукан и ничего не соображала. Никогда в жизни ко мне не лезли обниматься посторонние люди, это было так дико, что сразу захотелось удрать. Но удирать было некуда, сзади стояла кровать, и единственное, что я могла сделать, чтоб вывернуться из объятий, это сесть на нее. Села. Ира тут же шлепнулась рядом, обняла меня за плечи, прижалась и зашептала в ухо.

– Олечка, я так соскучилась по тебе, в школе без тебя плохо. Катька со Светкой, Ленка с Наташкой, а я все одна да одна. Хорошо, что Аленка заболела, вернее, плохо, что она заболела, но зато у второй Ольки, у Шиловой, теперь тоже подружки нет, так мы вместе. Но ты не подумай, как только ты придешь, я с тобой буду! А ты когда придешь?

– Я не знаю пока, – выдавила я из себя.

Посмотрела на бумажку в руках и поняла, что надо брать инициативу беседы в свои руки, а то у меня от этих ненужных подробностей крыша поедет.

– Ты мне обещала про жвачку рассказать, – сказала я.

– Что? – Ира посмотрела на меня круглыми глазами, – Ах, да... Ну жвачка. У Катьки выменяла. Хочешь, подарю?

– Как выменяла?

– На то синее стеклышко, помнишь?

– Не помню.

– Ой, Оля-а-а, – Ирины глаза опять наполнились слезами, и она прижалась к щеке.

Я испугалась, вскочила, отошла к стенке. Постаралась собраться с мыслями.

– Не плачь, – выдавила я из себя. – Лучше рассказывай.

– Что?

– Все. Про жвачку.

– Да далась тебе эта жвачка! Это что, для тебя так важно?

– Да.

Ира внимательно посмотрела на меня и сказала:

– Да я не знаю, что рассказывать! Это наш с тобой любимый фантик, ты его тоже хотела, а Катька не давала. А вчера она вдруг говорит: «Давай меняться, стеклышко на Дака!» Ну, я и согласилась. Они «секретики» делали во дворе, и нужно им было синее стеклышко. А я наигралась уже, мне надоело.

– А зачем мне был этот фантик?

– Как зачем? – удивилась Ира. – Чтоб был. Красиво.

Я внимательно посмотрела на бумажку в руке. Фантик и фантик. В голову б не пришло его хранить.

– А жвачка где? – спросила я.

– Да съели давно, – пожала плечами Ира, – Ее ж год назад привезли, ты что, не помнишь? Ах, да... А хочешь, я тебе покажу, где твоя коллекция лежит?

– Хочу...

Ира бодро полезла в мой стол и вытащила оттуда картонную коробку. Боже, сколько там оказалось всякой ерунды! Какие-то блестящие бумажки, разбитые бусинки, фантики, значки, стеклышки. Если ключ где-то здесь, я его никогда не найду...

Витя

2018 год

К вечеру я был так переполнен впечатлениями, что они у меня через уши лезли.

Я уже ничему не мог удивиться, а чтобы искушения не было, забился на заднее сиденье машины, закрыл глаза, уши... и уснул.

Проснулся уже дома, на каком-то диванчике. Поворочался – в эту комнату я еще, кажется, не заходил. И увидел мамин затылок. Она сидела за столом, прямо перед телевизором – точно таким же, как стоял в моей комнате.

– Проснулся? – весело спросила она, не оборачиваясь. – Есть хочешь?

– Не-а!

Я хотел напомнить маме, что так близко перед телевизором сидеть опасно, она сама мне сто раз это говорила – но не напомнил. Меня удивило то, что я увидел на экране. Почти весь телевизор был занят текстом, который появлялся буква за буквой. И самое поразительное, что появлялся он благодаря маминым действиям! Когда она нажимала на кнопки перед собой, слова выползали на экран. А когда делала паузу, текст тоже замирал в ожидании. А в паузах появлялись чьи-то еще фразы – не по букве, а сразу целиком.

Что-то похожее я видел в каком-то фантастическом фильме... А может... Догадка мне очень понравилась, я тут же решил ее проверить.

– А что ты делаешь? – спросил я как можно небрежнее.

– Общаюсь... Так тебя покормить?

– Да нет, я же сказал... А с кем?

– С подругой... Погоди пять секунд!

Все сходилось! Конечно, мама, как и я, была участником эксперимента! Ученые проверяли, как быстро человек способен разобраться в неизвестном ему техническом устройстве. Мама уже разобралась со всем этим, а я пока не могу.

Я подошел к маме и обнял ее сзади за плечи.

– Мам... А ты меня научишь?

Тут выяснилось, что мама сидит в крутящемся кресле. Она развернулась так резко, что чуть не сшибла меня с ног.

– Ой, прости, – сказала она испуганно. – Что ты сказал?

– Научи меня, пожалуйста... – я кивнул на клавиши перед мамой. – Этому всему.

– Я?! Тебя?!

Теперь уже я испугался, что мама упадет в обморок.

К счастью, в комнату заглянул папа.

– Вот вы где! – сказал он бодрым голосом. – Чего вы тут уединились? То есть удвоились?

Мама схватила меня за руку, как будто я собирался убежать.

– Саша... Витя просит... чтобы я научила его работать на компьютере...

Папа с минуту, наверное, переводил взгляд с мамы на меня и обратно. А потом вдруг захохотал и начал трясти мою руку:

– Молодец! Семейное чувство юмора! Гены пальцем не размажешь!

Мы с мамой не поддерживали его веселья. Папа перестал смеяться и насторожился:

– В смысле?

К счастью, я уже успел сообразить, как себя вести. Видимо, по условиям эксперимента нельзя помогать друг другу. Поэтому я сказал:

– Это из-за болезни. Из головы все вылетело. Пап, а у тебя есть инструкция к этому... к компьютеру?

Я очень надеялся на инструкцию. Я даже с новым пылесосом по инструкции в пять минут разобрался. Папа не разобрался, мама даже не взялась – а я смог.

– Инструкция? – папа с сомнением наморщил лоб.

Наверное, вспоминал, можно ли по условиям эксперимента пользоваться инструкцией. А потом решился.

– Ладно, будет тебе инструкция. Вместе с инструктором.

И повел меня в мою комнату. Мама увязалась за нами. Папа усадил меня перед телевизором и сунул в руки такую же панель с кнопками, что и у мамы.

– Итак. Устройство компа. Комп состоит из монитора...

Сначала папа говорил полушутливо и все посматривал на меня – мол, ну что, будем дальше играть? А потом вошел в раж, особенно когда дошел до Инета. Я

только глазами хлопал, пытаюсь запомнить все его действия. Час, не меньше, мама пыталась нас дозваться на ужин. Потом ушла – и вдруг на экране появилось окошко с надписью «Мама». В окошке было написано:

«Живо ужинать!!! Саша! Ты как маленький, честное слово!!!»

Папа спохватился и потянул меня ужинать.

За столом он продолжал меня наставлять, но на слух я вообще ничего не воспринимал.

– Лучше качать через торренты, – жарко говорил он, – хотя при нынешних скоростях уже без разницы. Но учти, антивирус должен быть все время включен...

Маме еле удалось сбить папу с темы вопросами о его работе. Через пять минут он уже с жаром рассказывал о каких-то тупых клиентах, которые не умеют работать по лизингу... Я сидел, жевал курицу и радовался, что хоть в лизингах мне не придется разбираться.

После ужина я сразу бросился к своему компу (комп это, а не телевизор!). Нужно было повторить все, что мне говорил папа, пока оно еще в голове. Нажал на кнопку включения. Дождался, пока появится окошко с паролем. Похвалил себя за то, что догадался записать пароль на бумажку. Ввел пароль. Дождался, пока на экране появится картинка с разбросанными по ней значками... И застрял.

Сейчас нужно было как-то выйти в Инет. Когда это делал папа, все получалось быстро и понятно, но теперь, когда я был один... Надо было «щелкнуть мышкой» на каком-то значке... Я взялся за кругленькую коробочку-«мышку» и поводил ей туда-сюда. Попытался щелкнуть. К моему удивлению, это получилось легко – как вчера с роликами. Рука как будто сама помнила нужное движение. Но где же нужный значок?

Я водил мышкой по коврику, чтобы хоть что-то делать, и грустно думал, что теперь меня признают никуда не годным и исключат из эксперимента. И маму с папой, наверное, тоже. Подвел я их... И Женьку подвел...

Меня вдруг пробил холодный пот. Из-за всех этих удивительных штук я совсем забыл о Женьке!

А пионерское собрание? Оно прошло, или меня решили ждать? Мне очень-очень захотелось остаться в эксперименте! Чтобы там с Архипычем все как-нибудь само утряслось! Как же открывается этот чертов Инет?!

И вдруг я сообразил, что чертов Инет уже запущен. Более того – открыт этот...

как его... браузер, и в нем – какой-то сайт. Похоже, пока я думал о своем, руки сами собой сделали все что нужно.

Я приободрился. По крайней мере, сегодня меня (и родителей по моей милости) из эксперимента не выкинут. Значит, надо самому поэкспериментировать с Инетом. И вообще с компом...

...Я и не заметил, как наступила глубокая ночь. Наверное, до утра просидел бы – игрушка очень интересная попалась – но пришла мама и с недовольным бурчанием «А я-то радовалась, что ребенок от компа отлип» заставила все закрыть и выключить.

Бухнулся в постель и на секунду вспомнил про Женьку. А потом сразу, без перехода, упал в сон. Там было много удивительных блестящих машин и какие-то люди с бородами и в белых халатах запускали Инет с помощью большого разводного ключа...

Синичка-Оля

1980 год

Через два часа Ириной непрерывной болтовни я поняла, что смертельно устала. Я уже ничего не понимала, ничего не соображала, у меня осталась только одна мечта – как-нибудь ее выключить. Но как выключить компьютерную игрушку, если ты у нее внутри?

– Ира, я уже наигралась на сегодня!

– Хорошо! – бодро рапортует Ира, – Давай почитаем!

И она хватает с полки книжку. Я машинально запоминаю какую (вдруг это очередная подсказка), а Ира садится возле меня, утыкается в книгу и начинает листать страницы. Спрашивает:

– Прочитала? – и только тогда переворачивает.

Я честно пыталась читать, но шрифт слишком мелкий и нечеткий, да и неудобно читать с колен, все-таки гораздо лучше, когда монитор перед глазами. Я бросила это занятие и несколько минут наслаждалась тишиной. Но недолго...

– А все-таки молодец Алиса, правда?

Ох. Не может она помолчать...

– А я вот думаю, я б, наверное, испугалась. А ты?

Я прояслила что-то неясное. Понятия не имею, что она там вычитала. Но Иру это нисколько не смутило.

– Я сколько книжек читаю, все время думаю, что я б так не смогла. Они все в книгах герои... Все смелые. Например, пионеры-герои. Они ж как мы были, дети, а уже Родину защищали. Или вот Алиса... С космическими пиратами сражается... Хотя Алиса, она из будущего, наверное, тогда все люди будут героями. Как ты думаешь?

Я не думала, я лихорадочно соображала, к чему она ведет. Как же ее выключить? Мне нужна передышка. Выйти бы из игры, попить чего-нибудь.

– Я чаю хочу! – сказала я вслух.

– Давай попьем, – согласилась Ира.

На кухне она пару минут наблюдала, как я стояла с чайником в руках и соображала, как его включить.

– А где вода? – жалобно спросила я.

– В смысле? – спросила Ира.

Пока я продолжала озираться в поисках кулера или фильтра, Ира выхватила у меня чайник и сунула его под кран. Ничего себе! Эти дикие люди пьют воду прямо из-под крана!

Я уселась за стол, а Ира деловито зашустрила на кухне.

– Оль, вообще ты плохо выглядишь, – сказала она через пару минут. – Молчишь все время. И вообще какая-то странная. Даже про будущее мне не ответила.

– А что отвечать?

– Ну что-нибудь. Что ты думаешь, то и ответь.

– Я ничего не думаю.

Ира поджала губы и отвернулась. А я наслаждалась тишиной. Но опять недолго, потому что пришла с работы мама.

Мама втащила в квартиру две огромные сумки. Пришла, поставила их в коридоре, дотелепалась до дивана и рухнула на него без сил. Но выражение лица у нее при этом было совершенно блаженное.

– Оляка, ты только посмотри, что я достала!

Я аккуратно подошла к сумкам и заглянула внутрь. Ничего интересного не нашла, еда и еда. Зато Ира просто зашлась от восторга.

– Ой ничего себе! – заголосила она. – Тетя Таня, давайте я вам помогу разобрать.

И потащила одну сумку на кухню. Там она начала выгружать содержимое на стол, чмокая от восхищения. В кухню тут же вошла мама и стала, размахивая руками, с восторгом рассказывать.

– Нам сегодня на работе заказ дали. Ну первое ж мая скоро. Посмотри, там печень трески и шпроты. И горбуша! И сгущенки две банки! И вот иду я с этой сумкой домой, а у нас рядом с работой гастроном есть, дай, думаю, зайду. Захожу и, как чувствовала, подхожу к колбасному отделу, а там у нас девочка продавщица знакомая есть, и она мне глазом мигает. Я сначала удивилась, а потом решила подождать, подхожу поближе, а тут колбасу выносят! Ты посмотри, трех сортов! Трех! Вареная, сервелат и сухая. Жаль, всего по палке давали, а то б я больше взяла. А пока я стояла, еще и кур выбросили в соседнем отделе. Ну что за день такой удачный! Давайте я вам, девчонки, бутербродов наделаю!

Мама торжественно выдала нам по бутерброду с вареной колбасой, объявив, что сухую она оставит на праздник.

Ну, колбаса, в целом, была вкусная. Даже мясом пахла. Но общих восторгов у меня разделить совсем не получалось, тем более что вопросов осталось куча. Почему еду дают, а не продают? И зачем выбрасывали кур? И что такое заказ? И почему колбасу можно есть только по праздникам?

А мама жевала и говорила без передыху, видно было, что ее от радости аж распирает.

– Вот папа придет, обрадуется!

– Тетя Таня, – спросила Ира, – а долго вы стояли?

– Да нет, – сказала мама, – часа два в общей сложности. Нормально. Жаль, конечно, хотела себе сегодня ногти покрасить, теперь уже поздно возиться. Эх, все время что-то не успеваешь! Ладно, теперь вы рассказывайте, что вы тут

делали весь день.

Ира начала пересказывать маме, во что мы играли, а я внезапно страшно устала. Встала и ушла в свою комнату.

Я слышала, как мама уговаривает Иру не обижаться, объясняет, что я больна, слышала, как Ира в сотый раз цокает языком и обещает мне помочь. А я лежала и думала о том, что без меня сейчас на форуме происходит. Интересно, заметил ли кто-нибудь, что Синички нет? Там у них весело, небось уже сто страниц исписали. К экзаменам готовятся... И тут меня посетила первая радостная мысль – ведь если я здесь, то и экзамены эти идиотские мне сдавать не нужно! Интересно, я когда доиграю и выберусь отсюда, я куда попаду? В тот же день, откуда ушла, или позже? Хорошо бы здесь месяцок перекантоваться и уже после экзаменов вернуться домой.

В комнату пришла мама, положила руку мне на лоб и сказала:

– Оль, я посоветовалась с доктором, он сказал, что тебе лучше в школу пойти. Там друзья, они тебе помогут. Это лучше, чем одной дома сидеть.

– Хорошо, – сказала я.

Игра выходит на новый уровень! Завтра я выйду из дома!

Витя

2018 год

Я лежал с закрытыми глазами и удивлялся, почему меня в школу не поднимают. Радовался, конечно, но и удивлялся тоже. А потом вспомнил про эксперимент и перестал удивляться.

Но валяться сразу расхотелось. Я сел в кровати, потянулся и начал думать, чем бы заняться, раз уж в школу идти не надо. Интересно, а в эксперименте школа вообще не предусмотрена? Но ведь должны меня чему-то учить? В «Москве-Кассиопее» ребят-космонавтов во время полета заставляли учиться. Или тут обучение во сне? Я помякал подушку, но ничего в ней не обнаружил. Хорошо бы школа все-таки была. Учиться я люблю. С ребятами можно было бы поговорить, наверняка они бы меня быстро научили, в чем смысл этого эксперимента.

И вообще – как же я узнаю обо всем вокруг? Хоть бы книги какие дома были, энциклопедии... И тут я рассмеялся – ну я и тормоз! А Инет мне для чего провели прямо в комнату? Конечно! С его помощью тут все и учатся, и с

условиями эксперимента разбираются.

Я прямо в трусах уселся за комп, включил его и запустил браузер. Сегодня это у меня получилось гораздо быстрее, хотя я и не отключал мозги, чтобы руки сами все делали.

Открыл страницу поиска. Задумался. А что искать-то? Ввел слово «Эксперимент» и нажал «Искать!».

Ухты!

Ответов было много. Очень много. Слишком много!

Оказывается, люди проводят самые разные эксперименты: физические, биологические, театральные, медицинские, химические, даже социальные какие-то. Один из заголовков гласил: «Эксперимент» – новый фантастический блокбастер!». Я решил выяснить, что такое «блокбастер», щелкнул на заголовке. Оказалось, речь идет о фильме. На этой странице заметил подчеркнутую строку (папа называл такие строки ссылками) «смотреть трейлер». Щелкнул на ней – надо же было выяснить, что такое «трейлер»! Посмотрел короткий рассказ о фильме, который сопровождался отрывками из него. Увидел ссылку «Смотреть еще», щелкнул на ней...

...Мама сердито потрясла меня за плечо:

– Ты завтракать идешь? Я зову, зову...

– Извини, мам, я не слышал.

– При чем тут «слышал»? Я в аську тебе уже сто раз написала!

Мама перехватила у меня мышку и щелкнула на мигающем прямоугольнике внизу экрана. Открылось окошко с текстом «Сынок! Иди завтракать!».

– Господи, – изумилась мама, – ты что, никому в аське не отвечаешь?

И она провела мышкой по верхней части окошка. Там мигали желтые значки. Возле каждого значка было написано имя. Причем имена какие-то странные: «Сушка», «Красавица», «Ястреб», «Кровопийца»...

– Я сейчас отвечу! – пообещал я и потянулся за мышкой.

Но мама мышку не отдала.

– Потом ответишь! Марш на кухню!

Завтрак был уже холодный, но мама не стала, как обычно, ворчать по этому поводу. Она просто сунула мою тарелку вместе с едой в какой-то стеклянный ящик и нажала на нем кнопочку. Ящик тихо загудел, тарелка в нем принялась крутиться.

– Я смотрю, – строго сказала мама, – ты уже совсем здоровый!

Я подумал и кивнул.

– Значит, завтра отправляешься в школу. Экзамен на носу, нечего дома прохлаждаться!

Сначала я обрадовался, что школа тут все-таки есть, а потом испугался. Экзамен? Какой еще экзамен? Ведь экзамены только после восьмого класса сдают! Мама моего изумления не заметила, потому что ящик звонко чирикнул и перестал гудеть. Мама достала из него тарелку и поставила передо мной. Еда была горячая.

И я понял, что это меня совсем не удивляет. Особенно после того, что я узнал про экзамен. А что я узнал про экзамен? Да ничего! Узнал, что он есть. Маму решил ни о чем не расспрашивать. Я уже привык, что по условиям эксперимента должен все узнавать сам.

Оля

1980 год

Разбудила меня мама. Собиралась я долго и мучительно. Хорошо, что мама не задавала вопросов, а молча пихала мне то, что нужно надеть. Я с трудом влезла в жуткое коричневое платье, сверху мама навертела какой-то несуразный передник мрачного черного цвета, а на шею зачем-то привязала красный платочек. Гламурненько... Но очень неудобно! Сто лет я юбок не носила! Вернее не носила я их почти через сорок лет, считая от сегодняшнего дня. Но если об этом думать, можно тихо сойти с ума.

Мама хмуро напялила на себя очередной хламидный пиджак и принялась красить губы. Ну, к маминой утренней хмурости я уже привыкла, она всегда оживает только к обеду, но к такому маминому виду привыкнуть невозможно!

– Слушай, мам, – не выдержала я, – а почему ты все время в такой мрачной одежде ходишь?

– В какой мрачной? Нормальный деловой костюм.

– А почему такой темный? И юбка эта тебе не идет...

– Что значит «не идет», нормальная юбка. Ольга, что-то ты много себе позволяешь!

Я оторопела, все никак не могу привыкнуть, что тут мама совсем не терпит, когда я с ней начинаю как с подружкой разговаривать. Даже обидно!

– Мам, но что ты сразу обижаешься! Просто ты одеваешься, как будто ты...

Я долго не могла подобрать слово. Не скажешь же «пожилая» женщина, точно обидится...

– Как будто ты зрелая женщина! Дурацкое слово! Но, может, не обидное?

И мама не обиделась, удивилась, скорее.

– А я какая? Оль, мне уже тридцать восемь лет! Я давно не девочка. И у нас не принято ходить на работу абы в чем. У нас солидный институт. Нашему отделу, между прочим, в следующем году разрешили еще две кандидатские защитить. И премию обещали поднять квартальную, если план выполним.

Я опять не поняла и половины из того, что услышала, мысленно плюнула и решила разобраться с этим потом. Тем более что мама уже активно выпихивала меня из дома.

Вышла я из дома... И очень хорошо, что у подъезда меня ждала Ира, потому что без нее я б до школы не дошла. То есть точно бы опоздала, пока б рассматривала все вокруг. Двор вроде б наш, но какой-то странный, что-то не то...

– Ира, – сообразила я, – а где все машины?

– Какие машины? – удивилась она.

А я оглядывала двор и не верила своим глазам. Обычно за припаркованными авто не было видно травы – они стояли в два ряда вдоль бортика, а если б могли, встали бы еще на пару рядов наверх. Сейчас во дворе было пусто.

Но Иру это нисколько не удивило, она с завидным упрямством волокла меня в школу. Идти было неудобно, ветер поддувал под юбку, норовил ее задрать выше головы. А колготки, о эти колготки... Помню, бабушка мне рассказывала, что когда она была маленькой, то колготки еще не придумали. И носили они

чулки на подвязках до груди. Возможно, это было еще хуже, хотя по-моему хуже некуда... Эти колготки скукоживались и собирались отвратительными гармошками, и утешало только одно – так выглядели абсолютно все девочки, которые, так же как мы, спешили в школу.

А наш район я узнавала с трудом. Деревьев почти нет, дорог нет совсем. Вокруг сплошные новостройки, стоящие среди топкой грязи. Видимо, недавно шли дожди... В грязи, на самых оживленных местах, где больше всего ходят люди, были проложены досочки, по которым резво перемещались бабушки с маленькими детьми, тетеньки на каблуках, дяденьки в костюмах, а также многочисленные школьники. Все прыгали по этим дощечкам так резво и слаженно, что я просто диву давалась, как они натренировались. Дошли мы до школы. Тут все не сильно изменилось, школа явно новехонькая, только построенная. Чистая пока и ухоженная. Конечно, без стеклопакетов, блестящего ламината на полу и компа на входе, который считывает индивидуальную карту каждого входящего, но в целом это была моя школа. Даже раздевалка нашего класса оказалась на том же месте, что и была.

Но дети, дети все-таки были другими. Они все были какие-то... дикие и приставучие. Все вокруг бегали и кричали, все норовили потрогать и спросить что-нибудь дурацкое:

– Как дела?

– Ты пришла?

– На урок идем?

Я просто дурела от идиотизма вопросов. Нет, я не пришла, нет, не идем... Я совершенно не понимала, какое им вообще до меня дело? Кто им позволил трогать меня руками, дергать за волосы и хлопать по спине? Почему они так громко смеются, смотрят мне в глаза и беспрерывно что-то спрашивают? Чувствовала я себя ужасно. Так ужасно, что даже забыла, что мне бы нужно подсказки собирать, а не просто так по сторонам глазеть. Ира утащила меня к кабинету математики (надо же, он на своем месте), и тут прозвенел спасительный звонок на урок.

Витя

2018 год

Весь вчерашний день я провел лихорадочно, но как-то бессмысленно. Сначала пытался разобраться в «аське». Прочитал все, что там было, но так и не понял

ничего. Кажется, люди (или роботы?), которые писали сообщения, что-то знали обо мне важное и нужное. Но использовали они такие удивительные слова, что смысл от меня ускользал – «лол», «фича», «кирдык», «лохануться»...

В общем, в школу я проспал. Смутно помню, как мама меня запихнула в машину, потом вытащила из машины, отбуксировала к школе (нашей, но какой-то слишком нарядной) и сдала с рук на руки какой-то аккуратной бабушке.

– Карту! – строго сказала она, улыбаясь.

Это было жуткое зрелище: глаза, как у Снежной Королевы, а сама улыбается. Я оцепенел.

– Карту! – повторила бабушка и улыбнулась еще шире.

Мне стало еще страшнее. К счастью, тут мимо меня пробежал какой-то мальчик, он на бегу выхватил небольшой цветной прямоугольник из кармана и быстро провел им по какому-то прибору. Прибор пискнул, мальчик пронесся мимо него, даже не притормозив. Наверное, у меня тоже должна была быть такая карточка. Порывшись в карманах, я действительно выудил цветной прямоугольник. Он был на ощупь очень гладкий и твердый. Я протянул карту бабушке. Она улыбнулась еще шире, так, что стали видны все зубы – белые, без единой дырочки.

– Я думаю, Виктор, вы сами в состоянии поднести вашу персональную карту к сканеру.

Я решил больше не спорить. Еще немного – и бабушке придется так сильно улыбнуться, что лицо треснет. Я поднес карточку к прибору. Тот пискнул. Я вопросительно посмотрел на бабушку. Та благосклонно кивнула. И стала улыбаться еще шире.

Я прошел мимо нее, стараясь не смотреть на это ужасное зрелище.

Уже внутри понял, что совершенно не представляю, куда идти. Я даже не спросил у мамы, в какой я параллели! Пришлось лезть в рюкзак и искать дневник. Ага, 6 «Б»... Стоп! Как шестой? Я же только в пятом учусь? Неужели я пролежал в этом... анабиозе целый год!

От страха я проснулся окончательно и испугался еще больше. На мне не было не только галстука, но и школьной формы вообще! И все остальные, кого я успел увидеть, тоже одеты кто во что. Подробно рассмотреть не успел – все слишком торопились...

Я глянул на большие круглые часы, и меня нагнал другой страх, более

привычный. Я понял, что осталась всего минута до начала занятий. Глянул в дневник – первая сегодня математика. Кстати, и дневник какой-то непривычный... Как и рюкзак, в котором не было ни одного учебника или тетрадки, зато лежал какой-то прямоугольный ящик... Но разбираться было некогда. Я бросился к кабинету математики, надеясь, что он-то хоть остался на месте. К счастью, так и оказалось. В кабинет я вбежал вместе со звонком.

Пробежался глазами по рядам. Все почему-то сидят по одному человеку за партой. А вон та пустая. Наверное, моя.

Я еле успел занять парту, как в класс вошел учитель. Все поднялись из-за парт.

– Садитесь! – сказал он. – Напоминаю, что сегодня у нас важный тренинг...

Сердце у меня забилось чаще. Почему-то я понял, что сейчас и начнется настоящее мое участие в эксперименте.

Оля

1980 год

Ох, как же я ошибалась, считая, что звонок меня спасет. Дальше все было еще хуже. В классе творилось что-то несусветное. Вместо того чтоб сидеть и спокойно общаться, как это делают у нас все нормальные дети, мальчишки носились по кабинету, дрались книгами и гоготали. Девочки вели себя чуть получше, они просто сгрудились в кучку и шушукались, зыряка глазами в сторону мальчиков.

Вместо удобных парт тут стояли обычные столы, причем за каждым столом сидело по два человека. Ужасно, даже на уроке мне придется терпеть рядом чье-то присутствие. Мальчишки уgomонились, только когда в класс вошла математичка. Эта была женщина странного возраста, с высоченной прической и опять-таки в мешковатом костюме. Лицо вроде молодое, но в целом выглядела она лет на пятьдесят.

Ирка потянула меня за рукав садиться. Я и не заметила, что все это время стояла торчком, прижав к себе портфель.

– Садитесь! – рявкнула математичка. – Дежурный, раздайте самостоятельную!

– У-у-у-у... Ы-ы-ы-ы... – замычал класс.

Вскочила худенькая маленькая девочка и стала бегать по классу с какими-то бумажками, при этом все остальные шушукались, хватали ее за руки и пытались

что-то выяснить про варианты.

– Вариантов пять, – сказала математичка. – Решаем быстро, эта работа на двадцать минут.

Все уткнулись в тетради, я начала рассматривать листик. Как-то текст странно напечатан, непонятно на каком принтере... Но если здесь есть принтер, значит, и комп должен быть!

– Воробьева, что сидим?

Я не сразу сообразила, что это ко мне обращаются.

– У тебя осталось пятнадцать минут.

Я огляделась по сторонам и увидела, что все вокруг быстро что-то строчат в тетрадках. Как им удастся писать с такой скоростью? Я взяла ручку и начала переписывать в тетрадь условие задачи. В принципе, несложная, мы такие решали. Только непонятно, как $16\ 416$ разделить на 36. Комика-то у меня нет! Я еще раз огляделась по сторонам. Все сосредоточенно писали, никто не просил калькулятор. Ирка, которая сидела рядом, ткнула меня локтем.

– Чего застряла? – спросила она, едва разжимая губы.

– А как это поделить? – ответила я так же.

– В столбик... – ответила Ира.

– Разговорчики! – рявкнула математичка. – Воробьева и Воронько, сейчас отберу работы!

Я гипнотизировала листик и понимала, что сейчас заплачу. Я не помню, как делят в столбик. Мы проходили это три года назад, и с тех пор ни разу мне не приходилось воспользоваться этим редким умением. Они б меня еще на счетах считать заставили!

Математичка встала позади меня и громко дышала за спиной. Я окончательно перестала соображать и остальные задачи решать не пыталась.

Витя

2018 год

При слове «тренинг» все напряглись. Я просто кожей почувствовал, как в классе электризуется атмосфера.

– Я тут успел заметить, – математик насмешливо посмотрел на меня, – что некоторые до последней секунды готовились к сегодняшнему испытанию. Еле на урок успели. Даже нотик подключить не успели.

Только тут я заметил, что у каждого на столе стоит маленький комп, провода от которого уходят куда-то под парту. Провода были и на моей парте, а вот маленький комп... Вдруг я сообразил, что ящичек в рюкзаке – это он и есть! Я полез в рюкзак, но учитель меня остановил:

– Поздно пить «Боржоми»! Шевченко! К доске!

И сразу напряжение спало, хотя никто ничего не сказал. Я шел к доске и ловил на себе сочувствующие и злорадные взгляды. Это мне совсем не нравилось. Похоже, «испытание» предстояло серьезное. А вдруг спросят что-нибудь про Инет? Или еще про какие-нибудь экспериментальные штуки? Я дошел к доске и обернулся к классу в надежде, что кто-нибудь что-нибудь подскажет. Но на меня уже не смотрели. Все сидели, низко нагнувшись, и что-то делали под партами. Мне стало совсем страшно.

– Я болел! – робко сказал я.

– Ничего! Будем повторять пройденное. За год.

И тут я похолодел: «за год»! Это значит – за шестой класс!

Но математик почему-то спросил у меня длину окружности. Не веря своей удаче – эту формулу я знал! – я ответил.

– Хм... А площадь круга?

– Пи эр квадрат!

– Ого! – Кажется, учитель был удивлен.

Я приободрился. Значит, для пионера, который только что попал в эксперимент, я был хорошо подготовлен.

Он стал задавать мне всякие вопросы – а я отвечал на них все бойчее и бойчее. Вопросы-то были совсем не сложные: про положительные и отрицательные числа, дроби и чуть-чуть – про уравнения.

Про себя я радовался, что не дали самостоятельную, потому что от волнения я

мог что-нибудь «напортачить», как говорит папа. А устно отвечать просто. Надо только следить за выражением лица учителя. Как только он начинает хмуриться или хочет что-то сказать, надо тут же быстро в уме найти ошибку и вслух исправиться.

Погоняв меня немного, математик покачал головой.

– Ничего себе... – Он повернулся к классу и произнес торжественно: – Вот видите! Ничего сложного тут нет! Вышел и все рассказал!

Теперь на меня смотрели не с сочувствием или злорадством, а с ненавистью. Как будто я выскочка и зубрила какой-то! Просто меня вызвали – я ответил! А что, надо было делать вид, что ничего не знаю? Впрочем, несколько девочек тарасились на меня с явным восхищением. Это меня приободрило.

– Ладно, девятка, – сказал учитель и поставил оценку в журнал. – Пару раз оговорочки все-таки были, а то бы десятка была. Садись.

Я так и не понял, пошутил он или по условиям эксперимента на самом деле десятки ставят. Покорно сел. И почувствовал, как завибрировал портфель, – наверное, мама звонила на телефон. Я постеснялся доставать, хотя все вокруг сидели с телефонами в руках и что-то там нажимали. С телефоном я пока слабо разобрался, не хотел позориться после такого триумфа.

– Так, – сказал учитель, – следующий к доске...

Класс не успел испугаться, как он выдал:

– Снежана Кравчук.

Девочка на первой парте вздрогнула и посмотрела на учителя.

– Давай-давай, – подбодрил он ее. – Шевченко смог, а ты что, глупее?

Девочка нехотя поднялась из-за парты, злобно зыркнула на меня и поплелась к доске.

– Ну что, – учитель прищурился, – чтобы облегчить тебе задачу, буду задавать те же вопросы, что и Шевченко. Длина окружности?

Девочка нахмурилась.

– Давай-давай, вспоминай!

– А варианты ответов какие? – вдруг спросила она.

– Никаких вариантов. Думай давай...

Девочка уставилась на потолок.

Математик вздохнул.

– Ладно, напиши на доске.

Девочка взяла мел и, к моему удивлению, довольно уверенно написала формулу. Правда, почерк у нее был, как у первоклашки – буквы большие и неровные, и строка уходит куда-то вниз.

– Вот видишь! Ты же знаешь! А слабо теперь словами сказать?

Ученица уставилась на доску и прочитала:

– Эс... равно... два... пэ... эр...

– Не «пэ», а «пи»! – учитель стер формулу. – А теперь?

Девочка снова уставилась в потолок и выдавила из себя:

– Эс... два... пэ... эр...

Дальше пошло не легче. Помучив ее еще немного, учитель устало сказал:

– Садись. Все с тобой ясно. Артемов!

Девочка с явным облегчением села, ее место занял пухлый рыжий мальчишка. У него успехи были еще скромнее. Потом вызвали еще нескольких человек – и все они «пэкали-мэкали», хотя вопросы были все те же, что спрашивали у меня.

Сначала я гордился – вон какой я умный. Потом задумался. А потом испугался – может, это из-за эксперимента все так тупеют? Или сюда только тупых отбирают? Значит, надо поскорее отсюда смыться! Сегодня же поговорю с мамой и папой!

Но последняя фраза учителя меня насторожила.

– Как же так?! – сказал он, отправив на место очередного мученика. – Шевченко, не самый умный в классе, может у доски отвечать, а все наши хваленые отличники... пузыри пускают! А экзамен никто отменять не собирается, имейте в виду.

Когда прозвенел звонок, все принялись вытаскивать провода из своих ноти́ков, а я спохватился, что так и не подключил его.

Оля

1980 год

Следующим уроком была история. Как во сне, я перешла из кабинета в кабинет. Вернее, Ира меня перевела, я б не справилась. Шум, гам, тарарам... Все галдят так, что у меня уши заложило. Что ж это за люди такие, они все время разговаривают! И не просто разговаривают, они кричат, стараются переорать друг друга. Более того, они почти не ходят шагом, как оглашенные носятся по школе, сбивая всех на своем пути. Если б не Ира, меня б, наверное, уже и в живых-то не было. Пару раз она меня вытащила из-под ног безумных старшеклассников, дальше я шла по стеночке, озираясь по сторонам. Хуже «Дарк Мортал», ей-богу...

Историк мне сначала даже понравился. Он не кричал и не орал, а довольно тихо что-то рассказывал. В принципе, ничего нового и страшного. Та же, что и у нас, история Древней Греции. Но потом он решил проверить домашнее задание. Я ничего плохого не подозревала ровно до той секунды, когда он склонился над журналом и произнес протяжно:

– К доооске пооойдееееет...

По классу пронесся судорожный вздох, и воцарилась мертвая тишина. Прямо как у нас бывает, только еще и комики не тренькают.

Историк еще секунду поводил пальцем по списку, а потом сказал, как выстрелил:

– Архипов!

– Уффф! – выдохнул класс.

Со второй парты встал мальчик и пошел к доске. А я вся похолодела... Неужелии здесь мне не избежать экзаменов! Мне стало так страшно, что первые пару минут ответа Архипова я просидела, уткнувшись носом в парту и пытаюсь собрать замороженные от страха мысли. Потом в голове потихоньку стало проясняться, и я с огромным удивлением услышала, что Архипов довольнобойко что-то у доски рассказывает. Так у него это здорово получалось! Вот бы имне так научиться, я б тогда эти экзамены одной левой! Я прям заслушалась, так красиво он говорил.

И вот он закончил, а историк скучным голосом говорит:

– Садись, Архипов, пять!

Я чуть не подпрыгнула. Как пять? Да за такой ответ нужно «десять» ставить! Я б две «десятки» поставила. У нас так во всей школе никто не ответит! Да у нас учителя хуже рассказывают!

– Сколько? – возмущенно вырвалось у меня.

Ирка толкнула меня локтем, а историк поднял на меня голову и сказал:

– Воробьева, ты хочешь продолжить? К доске!

Я не знаю, зачем я туда пошла. Нужно было остаться на месте. Но я, как во сне, встала и вышла. И даже развернулась к классу лицом. И даже подняла глаза. И все... Дальше я помню только ужас. Я понимала, что я стою здесь одна, а на меня все смотрят. Что я в идиотском платье, которое мне не идет, а на коленях у меня пузырятся колготки. Что я должна что-то говорить, но что?

– Воробьева, продолжай. С того места, где Архипов остановился...

Я молчала как истукан.

– Архипов, расскажи Воробьевой, что ей говорить.

Архипов встал и сказал:

– Рассказ о культуре Древней Греции, а следующий пункт в параграфе – про историю олимпийских игр.

– Понятно? – спросил меня историк.

Я кивнула. И продолжала стоять. Мне стало жарко.

– Воробьева, ты готова к уроку?

Я мотнула головой, уткнувшись взглядом в пол.

– Тогда садись, два.

По рядам пошло удивленное гудение, а я бросилась на свое место. Только б от этой страшной доски подальше, двойка меня совершенно не волновала.

Витя

2018 год

На перемене я собирался поговорить с одноклассниками, выяснить подробности, но где там – все забились по углам и кнопки на своих трубках нажимают!

У меня тоже время от времени жужжала трубка, но сколько я ни поднимал трубку, мамино лицо ни разу не видел. Вместо этого натыкался на надпись: «У вас 35 непрочитанных сообщений». Потом опять жужжание – и опять: «У вас 36 непрочитанных сообщений». Я твердо решил сегодня же вечером выяснить у папы, как обращаться с этим сложным телефоном.

Потом началась история. Тут тоже ничего страшного не было: историчка вызывала по одному к доске и задавала всякие вопросы. Причем не даты спрашивала (даты у меня из головы всегда выскальзывали), а так, вообще – кто такие были илоты и кто был главным в Древнем Риме. И эти простенькие вопросы всех ставили в тупик! Я надеялся еще раз блеснуть на общем фоне, но учительница шла по алфавиту и до меня не добралась.

Зато я, косясь на соседей, разобрался, как подключать нотик к проводам, торчащим из-под парты. И даже нашел на нотике кнопку, которая его включает. Правда, так и не понял, зачем он нужен.

Так прошли все шесть уроков. Я совсем успокоился – ни тебе контрольных, ни самостоятельных, сплошные опросы. И программа точно такая же. В общем, стать и тут отличником не составит никакого труда. А может быть, и председателем совета отряда...

Эта мысль пришла мне на последнем уроке, и я вдруг сообразил, что на мне нет пионерского галстука! Целых полсекунды мне было стыдно и страшно, но я тут же заметил, что галстуков нет ни у кого. Почему? Надо все-таки научиться задавать правильные вопросы этому Инету.

На выходе из школы я на пару минут задержался. Очень хотелось хоть с кем-то из класса познакомиться. Но все очень быстро расходились по домам, уткнувшись в свои телефоны и быстро тыкая в их экраны. Как они на ходу в деревья не врезаются?

Я уже собирался плюнуть на все и пойти домой, как услышал за спиной чей-то голос:

– Я все понял. Ты Биг Билл!

Оля

1980 год

– Оль, тебе плохо? Оль, тебе плохо? Оль, тебе плохо? – Ира шла рядом со мной по коридору и спрашивала как заведенная.

– Да, мне плохо. Я хочу домой, – выдавила я из себя.

У меня, действительно, от постоянного напряжения страшно разболелась голова. Школьники мелькали перед глазами, и хоть все были одинаково одеты, от этого мельтешения все равно уже устали глаза. Слишком быстро, слишком шумно, слишком беспорядочно.

– Пойдем к Наташе Алексеевне, отпросишься!

Ира настойчиво поволокла меня куда-то на третий этаж и там притянула к женщине. Молодой женщине. Оказывается, и здесь такие бывают. Из разговора я поняла, что она и есть наш классный руководитель. А рядом стояла совсем молодая девушка с красным платочком на шее. Я уже выяснила, что это называется «пионерский галстук» и носить его обязательно. Только зачем, еще не поняла.

– Наталья Алексеевна, Оле плохо, – заорала Ира так, что я вздрогнула.

Учительница повернулась в нашу сторону.

– Если ей плохо, то почему она сама не может об этом сказать? – спросила она, но потом посмотрела на меня и осеклась.

– Оль, да на тебе лица нет. Что случилось?

– Ой, Наталья Алексеевна, Оля ж память потеряла, – радостно ляпнула Ира.

И, глядя на вытянувшиеся лица классной и девушки рядом с ней, поведала им историю моей болезни. И пока она говорила, я неожиданно для себя заплакала. Просто нервы сдали. Просто не было сил больше, да и голова болела все сильнее. Но когда Ира дошла до сегодняшнего моего позора у доски, девушка с галстуком ее перебила:

– Ира, да как ты могла допустить такое! – вскрикнула она. – Ты же пионерка! Ты же должна была всех предупредить! Ты должна была сказать учителям! Мы все должны были протянуть руку помощи нашему товарищу. Оля, не плачь. Теперь пионерская организация школы возьмет тебя под свою опеку. Наталья Алексеевна, нужно договориться с учителями, чтобы Олю пока не вызывали. И сегодняшние оценки ей в журнал не ставить. Сможете?

– Конечно, – сказала Наталья Алексеевна. – Оль, ты домой сама дойдешь?

– Не знаю, – вяло ответила я.

– Я провожу! – вызвалась Ира.

– Ну уж нет! – заявила девушка. – Я как старшая пионервожатая назначу Оле пионера, который возьмет над ней шефство. Ты, Воронько, не оправдала доверия.

– Татьяна... я оправдаю, я исправлюсь! Пожалуйста, можно я? Мы ж подруги! Я буду заботиться, я и уроки помогу, и расскажу все. Ну пожалуйста!

– Пусть она, – выдавила я из себя.

Терпеть нового человека я была не в силах, а к Ире уже привыкла. Вернее, я смирилась с ее существованием.

Витя

2018 год

Я обернулся. За спиной стоял маленький взъерошенный мальчишка. Кажется, из нашего класса. Или нет? В любом случае был шанс немного узнать об

эксперименте.

– Я не Биг... этот, – признался я. – Я Витя Шевченко!

Мальчик усмехнулся, как будто поймал меня на откровенном вранье.

– Нет... Ты Биг Билл. Как ты заболел, он... в аське нет. На эсэмэски не отвечает. В чате нет. Ты – Биг Билл!

Я не стал возражать. Наверное, тут у всех есть свои кодовые имена.

– Ну... наверное. А тебя как звать?

Мальчика этот вопрос почему-то очень удивил.

Немного подумав, он произнес таинственным шепотом:

– Я Стреб!

Все-таки странные у них тут клички.

– Ты Стреб?

– Не ори! – зашипел он на меня. – Хочешь, чтобы мой ник... все знали? И не Стреб, а Ястреб! Птица!

Похоже, каждая фраза дается ему с большим трудом.

– Извини, – сказал я почти шепотом, – я никому не скажу.

– А ты – Биг Билл?

Пришлось согласиться. Откуда я знаю, может, я и Биг Билл?

– Так и знал! – лицо Ястреба посветлело. – Давай в привате почитимся!

И он тут же достал свой телефон – очень большой, больше его ладошки. И еще... наверное, мне показалось... В общем, он вроде бы развернул его, как свернутый в трубочку лист бумаги. Я сначала заинтересовался, но тут же понял, что опять придется использовать непонятные мне технические штучки и перепугался:

– Стоп! Давай без привата! Он у меня... сломан.

От изумления Ястреб взъерошился еще больше и стал похож на мокрого воробья.

– Приват? – уточнил он. – Сломан?

– Ну... почти. Давай мы так поговорим. Языком.

Мальчик посмотрел на меня, на телефон, опять на меня.

– Ну... ртом поговорим, – объяснил я. – Вслух.

До Ястреба наконец дошло, он медленно спрятал свой аппарат в карман.

– Слушай, – сказал я, – я... когда болел... в общем... не все теперь понимаю. Это после болезни. С головой что-то. Мне врачи прописали голосом все время говорить.

Ястреба, кажется, немного отпустило.

– А... – сказал он. – Тогда понятно...

Видно было, что он очень хочет рассказать мне что-то важное, но слов не хватает. Пришлось задавать ему вопросы, угадывать ответы и вообще тормозить. Да еще у Ястреба то и дело верещал телефон, и он ловко выхватывал его, бойко что-то набирал и опять прятал.

От этих пауз нить разговора рвалась, и я очень устал, зато узнал много интересного. Оказывается, на всех моя речь на математике произвела огромное впечатление. Никто не ожидал, что я смогу так бойко говорить. Я попытался уточнить, что тут такого удивительного, но Ястреб терялся и бормотал что-то вроде: «Ну как же... Это же не тест... Это же говорить».

Еще выяснилось, что все трясутся от приближающейся проверки, во время которой все предметы надо будет сдавать устно.

– Вот если бы тесты, – вздохнул Ястреб, – тогда да. А тут у доски надо стоять. И говорить. У тебя получается. Ты как научился?

– Да никак, – честно ответил я. – Просто говорил, и все. Чем больше говоришь, тем легче. Вот ты десять минут со мной поболтал – уже гораздо лучше говоришь!

Тут я немного соврал. Если Ястреб и стал говорить лучше, то самую капельку. Но мне очень хотелось его подбодрить. И еще у меня появился коварный план, как узнать побольше об эксперименте, не задавая прямых вопросов. На прямые вопросы, как я понял, тут редко отвечают.

– Да, – согласился Ястреб, задумавшись, – типа легче стало. А сколько надо в день тренироваться, чтобы... как ты?

Я обрадовался, но не подал виду. Все шло по плану.

– Два часа в день, – твердо сказал я, – мне врач так сказал. А лучше – три.

Ястреб насупился. Теперь это был воробей, который сперва намок, а потом вывалился в пыли.

– Ясно, – сказал он. – Пока.

– Стой! – я схватил его за рукав. – Ты куда?

– Тренироваться. С мамой. И папой.

Я энергично помотал головой.

– С мамой и папой не считается! Надо с посторонними общаться! Я, например, с врачом болтал!

Так что пошли ко мне домой, мы будем болтать, мама чего-нибудь нам приготовит.

– Кому это я должна что-то готовить? – раздался над ухом веселый мамин голос.

Мама обняла меня за плечи и чмокнула в макушку. Ястреб собрался в комок и явно приготовился сбежать.

– Мам! – торопливо сказал я. – Это мой одноклассник, Яс... э-э-э... я с ним дружу.

– Правда? – обрадовалась мама. – Здорово! Она подмигнула Ястребу:

– А тебя как звать, друг?

– Дима, – почему-то просипел он, – Мухин.

– А-а-а! Так мы почти соседи! Я маму твою неплохо знаю, сейчас позвоню предупрежу!

Пока мама звонила Диминой маме, Ястреб смотрел на нее, даже подрагивая от напряжения. Кажется, ему не очень понравилась идея идти к кому-то в гости. Чтобы подбодрить его, я взял Диму за руку, но он напрягся еще больше, пришлось отпустить.

– Вот именно! – мама прямо светилась от счастья. – Это так здорово, что они не только в виртуале общаются!.. Да, конечно, я его потом привезу!

Ястреб вздохнул и наклонил голову. Он смирился с судьбой.

Сначала, как только мы пришли ко мне домой, Дима-Ястреб сидел нахохлившись и не только не рассказывал мне ничего, но и не моргал. Напоминание об экзамене его немного взбодрило, и он согласился поговорить.

– Расскажи мне, – потребовал я, – что было, пока я болел!

– Ничего. Учились. Болтали в чате. Новый «Дарк Мортал» вышел...

Он замолчал, честно глядя мне в глаза.

– Так не пойдет, – заявил я. – Чему учились? О чем болтали? Что там нового в... «Дарк Мортале»?! Подробнее надо.

Ястреб снова нахохлился.

– Слушай! – придумал я. – Давай для начала в города сыграем!

Ястреб приободрился и почему-то посмотрел на мой комп.

– Это стратегия? Или Эр-пэ-гэ?

– Города – это города. Это специальная игра, чтобы речь развивать.

Ястреб с явным сожалением повернулся ко мне.

– Я говорю город, – стал объяснять я. – Например, Москва. А ты должен придумать город на «А».

– Почему на «А»?

– Потому что «Москва» кончается на «А». Скажи город на «А».

– Алматы!

– Не Алматы, а Алма-ата!

– Алматы! – упрямо повторил он. – У меня там двоюродный брат, мы каждый день переписываемся.

Я не стал спорить. Алматы так Алматы.

– Хорошо. Значит, мне на «Ы»...

Я задумался. Ястреб смотрел на меня с интересом.

– Ты выиграл, – признал я. – Нет города на «Ы».

Тут Ястреб меня удивил.

– Нет, – сказал он, – так нечестно. Слишком быстро. Давай я не Алматы скажу, а... Архангельск...

– Курск!

– М-м-м... Курск!

– Повторяться нельзя!

– Тогда... Кобрин!

Дальше дело пошло веселее. Я тоже однажды загнал Диму в тупик городом «Бомбей», но тоже великодушно заменил его на Бобруйск. Потом мы немного поспорили, есть ли такой город – Бишкек, но Дима был так уверен в своей правоте, так грозил, что он сейчас все загуглит, что я испугался и признал свое поражение.

И наконец вывел разговор на самое для меня интересное – на условия эксперимента...

Оля

1980 год

Пока мы шли домой, Ира трещала без умолку. Как же у нее язык не устает, просто удивительно! На свежем воздухе мне полегчало, я даже начала соображать и поняла, что этот поток информации необходимо направить в нужное мне русло. Пусть хоть что-то полезное рассказывает, а не просто воздух сотрясает.

– Ир, а кто была эта девушка? – спросила я.

– Какая?

– В платочке... то есть в галстукe.

– Танечка – пионервожатая... – удивленно ответила Ира. – Ты что, и ее не помнишь?

– Не-а, – сказала я. – Я даже не помню, кто такие пионеры.

Бедная Ира вросла в землю и минуту стояла молча.

– Ой, ничего себе, – наконец сказала она. – Только ты не говори никому.

– Почему? – удивилась я.

– Не знаю, – сказала Ира, – но не говори. Я тебе все расскажу. Клятву помнишь?

– Какую клятву?

– Я (фамилия, имя), вступая в ряды Всесоюзной пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина, перед лицом своих товарищей торжественно клянусь: горячо любить свою Родину. Жить, учиться и бороться, как завещал великий Ленин, как учит Коммунистическая партия. Всегда выполнять Законы пионеров Советского Союза! – бодро отбарабанила Ира, – Помнишь?

Я затравленно кивнула, хотя естественно, этот бред помнить никак не могла. Многого я даже не поняла. Ну, про Советский Союз – смутно помню, нам рассказывали. Куча стран жили как одна, теперь распались и до сих пор друг на друга обижаются. Но кто эти страны? Помню, что их было много и столица была Москва. На ВДНХ до сих пор фонтан есть с золотыми тетеньками, по тетеньке на каждую страну. Коммунистическая партия – это знакомо...

– Ир, а другие партии?

– Какие?!

Глаза у Иры сделались огромными и испуганными.

– Ну другие...

Я запнулась, поняв, что сморозила очередную глупость.

– Ладно, проехали, – сказала я, – давай дальше рассказывай.

– Хорошо, – сказала Ира, – Законы пионеров Советского Союза: пионер предан Родине, партии, коммунизму, пионер готовится стать комсомольцем, пионер держит равнение на героев борьбы и труда, пионер чтит память...

– Слушай, ты это все наизусть знаешь?

– А как же! И ты тоже знаешь! Пионер настойчив в учении, пионер – честный и верный товарищ, всегда смело стоит за правду...

– Слушай, и что, у вас тут все такие?

– Где у нас?

– Ну здесь... – я обвела рукой вокруг. – Все с галстуками – значит, все пионеры?

– Ну да.

– И все смело стоят за правду?

Ира смутилась и отвела глаза.

– Ну, не все, конечно...

– А почему тогда пионеры все?

– Нас же в третьем классе приняли, вот мы и пионеры. Но вообще пионерами становятся самые достойные!

– А принимают всех?

– Слушай, ну что ты пристала, – разозлилась Ира, – ты просила рассказать, я и рассказываю. А ты вопросы дурацкие задаешь!

Витя

2018 год

– Слушай, – сказал я как можно небрежнее, – а как отсюда выбраться?

Дима посмотрел на меня подозрительно. Странно... В тех книгах, которые я читал, например про шпионов, все всегда старались говорить «как можно небрежнее». Наверное, я слишком небрежно сказал.

Но повторять вопрос не стал, уставился на Ястреба.

– Откуда «отсюда»? – спросил он.

– Ну... вообще.

Дима замолчал и смотрел на меня так долго, что я уже не надеялся на ответ. Но он все-таки ответил:

– Летом можно будет уехать.

Я чуть не подпрыгнул на месте. Ура! Оказывается, я тут чуть больше месяца пробуду, а потом вернусь назад, в привычную обстановку, к ребятам.

Обрадовался – и тут же огорчился. Я вдруг понял, что мне тут нравится. Я

понимаю, что это эксперимент, что не может так продолжаться все время, но... Мне тут нравится. Еда вкусная. На машине ездить удобнее, чем пешком ходить. Комп, опять же... Я его только чуть-чуть попробовал, а мне уже нравится. А еще телефон надо освоить. Кстати, он называется не «телефон» и даже не «трубка», а смешно – «комик».

Мысль о комике навела меня на одну идею.

– Дима... То есть Ястреб. Я вспомнил еще одно упражнение, чтобы научиться сдавать экзамен.

Я взял в руки свой комик. Ястреб с готовностью полез за своим, но я его остановил.

– Научи меня пользоваться комиком, – сказал я.

– А чего там пользоваться? Там же все просто!

– Ну и что, что просто? Ты должен мне все объяснить, как будто я его в первый раз в руках держу.

Ястреб легкомысленно хмыкнул. Кажется, он не считал упражнение сложным.

– А что тебе рассказать?

– Например, как позвонить.

Дима ловко выхватил мой аппарат и быстро пробежался по экрану:

– Заходишь в адреса, там находишь и жмешь вызов. Все.

– Я ничего не понял. Какие адреса? Что жать? Расскажи подробно и понятно.

Дима пожал плечами.

– Ну... Адреса – это тут...

Я наострил уши, стараясь не пропустить ни одного слова.

Оля

1980 год

Второй школьный день был не такой страшный. Я уже знала дорогу, почти ничему не удивлялась и никого не боялась. Учителя меня не трогали, а жалели, математичка даже предложила позаниматься со мной после уроков. Видимо,

Танечка действительно взяла меня под свою опеку. Я тихонечко приглядывалась к одноклассникам. Девочки мне не очень нравились – пищат, сюсюкают и шепчутся по углам. И все время норовят взять за руку. Мальчишки ведут себя получше – не пристают. Зато носятся как оглашенные и орут. Странно, что мальчишки совсем не общались с девочками. У нас на форуме все вместе, все на равных, иногда даже не поймешь по нику, какого пола твой собеседник. А многие и специально шифруются.

Эх, как там форум, как там все? Ястреб, наверное, меня не дождется, найдет себе другую подружку. Вернусь домой, а меня уже и забыли все...

Ох! Я тут расслабилась, а мне же нужно домой возвращаться, подсказки собирать! А то я так навеки в этом времени застряну!

Только я собралась сбежать домой, как в коридоре столкнулась с Танечкой.

– Как ты себя чувствуешь? – ласково спросила она и погладила меня по голове.

Что ж они все сразу руками лезут...

– Нормально... – буркнула я.

– Не забудь, сегодня после уроков у вас пионерское собрание. Иди, объяви классу.

Танечка ушла, а я осталась в растерянности. Как объявить? Дома я б объяву запостила, а здесь что мне делать?

Пришла в класс, посмотрела вокруг, прозвенел звонок на урок, а я все никак не могла сообразить, что ж мне нужно сделать.

– Ира, – прошептала я, – меня Танечка просила объявить, что сегодня собрание после уроков.

– Ну так объяви!

– Как?

– Ну что ты как дите малое...

Ира оторвалась от сосредоточенного скатывания домашнего задания и, как только в классе появилась учительница, вышла к доске.

– Извините, я только объявление сделаю, – сказала она. – Сегодня после уроков пионерское собрание. Быть всем!

Ира села и посмотрела на меня с победным видом.

– Вот и всё, – шепнула она.

А класс натужно загудел. Судя по отдельным словам, всем очень не хотелось торчать в школе после уроков.

Витя

2018 год

На первом же уроке – русском языке – я наконец узнал, для чего таскать с собой нотики на уроки. Как только мы подключились, училка заявила, что будет проверять домашнее задание. Я похолодел – поискать дома тетрадки я так и не сообразил. Но училка и не требовала никаких тетрадок. Села за свой стол, на котором стоял большой экран и лежала клавиатура, и начала щелкать мышкой. Все молча ждали результатов.

Неожиданно она нахмурилась и грозно спросила:

– Шевченко! А твоя работа где?

Я встал и выдал спасительную фразу:

– Я болел! На прошлой неделе...

– Прошлая неделя уже прошла, – назидательно сказала русица. – А набить полторы тысячи знаков – это полчаса времени! В блогах вы по пять тысяч в день набиваете, и никакие болезни не помеха!

Я ничего не понял, поэтому счел за лучшее виновато повесить голову. Это сработало.

– Ладно, – сжалилась училка, – на следующий урок принесешь. Садись.

И продолжила проверку домашнего задания. Потом мне Ястреб объяснил, что она со своего компа через провода смотрит, что у нас в нотиках делается. Когда я, немного поколебавшись, попросил списать домашку, Ястреб только головой покачал:

– Она не дура! У нее скрипт проверяет, чтобы не было одинаковых кусков текста. Я тебе лучше так объясню, что там надо сделать...

И он объяснял мне все перемены: про домашку, про скрипты, про комик (Ястреб сказал, что это сокращение от слова «коммуникатор»). Говорил Дима пока еще с

трудом, больше заставлял меня тренироваться в наборе эсэмэсок, переписке в чате и пересылке через блютуз.

Слова были непонятные, но пользоваться всеми этими штуками оказалось очень просто. И очень увлекательно.

После уроков мы дождались, пока все разъедутся, и встретились на ступеньках. Своих мам мы еще вчера попросили забрать нас попозже, чтобы мы могли поболтать и поготовиться к экзамену. Мамы почему-то очень этому обрадовались. Так обрадовались, что весь вечер перезванивались и разговаривали о «дефиците живого общения» и «бедных детях».

К моему удивлению, Ястреб пришел не один. Рядом с ним переминалась с ноги на ногу худая девчонка из нашего класса. По-моему, ее звали то ли Жанна, то ли Женя... А фамилию я помнил точно – Кравчук.

Девчонка выглядела очень хмуро и всем своим видом показывала, что ее сюда затащили силком, она вообще ни при чем, и вовсе это не она.

– Это Сушка, – сообщил Ястреб.

Я чуть не ахнул. Мы с Сушкой очень здорово переписывались весь день. Она мне смайликов прислала больше, чем все остальные, вместе взятые. Поэтому я представлял ее улыбчивой и приветливой. А она вот такая, оказывается! Колючая и сердитая.

– Я – Биг Билл, – поздоровался я.

Сушка буркнула под нос что-то неразборчивое, глядя в сторону.

– Она тоже хочет учиться говорить, – сказал Дима. – Чтобы сдать экзамены.

Сушка быстро глянула мне в глаза, и я понял, что она просто боится. Сразу стало легче.

– Отлично! – сказал я. – Ястреб всего за день знаешь как здорово болтать стал! И у тебя получится! Надо только не стесняться!

Девочка тяжело вздохнула...

...На этот раз мы играли не только в города, но и в испорченный телефон. Я сначала боялся, что втроем будет неинтересно, но Сушка оказалась крепким орешком. Она каждое слово выдавливала из себя чуть ли не по букве.

Оля

14 апреля 1980 год

Пионерское собрание началось сразу после пятого урока. Никто еще не успел встать со стула, как вдруг в класс влетела Танечка, а за ней всплыла неизвестная мне тетка необъятных размеров. Тетка уселась за учительский стол, и сразу стало понятно, что она тут главная.

– Васса... – пронеслось по рядам.

– Начинайте, – сказала Васса и царственно взмахнула рукой.

– Тема сегодняшнего собрания – безответственное поведение вашего одноклассника Евгения Архипова, который поддался тлетворному влиянию религиозного дурмана. И пытался затащить в эти же сети своих друзей, – оттарабанила Танечка.

Класс затих и все уставились в затылок Архипову. Он сидел за первой партой, и лица его мы не видели. Но видно было, как он судорожно втянул голову в плечи.

– Я попрошу председателя совета отряда Лену Красноперкину изложить суть дела, – сказала Танечка.

К доске вылетела блондинка с первой парты третьего ряда. На голове бант, галстук отглаженный, глазками луп-луп. Но при всей аккуратности она производила отталкивающее впечатление – такими в квестах рисуют главных злодеек.

– Давай, Леночка, – сказала Васса.

И Лена дала...

К середине ее речи мне очень хотелось помотать головой, потому что смысл ускользал. Евгений Архипов принес в класс кулич и собирался им отравить всех в классе. Бред какой-то...

– Но мы хотим дать Евгению шанс исправить свою ошибку, – продолжила Леночка, – Мы, пионеры пятого «В» класса, хотим, чтобы ты, Женя, вышел сейчас к доске и сказал, что был неправ.

При гробовой тишине в классе Женя тяжело поднялся и вышел к доске. Выглядел он неважнецки. Наверное, как я вчера, когда меня вызвал историк.

– Это было заблуждение, – прохрипел Женя.

Васса довольно и царственно кивнула.

– А теперь, – сказала Леночка, покосившись на Вассу, – мы, пионеры 5 «В» класса, хотим, чтоб ты осудил свою бабушку, которая по неграмотности...

– Нет! – перебил ее Женя.

Лена поперхнулась словом и глаза у нее стали огромными. В них отчетливо читался страх.

– Женя... – начала говорить Танечка, но Архипов перебил и ее.

– Я не буду осуждать бабушку, – сказал он неожиданно окрепшим голосом. – Я ее люблю!

В классе стало так тихо, что было страшно дышать. Васса застыла с непонятной гримасой на лице, а Танечка предприняла еще одну попытку.

– Женя, – сказала она ласково, – ты, конечно, любишь бабушку, но, согласись, она поступила не по-советски.

Женя стоял, глядя в пол.

– Архипов, – вступила в разговор Васса, – ты же пионер, ты же не можешь любить бабушку больше, чем пионерскую организацию.

– Могу, – прошептал Женя, не поднимая головы.

– Что?! – взревела Васса.

– Могу! – сказал Женя еще раз и посмотрел Вассе прямо в глаза.

От этого взгляда она пошла страшными красными пятнами, как будто тоже наелась отравленного кулича.

– Ну в таком случае, Архипов, мы с тобой будем по-другому разговаривать! – прошипела Васса. – Лена, ставь вопрос на голосование!

– Какой вопрос? – пропищала Лена.

– Об исключении Евгения Архипова из пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина!

– Ах! – сказал класс.

– Кто «за»? – спросила Лена. Класс молчал.

– Кто «за»? – рявкнула Васса так, что у меня заложило уши.

И к моему удивлению, а потом и негодованию, в классе стали подниматься руки. Медленно, но под взглядом страшной Вассы постепенно в классе вырос лес рук. Я вспомнила, что мне вчера рассказывала Ира про пионеров. Не было там ничего про то, что нельзя есть куличи. На Женю было больно смотреть, он мужественно боролся со слезами. Но на фоне злобной Вассы, кукольной Лены и совершенно растерянной Танечки он единственный выглядел человеком. Трудно это объяснить словами...

– Кто «против»? – спросила Васса.

Я уверенно подняла руку.

На меня смотрели все. И было не страшно. Негодование предало мне силы.

– Оля! – испуганно вскрикнула Танечка. – Но почему?

– Потому что в пионеры должны принимать самых лучших, а принимают всех, – сказала я, – А Женя – он действительно лучший. Он отвечает так, как я никогда не смогу ответить. И если уж его исключать, то нужно исключить и меня.

– Да, учится он хорошо, – прошипела Васса, – но учеба – это еще не всё. Есть еще моральный облик. А он у Архипова отсутствует.

– Но кулич же его бабушка испекла, а не он, – сказала я.

– Ну и что! Он же принес эту гадость в класс! А в следующий раз он икону принесет, и что? А потом заставит всех молиться! Может, и ты с ним помолишься? – спросила Васса зловеще.

– Я не умею, – честно ответила я.

Васса опять пошла красными пятнами.

– Так он тебя научит! – прошипела она. – Наталья Алексеевна, что у вас в классе творится? У нас тут не пионерская организация, а... я просто не знаю, как это назвать!

Мы оглянулись на Наталью Алексеевну. Она сидела на задней парте с каменным лицом. И руки у нее были белые.

В этот момент Танечка подскочила к Вассе и стала горячо шептать ей что-то на

ухо. Я уловила только «потеряла память» и «не в себе» и поняла, что речь идет обо мне. После этого Танечка метнулась ко мне, силком усадила на место и сразу объявила:

– Архипов единогласно исключен из пионеров решением совета отряда!

Витя

2018 год

Все получилось отлично. Я помогал Ястребу и Сушке не бояться говорить вслух. Они меня натаскивали на компе и комике. Я это обставил как этап обучения. Дескать, они мне рассказывают самые простые вещи, а я делаю вид, что не понимаю.

Как оказалось, я угадал. Они сначала очень неохотно объясняли и показывали, а потом вошли в раж и даже перебивать друг друга стали, когда дошли до онлайн-игр. Правда, слова использовали такие странные, что я все время переспрашивал – что такое «зарегиться», «логин» или «бот».

Сушка сразу начинала сердиться и кричать:

– Что ты тормозишь? Бот – это бот!

Но Дима всегда останавливал ее и объяснял:

– Бот – это... робот. Программа, которая прикидывается человеком.

Я все равно половину не понимал, зато руками научился (или вспомнил?) почти все. И даже сам сделал домашку по всем урокам. Попутно выяснилось, что нотик нужен не только для домашнего задания, на нем еще выполняют всякие тесты. Я тут же попросил объяснить мне, что за тесты такие, но Ястреб успокоил меня:

– Классная сказала, что до экзаменов года тестов не будет. – И добавил со вздохом: – Только устные опросы.

Так мы и развлекались: то играли в «Я знаю пять имен мальчиков», то входили в Инет с комиков и писали друг другу в аську длинные фразы на скорость.

Когда в комнату заглянули мамы, мы как раз резались в фанты.

Мне выпало прочитать вслух стишок, и мамы чуть слезу не пустили, пока я тарабанил: «Унылая пора, очей очарованье».

Потом мамы увезли Диму и Снежану (не Жанну и тем более не Женю!). Напоследок они почему-то долго благодарили мою маму за то, что она «так круто воспитывает сына на классических традициях». Мама отнекивалась и все кивала на меня, но было видно, что ей очень приятно.

– Мама, – спросил я, когда гости уехали, – а что значит «круто»?

– Это значит, что ты у меня самый хороший суперсын!

Мама обняла меня и долго не выпускала.

Я вспомнил, что летом эксперимент закончится, и прижался к ней посильнее. Раньше, до эксперимента, она так редко меня обнимала! Наверное, потому, что все время была на работе.

Мне впервые в жизни захотелось, чтобы лето никогда не приходило.

Оля

1980 год

После собрания, когда Васса величаво покинула кабинет, в классе начался просто дурдом. Кто-то хватал меня за руки и говорил:

– Ну ты даешь! Против Вассы пошла!

Иру взяла в оборот Танечка и долго ее отчитывала. После чего Ирка подошла к парте надутая, схватила свой портфель и направилась к двери.

– Ты куда? – спросила я.

Ирка, конечно болтушка, но я уже привыкла, что мы ходим домой вместе.

– Домой! – отрезала Ира. – Мне из-за тебя знаешь как влетело! Танечка мне доверила шефство над тобой, а ты меня так подвела! А еще подруга называется!

Ирка ушла.

Меня опять принялись хватать за руки, и в этой круговерти я не заметила, куда делся Женя. Вот он был только что возле доски, и вдруг исчез. Только его пионерский галстук остался лежать на учительском столе.

Вокруг этого галстука стояли несколько девочек. И смотрели они на него, как на дохлую ядовитую змею, со смесью ужаса и брезгливости. А меня простонакрыло чувство несправедливости происходящего.

Да кто они такие, чтоб его судить! Да какое им дело, верит ли его бабушка в Бога! У нас в школе в кого только не верят, и никому до этого дела нет!

Я схватила Женин галстук, девчонки завизжали, как будто он на самом деле мог меня укусить. Ну дуры, блондинки с бантиками! Смотрят на меня как на безумную, а сами собственной головой подумать не могут. Только и умеют правила заучивать и повторять их под диктовку!

Я запихнула Женин галстук в карман и выскочила из класса.

Собственно, я понятия не имела, зачем взяла этот галстук. И совершенно не знала, что я буду делать дальше.

Я вылетела на улицу, огляделась. Впервые с момента моего появления в этом времени я осталась одна. Никто мне не подсказывал, но зато и никто надо мной не висел, никто не болтал без умолку. Наконец-то у меня появилась возможность подумать.

Я поправила на плече сумку и потихоньку пошла к дому. Забавно смотреть по сторонам! Вон мальчишки не дошли из школы домой и катаются на качелях. Что ж в этом такого интересного? Сумки рядом в пыли валяются. Вон девчонки стоят, шушукаются. В школе не наговорились... Малышни-младшекласников на улице просто куча. Конечно, чего им всем домой спешить, дома делать нечего – ни телека, ни компа. Вот и бегают во дворе, бедненькие.

И все же, как мне вернуться домой, к себе домой? Женин галстук я держала в кармане, и он жег мне пальцы. Что-то зудело внутри – это ключ, это подсказка, я что-то должна сделать...

И тут Женя свалился на меня с неба. Я от ужаса даже заорать не успела.

– Ты че-че-е-чего па-па-падаешь? – спросила я.

– Я прыгаю, а не падаю, – буркнул Женя.

Я посмотрела вверх. Оказывается, мы стояли под большой раскидистой грушей. И там кроме Жени еще весь наш класс можно было б разместить.

– Ух какое дерево! – вырвалось у меня.

– А ты что, раньше не видела? – снисходительно спросил Женя.

– Нет... – ответила я.

И правда, не видела. Здесь мне не до того было, а до моего времени эта груша не дожила, к сожалению.

– А я сидел тут, а потом смотрю – ты идешь, – Женя говорил со мной, но смотрел при этом в землю, – и я подумал, что надо сказать тебе... сказать, что ты глупость сделала сегодня. А если б Васса и тебя исключила?

– Ну и исключила б, – я пожала плечами, мне действительно было абсолютно все равно. – Я тебе галстук принесла.

– Зачем он мне теперь...

– Он твой! – сказала я твердо.

Витя

2018 год

На втором уроке – истории – произошло замечательное событие. Диму-Ястреба вызвали к доске, и он выдал целый параграф про Древнюю Грецию, как по писаному!

Ну, может быть, не совсем как по писаному, но все равно очень бойко. Всего пару раз запнулся. У меня сразу сердце останавливалось, когда я понимал, что Ястреб не может подобрать слово. Но он очень быстро вспоминал, что говорить, и мое сердце начинало биться почти в нормальном темпе. Разве что немного быстрее обычного. Честное слово, за себя я никогда так не переживал!

Историк Диму похвалил, но поставил всего лишь восьмерку. По-моему, несправедливо! Там девятка была, как минимум. Когда Ястреб шел к своему месту, я заметил, что он даже вспотел от усердия. Весь класс смотрел на него с тихой ненавистью, как пару дней назад на меня.

Нет, не весь – мы со Снежаной-Сушкой за Ястреба радовались.

«Респект, – написала мне она сразу же после Диминого триумфа. – Ты суперский учитель!»

«Фигня вопрос, – ответил я. – Это Ястреба заслуга!»

Но все равно было очень приятно.

Сушка так вдохновилась примером Димы, что на русском совершила беспрецедентный подвиг. Когда русица задала риторический вопрос: «Кто пойдет к доске?» – и уже полезла в журнал, чтобы кого-нибудь вызвать, Снежана неожиданно выбросила руку вверх.

– Кравчук? – удивилась русица. – Ну... Давай, раз ты такая смелая.

Сушка рывком поднялась из-за парты и бросилась к доске. Наверное, боялась, что смелость выветрится.

– Вы должны были выучить... – начала училка, но Снежана не дала ей договорить.

– «Унылая пора! – выпалила она, как будто в чем-то обвиняла русицу. – Очей очарованье! Приятна мне твоя прощальная краса!»

Училка даже отодвинулась подальше от Сушки, которая то ли стих читала, то ли поднимала солдат в атаку под пулеметным огнем. Весь класс от комиков оторвался – так энергично Сушка произносила бессмертные строки великого поэта. Я уже был готов пережить второй за день триумф, но на строке «И редкий солнца луч, и первые морозы» Снежану вдруг заклинило.

Она трижды начинала строку, но до «морозов» добраться не могла. То на «солнце» споткнется, то на «луче».

– И отдаленные седой зимы угрозы, – завершила русица.

Сушка отпустила голову и, кажется, была готова разреветься. Хотя вряд ли. Насколько я успел ее узнать, реветь Сушка не умела. Скорее уж сломать что-нибудь. Или рывкнуть на учительницу.

Но рывкать не пришлось.

– В целом на шестерочку, – задумчиво сказала русица. – Плюс балл за отвагу. Итого семь. Садись.

Снежана юркнула за свою парту, как хореk в норку. Руки у нее ходили ходуном, но она нашла в себе силы победно улыбнуться.

Оля

1980 год

На следующий день Женя пришел в школу без галстука. Некоторые шарахались от него, как от чумного, в коридоре школы на него показывали пальцем. Быстро же тут слухи распространяются, а ведь они языком трепят, а не объяву пишут. Это ж сколько говорить нужно! Как у них язык не отваливается?

Со мной тоже странно стали общаться. Было несколько дурных девиц во главе с Барби Красноперкиной, которые перестали меня замечать и, гордо задрав головы, проходили мимо. Вид у них при этом был такой важный, что смотреть на них без смеха я не могла.

А у остального класса я начала пользоваться непонятной мне популярностью. Ко мне стали меньше лезть с глупыми вопросами, перестали трогать по пустякам. Зато просто подходили и здоровались. Даже мальчишки, которые раньше в лучшем случае дергали за волосы.

После первого урока Женя тихонько подошел ко мне и под партой сунул в руки непонятный сверток. Буркнул:

– Это тебе! – и быстро сбежал.

Я немного подержала сверток в руках, понюхала. Пахло вкусно. Тогда я медленно стала его разворачивать. Запахло так, что аж слюнки потекли. В бумажном пакете лежали совершенно умопомрачительные пирожки. Я откусила кусочек. С яблоками. Свежие... Я аж зажмурилась от удовольствия, никогда в жизни такой вкусноты не ела.

Рядом со мной немедленно возникла Ирка.

– Что жуешь? Мммм... Как пахнет! Угостил кто-то?

– М-м... – я не в силах была разжать рта. – Веня.

– Кто?

– Ве-ня, подавди, провую. Женя угостил.

– И ты взяла? – возмутилась Ира.

– А что, не надо было?

- Как ты могла? Он же теперь не пионер!
- Ну и фто? - спросила я, запихивая в рот очередной пирожок.
- Ну и то! - парировала Ирка и посмотрела на меня так, как будто переспорила.
- Что то? - спросила я. - Что ты за бред говоришь? Вы же сами его исключили, причем несправедливо.
- Как несправедливо? - взвизгнула Ира.
- Так, несправедливо.

Я не заметила, а вокруг нас уже стали собираться одноклассники.

- Оля-а-а, - захныкала Ира, - мы же подру-у-у-ги, ну почему ты со мной так разговариваешь?
 - Как так? Что опять не так? - честное слово, разозлилась я жутко. - Достали меня эти ваши уси-пуси и шу-шу-шу по углам!
- Мальчики заржали, у Ирки задрожали губы, а мне уже было все равно.
- То же мне, друзья, называется! Как списать, так у Архипова, а как голосовать, так за исключение. Свиньи!
 - Между прочим, Оля, если ты будешь продолжать себя так вести, то мы и тебя исключим, - пропела Красноперкина.
 - Да пожалуйста! - сказала я.

А про себя подумала, что эти их пионеры мне совершенно до фонаря. Я тут задерживаться не собираюсь, вот найду все ключи - и домой. А там всем глубоко фиолетово, откуда и за что меня исключили.

Красноперкина поджала губы и сообщила Ире.

- А ты, Воронько, подумала бы, с кем дружишь. И с кем за одной партой сидишь.
- Куда ж я персяду, - пролепетала Ира.
- Я один сижу, - сказал Архипов.

У Ирки в глазах такой страх образовался, что я, не думая, собрала вещи и пересела к Жене за парту.

Тут в класс влетела математичка, и все затихли. Оказывается, звонок на урок

был уже давно.

Первую часть урока мы сидели тихо и старались друг на друга не смотреть. Потом я не выдержала и прошептала:

– Женя, спасибо, очень вкусные пирожки.

– Пожалуйста, – ответил Женя. – Это бабушка пекла.

– Я никогда таких не ела...

– А больше никто таких и не печет! – Женя аж раздулся весь от гордости. – Я ей рассказал вчера про то, как ты за меня вступилась. Бабушка специально для тебя их и напекла. Просила передать.

– Спасибо...

– Архипов и Воробьева! Прекратить разговоры! Воробьева, через минуту проверю решение 532-го примера.

Я в ужасе окаменела, но Женя спокойно пододвинул ко мне листик с решением.

– Перепиши, – сказал он одними губами.

Я кивнула и стала переписывать. Удивительно, но я даже понимала, что пишу.

Витя

2018 год

Всю неделю я вел «Кружок любителей говорения», как я его сам для себя называл.

К нам постоянно прибивались одноклассники – по одному, по два. Ястреб тут же взял на себя руководство и наладил порядок приема в кружок. Каждый новенький должен был рассекретить свой ник и рассказать что-нибудь мне – по моему выбору.

Я все больше склонялся к мысли, что никакой это не полигон и меня просто переместили в будущее. Правда непонятно, почему мне об этом ничего не сказали.

Потом Ястреб и Сушка на правах старожилов начинали учебный процесс. Мы играли в «Города», «Съедобное – несъедобное», «Я знаю пять имен мальчиков»... короче, во все игры, где нужно говорить. К концу недели я даже заметил, что Ястреб полностью стал командиром, хотя иногда он спохватывался

и спрашивал у меня: «Правильно, Витя?» или «А теперь скороговорки, да?». Но я не обижался. Все равно было приятно, что это я все начал и благодаря мне наш класс бодро шел к экзамену. Каждый день то один, то другой член нашего кружка поражал учителя тем, что сам вызывался к доске и добросовестно пытался отвечать на вопросы. Получалось у всех по-разному: кто-то через пару дней начинал тараторить без запинки (обычно этим отличались девчонки), кто-то надолго зависал, у кого-то успехи чередовались с неудачами. Но в целом прогресс был налицо.

Но больше всех нашему кружку радовались не учителя, а родители. Каждый вечер к нашему дому съезжались машины, чтобы забрать кружковцев по домам. Сначала это были короткие визиты: «Ну как, они уже закончили?» – «Да, можете забирать». Потом мама стала предлагать чаю, и некоторые родители соглашались. А в пятницу вечером мама устроила настоящую вечеринку, или, как она сказала, «фуршет».

Мы, честно говоря, в тот раз здорово заигрались. Сушка научила нас игре «Крокодил», в которую когда-то играли ее папа с мамой. Игра простая, но очень смешная: один человек молча показывает остальным какое-нибудь слово или фразу, а все угадывают. Мы так хохотали, что не сразу обратили внимание на часы – а там, между прочим, было уже начало десятого.

Мы отправились на розыски взрослых. Все они нашлись в большой комнате на первом этаже – и веселились не хуже нашего. Нет, в «Крокодила» никто не играл, родители просто общались, но лица у них при этом были очень довольные. На кушетке папа и какой-то незнакомый мне дядя играли на гитарах (я даже не знал, что у нас есть гитара, тем более две!). Две тетеньки звонко пели-распевали:

– Попробуй «м-м-м», «м-м-м», попробуй «джага-джага»...

Мама ловко перемещалась между гостями с бокалом вина в руке и была самой счастливой из всех.

Заметив меня, она весело вскинула бокал вверх. Это заметил дяденька, который играл с папой на гитаре, резко остановился и завопил:

– Тост! Внимание всем – тост!

Ему пришлось еще немного покричать, чтобы окончательно завладеть общим вниманием, потом он схватил бокал и провозгласил:

– Предлагаю выпить за виновника сегодняшнего праздника – за Виктора Александровича Шевченко!

И все грянули такое дружное «Ура!», как будто до этого долго его репетировали. От удовольствия я начал покрываться красными пятнами, а когда «Ура!» подхватили и мои одноклассники, вообще превратился в бурак и убежал прятаться.

Вышел, когда все уже разъехались. Мама тут же сгребла меня в охапку и принялась целовать.

– Какой ты у меня молодец! Я тысячу лет так не общалась! Мы же с этими людьми так близко живем – и ни черта о них не знали! Но теперь будем каждую пятницу так собираться.

От мамы пахло духами, вином и таким счастьем, что я вжался в нее покрепче. Хотел на всю жизнь пропитаться этим запахом.

«Хоть бы нас назад в прошлое не вернули! – повторял я про себя. – Никогда-никогда!»

Оля

1980 год

Вот уже неделя прошла, как мы сидим с Женей. С ним ужасно интересно! Так интересно, что все остальные неприятности даже не запомнились. Но расскажу по порядку.

Как только я пересела к Женьке, Красноперкина устроила скандал. Что мы, мол, идем против мнения совета отряда, что мы единоличники и опять едим бабушкины пирожки. Это она из зависти – просто пирожки так пахли, что слюнки текли у всего класса. Но делиться я не собиралась, мне и самой было мало.

Потом Красноперкина заявила, что раз мы не реагируем на критику (интересно, а как нам было реагировать?), то она объявляет нам бойкот. Я посмотрела, как посерел Женька, и испугалась, решила, что бойкот – это что-то страшное. А потом выяснилось, что это значит, что с нами никто не будет разговаривать. Ха, напугали! Наверное, я совершенно неприлично обрадовалась, потому что после уроков посерела Красноперкина.

Весь день мне жилось просто замечательно. С Женькой, чтоб не болтать, мы

переписывались на уроках. Я даже немного лучше писать стала. Он такой умный! Он столько всего знает! Честно говоря, я даже пожалела, что мне нужно будет возвращаться домой. Одно дело на форуме висеть, там все умные, когда Гугл под рукой, а Женька-то все из головы берет.

Сначала мне в бумажной переписке очень смайлов не хватало. Я научила Женю ими пользоваться, целый урок ему на бумажке рисовала всяких веселых, сердитых и грустных, а потом Женя меня спросил:

– А зачем они?

Я и ответила:

– Чтоб настроение передать.

А Женька и говорит:

– А я и так твое настроение вижу. По глазам.

И тут мы встретились с ним глазами, и со мной что-то странное случилось. Сердце тукнуло громко-громко, а потом как будто упало в живот. И стало жарко, прям щеки запылали. Я побыстрее нагнулась к парте, и стала делать вид, что увлеченно рисую цветочек на листочке. А потом смотрю краешком глаза, а Женя тоже что-то на листике рисует, только не цветочек, а рыцаря. Так что это «что-то» случилось с нами обоими. И после этого мы разошлись по домам, стараясь не поднимать друг на друга глаз.

На следующий день бойкот продолжался. И я поймала себя на том, что мне все очень нравится! Ко мне не лезли с липкими приставаниями, я наконец-то смогла перевести дух и оглядеться. Сидеть с Женей было гораздо приятнее, чем с Иркой. Он не трепался без толку, зато много подсказывал по делу. А главное, Женя все время был со мной. Конечно, ему было тяжело, он тоскливо смотрел в сторону мальчишек, которые бесились все перемены кряду, но потом отключался и садился помогать мне делать математику. Буквально две перемены, и я вспомнила, как считают в столбик. И даже сама решила несколько примеров совершенно без ошибок.

В этот день мы и из школы вышли вместе. Шли себе по дороге, размахивая портфелями. Я рассказала Женьке про то, как заболела. Потом про то, как потеряла память, как тяжело мне теперь отвечать на уроках и вообще тяжело много говорить. А Женя как заржет:

– Ничего себе, тяжело! Ты ж болтаешь уже полчаса без перерыва!

– Я? – изумилась я. И рассмеялась.

Так мы стояли и смеялись, как два дурачка. И, честное слово, я готова была еще долго так стоять и смеяться.

– А пойдем я тебя с бабушкой познакомлю! – предложил Женя.

– А пойдем! – согласилась я.

А потом испугалась. Как это пойдем? В гости, что ль? Как-то это не принято... Или здесь принято? Приходила же ко мне Ирка – значит, и мне можно. И мы пошли.

Бабушка у Жени оказалась совершенно замечательной. Такую милую и душевную старушку я могла себе представить только в мультике. С большим пучком седых волос, большими теплыми руками и в огромном переднике. Двигалась она шустро и бесшумно. Только открыла нам дверь – шух! – уже на кухне – шух! – пришла, спросила как дела в школе, – шух! – встречает нас в ванной с чистым полотенцем.

Я и оглянуться не успела, как уже сидела за столом перед дымящейся тарелкой борща. А бабушка продолжала колдовать над плитой, что-то непрерывно там помешивая.

– Ух, как вкусно! – попробовала я.

– Кушай, – улыбнулась бабушка.

– А еще Оле очень твои пирожки понравились, – сказал Женя.

– Так приходи завтра, – предложила бабушка, – я тебя печь научу. Хочешь?

– Хочу! – подпрыгнула я.

Мне и с Женей-то было легко, а уж с его бабушкой легче легкого. Я как будто всю жизнь была с ней знакома. Я говорила без умолку. А баба Люба слушала-слушала...

Мы рассказали про бойкот. Бабушка сначала очень распереживалась.

– Ох, это ж все из-за меня случилось! Как же я не проследила, что ты с собой в школу берешь...

А потом посмотрела на нас, вдруг подмигнула и говорит:

– А все к добру, вот увидите! Вы с этим бойкотом мало что потеряли, зато

многое нашли.

– Что нашли, бабушка? Что ты все загадками говоришь? – спросил Женя.

– Все поймешь, Женя, все поймешь. Главное, сердце свое слушай, – опять загадочно сказала бабушка.

Я попыталась послушать свое сердце, посмотрела на Женю, и опять оно как-то круто скакануло, щеки запылали, и я рванула в коридор со словами:

– Я пойду, меня дома ждут...

Никто меня не ждал, конечно, все еще были на работе. Но я очень боялась, что Женя увидит мою пылающую физиономию. Я не понимала, почему он не должен ее видеть, но мне почему-то очень хотелось сбежать.

– Иди, иди, Оленька, – ласково проводила меня баба Люба, – и приходи завтра обязательно. Будем пирожки печь.

На улице я прижала холодные руки к горячим щекам. Что же это происходит со мной?

Витя

2018 год

Все воскресенье я дергался и смотрел на часы. Никогда в жизни мне так не хотелось в школу. Я, само собой, переписывался со своими и в форуме, и в привате, и просто эсэмэски кидал – но это все не то. Пытался отвлечь себя домашним заданием, но шло сплошное повторение пройденного, так что за полчаса все уроки были сделаны.

Хорошо еще, папа догадался мне купить каких-то книг, я погрузился в чтение.

Книжки оказались очень странные. Нигде не было иностранных шпионов или вредителей, которых задерживали бы пионеры. Большая часть вообще была написана какими-то англичанами или французами. Но были и русские фамилии. Очень много попадалось волшебников и рыцарей, которые воевали с драконами и непонятными гоблинами и орками. А помогали им уж совсем удивительные эльфы с заостренными ушами.

Немного книжек было про космос и вообще фантастики, но не очень интересные – про космические корабли или какие-нибудь технические устройства почти ничего не рассказывали.

Наконец я нашел что-то путное: историческую книжку, в которой дети помогали распутывать заговор против князя. Это вам не гоблины с эльфами!

И только я втянулся, как меня начала бомбардировать Сушка. Написала сначала в приват: «Скорей бы завтра!». Я ответил «Ага!» – и снова погрузился в книгу. Но комик запищал снова. На сей раз Сушка прислала эсэмэс: «Ты тоже соскучился?» – и почему-то пририсовала подмигивающий смайлик. Я опять ответил «Ага», но не успел прочитать и полстраницы, как Сушка новой эсэмэской предложила встретиться сегодня, чтобы потренироваться. Пришлось писать длинный ответ: «Поздно уже. Всех не соберем».

В ответ пришло сообщение «Дурак!» в сопровождении обиженного смайлика. Я ничего не понял, хотя трижды перечитал нашу переписку. Чем я ее обидел? Хотел даже отправить ей какую-нибудь злобную рожу, но представил себе надувшуюся Сушку...

Нет, не буду я ее обижать. Она хорошая. Только очень нервная. Я выбрал в библиотеке рисунков самую виноватую физиономию и отправил ее Сушке.

Теперь инцидент можно было считать «исперченным», как любил говорить папа, но не тут-то было. От Сушки повалили веселые рожицы и танцующие человечки, а под конец она так разошлась, что прислала мне анимированную картинку, на которой смайлик-девочка чмокала смайлика-мальчика в щеку. Прислала – и затаилась.

Я сначала обрадовался, решил, что наконец могу почитать в свое удовольствие, но вдруг забуксовал на одной странице. В голове упорно возникала последняя картинка, только вместо смайликов были мы с Сушкой.

«Интересно, – подумал я, тупо уткнувшись в книгу, – а если бы Сушка меня в реале поцеловала, как бы это было?»

От одной такой мысли меня сразу бросило в жар. Меня часто целовала мама. Бабушка, пока была жива, тоже любила меня чмокнуть в ухо. Но это все было так... как маленького. А ведь взрослые часто целуют друг друга – и совсем по-другому. Я за последнюю неделю и по телевизору этого насмотрелся, да и на улицах видел. Один раз даже в школе случайно заметил, как старшеклассник обнимал и крепко целовал старшеклассницу. В общем, целующихся людей я видел много.

И только теперь попытался поставить себя на их место. Не смог поставить, фантазии не хватало. Но внутри все почему-то гудело и чесалось. И голова стала совсем-совсем пустой. Наверное, поэтому я решился на дурацкий

поступок: послал Сушке анимированный смайлик, который, краснея, достает из-за спины букет роз и протягивает вперед.

Сушка ответила не сразу. И неоригинально: «Скорей бы завтра».

Я тоже не стал оригинальничать и ответил: «Ага».

Книгу я так и не смог дочитать.

Оля

1980 год

Так мы и жили в школе. На переменах болтали с Женей в коридоре. Он принес мне кучу книг, и теперь я дома по вечерам читала. Читала, чтоб потом, на следующий день, обсудить с Женькой то, что прочла. Надо ж мне было научиться беседу поддерживать, а то неудобно. Оказывается, говорить – это совсем несложно!

И вот стоим мы как-то на перемене, Женя мне рассказывает что-то про «Трех мушкетеров», а тут к нам мальчишки подходят. Почти все. И Миша, самый высокий в классе, говорит:

– Архипов, мы решили, что не будем тебе больше бойкот объявлять. Пойдем с нами в конный бой играть.

Женька аж подпрыгнул от счастья. Видно было, как он обрадовался. И рванул к мальчишкам.

Они оживленно загоготали, понятно, что им Женьки тоже не хватало. Он же душа компании, конечно, с ним веселее. А мне сразу стало пусто и холодно. И слезы на глаза навернулись. Я отвернулась к окну, чтоб никто не видел, что я плачу, а слезы все текли и текли. Женька-то играет, а я никому не нужна. Мальчишки со мной играть не будут, а девочки... Что с них взять, они в этом времени какие-то недоразвитые.

Я очнулась, как только услышала рядом с собой Женин голос:

– Или мы играем вместе с ней, или бойкотируйте нас дальше. Но вдвоем.

– Тили-тили-тесто, жених и невеста! – громко заорал кто-то, и все заржали.

Я вздрогнула, а Женька даже не улыбнулся, а просто взял меня за руку. И смех стих. И мальчишки смотрели на нас во все глаза, а потом Миша сказал:

– Но не может же она в конный бой играть?

– В конный не может, – согласился Женя, – а в морской запросто!

– А давайте поле 20 на 20!

– А давайте!

– Парами! На вылет! А потом финал – 30 на 30! Мы рванули в класс. Я успела разглядеть Красноперкину, которая злобно сжимала губы в окружении подружек.

После следующего урока к нам стали подтягиваться девочки. Сначала просто сидели рядом и смотрели, как мы играем, а потом стали активно болеть и помогать. То ли я уже попривыкла, то ли они стали вести себя лучше, но я перестала раздражаться от одного их присутствия. С Леной-маленькой и Олей-кудрявой мы даже вполне весело поболтали. Так странно, из пятнадцати девочек в классе пять Лен и три Оли! Плохо тут с фантазией у родителей.

И вот на очередной перемене шли мы с девчонками по коридору и проходили мимо кабинета директора, а там, в приемной, дверь была открыта настежь. Я мимо проскочила, а потом резко затормозила. Заметила что-то боковым зрением, что-то очень странное, на подсознании сработало. Я вернулась к двери, осмотрела комнату... Вот! Вот за что у меня глаз зацепился! В углу комнаты, там, где в мое время стоял компьютерный стол с техникой, здесь находился странный агрегат.

– Девочки, что это? – спросила я шепотом.

– Печатная машинка, – ответила кудрявая Оля. – А что?

– А как она печатает?

– В смысле? – изумилась Оля.

И тут мне повезло, потому что в комнату влетела молоденькая девушка-старшеклассница и ринулась к этой самой машинке. Я не выдержала, подошла поближе, чтоб посмотреть, как она с ней будет управляться.

При виде знакомой клавиатуры у меня просто сердце сжалось. Где-то в глубине души ожила надежда, что это просто сильно устаревший принтер, а комп, пусть тоже устаревший, но есть. И спрятан в соседней комнате. И сейчас я его найду, включу и как-нибудь попаду домой.

Девушка вручную заправила бумагу. Ну ладно, наверное, в старых принтерах

тоже так делали, но когда она села и стала набирать текст, а по бумаге в такт с ее нажатиями стали скакать маленькие молоточки, я на минуту просто потеряла дар речи. Когда первый шок прошел, любопытство победило разочарование. Понятно, что компа не будет, но как она работает? Девушка стучала по буквам, но так мучительно медленно, что я устала на нее смотреть и не выдержала:

– Можно я?

– Ты? А ты умеешь?

Я неопределенно пожала плечом.

– Ну попробуй, – сказала девочка. – Меня классная попросила напечатать. Это для кабинета.

Она освободила мне стул, я уселась, положила руки на клавиатуру. От ностальгии чуть не заплакала. Посмотрела на раскладку – совпадает, только знаки препинания немного по-другому расположены. Ткнула букву – ого! А нажимать-то нужно гораздо сильнее.

– Ты умеешь? – еще раз спросила девушка.

И я начала печатать.

Сначала сбивали предупредительные «звяки» в конце строчки и то, что потом каретка (это называется каретка!) переезжала с конца строчки на начало. Но все-таки это была родная клавиатура, и пусть мне приходилось лупить по ней с непривычной силой, я все равно получала огромное удовольствие. Собственно, очнувшись я, допечатывала лист.

– Ну ничего себе! – глаза у старшеклассницы были огромные.

– Где ты так печатать научилась? – выглядывали у нее из-за плеча Оля с Леной.

– Да так... В одном месте... – я опять неопределенно пожала плечом.

Витя

2018 год

В понедельник я собирался поговорить с Сушкой – не знаю о чем, но поговорить надо было. Не получилось. Слава о нашем кружке так быстро распространилась, что после занятий к нам с Ястребом подошло человек пятнадцать желающих. Из нашего класса, из параллельных, и даже пара девочек на год старше.

Я растерялся. Ястреб, судя по всему, тоже. А Сушка напряглась:

– Всех не примем! Вы в комнату не влезете! Ястреб подхватил идею с явным облегчением:

– Конечно! Мы и так на головах друг у друга сидим! Всё, прием окончен!..

Новички смотрели так жалобно, что я не выдержал. Тем более что в голову пришла гениальная идея, и мне хотелось высказать ее при Сушке.

– Поместимся! – заявил я. – Только зачем в комнате?

– А где? – спросил Ястреб. – В холле? А если завтра еще желающие появятся? Родителей твоих на улицу выгоним?

– Не-а, – хитро улыбнулся я. – Сами на улицу пойдем. Погода замечательная, чего дома сидеть?!

Я покосился на Сушку, но так и не понял, оценила ли она всю гениальность моей идеи.

В результате мы расположились на школьном стадионе. Народу набралось так много, что Ястреб и Сушка поделили кружковцев пополам. Дима занимался с мальчиками, Снежана – девочками. Я сидел на параллельных брусьях и, как заявил Ястреб, «осуществлял общее руководство». В основном это руководство заключалось в болтании ногами и кивании головой, когда кто-нибудь спрашивал, можно ли сделать то-то и то-то. В самых сложных случаях я предлагал игру, в которую сейчас нужно поиграть.

Родители сначала удивились нашему новому месту сбора, но потом пришли проведать и всё поняли. Посидев минут пятнадцать без дела в сторонке, папы добыли у физрука волейбольный мячик и резались в волейбол. Мамы немного потерпели, но через пять минут присоединились к папам. Стучали по мячу, орали, ругались друг на друга, извинялись, хохотали... и очень удивились, когда оказалось, что уже стемнело.

Нас быстренько развезли по домам, но я успел на прощание помахать Сушке рукой. Она сделала странное движение плечом, но махать в ответ не стала. Зато покраснела так, что даже в темноте было видно.

Моя мама как будто ничего не заметила, но, зайдя поцеловать на ночь, почему-то сказала:

– А эта девочка... Жанна...

– Снежана, – поправил я.

– Да, точно... она ничего, симпатичная.

Оля

1980 год

На следующий день я к Женькиной бабушке не пошла, постеснялась. Да и Женя меня не звал, он с мальчишками из школы шел, мне неудобно было лезть.

И только я собиралась раскукситься, что осталась совсем одна, как меня догнала Ира. Минуту шла рядом, пиная перед собой камушек, а потом все-таки сказала:

– Оль, мы ж с тобой никогда не ссорились раньше.

– А я с тобой и не ссорилась, – ответила я.

– Ну и я с тобой не ссорилась! – обрадовалась Ира.

– Ага... А бойкот не считается...

– Это же не я, это Красноперкина придумала!

– Ира, ну что ты оправдываешься? Красноперкина придумала, а все поддержали. И ты поддержала! Так что все виноваты одинаково.

Ира обиженно запыхтела рядом. Но не уходила, так и шла, угрюмо смотря в землю.

– И что, мы так и не помиримся теперь?

Мне прям жалко ее стало. А Ира затараторила:

– Оль, ну как ты не понимаешь, ну вот вылезла ты против Вассы, ну и что? Лучше от этого стало? А если б я тебя поддержала, то и мне бы было плохо. Еще

б и оценки снизили, а меня папа убьет за это.

– И что, лучше всегда молчать?

– Ну почему молчать? Мы же не молчим. Вот если ты меня спросишь, я тебе скажу: я против того, что Архипова исключили. Так что я не молчу, нет...

Я смотрела в Иркины честные глаза и изумлялась. Она не со зла. Она действительно не понимает разницы. И я махнула рукой.

– Ладно, проехали...

– Куда поехали?

– Никуда, это выражение такое. Забыли, значит.

– А-а-а... Хорошо. Выходи в три.

И Ирка убежала.

Выходить я сначала никуда не собиралась, но через пару часов дома начала тихо пухнуть от скуки. Телек смотреть невозможно. Комика нет. Читать, оказывается, прикольно, но так долго я не привыкла. Короче, просто от нечего делать я оделась и вышла на улицу.

Ирка и еще пяток девчонок сидели на железяке типа турника во дворе и при виде меня замахали руками.

– Иди к нам! Будешь в «Штандера-вандера»?

– Э-э-э-э-э, – ответила я.

– Будет, – радостно согласилась за меня Ирка. – Я сейчас мячик принесу. У меня до обеда мама дома.

И Ирка поскакала к дому.

– Ма-а-а-а-ма-а-а-а-а! – заорала она так, что мне стало страшно.

По моим ощущениям, на такой ор из окон должны вылезти все жители ближайших домов.

– Ма-а-а-а-ам!

В окне шестого этажа появилась Ирина мама.

– Ски-и-и-и-инь на-а-ам мя-а-а-а-чик! Нормально. Ни у кого ни тени удивления.

Люди вокруг как шли так и идут, в соседних домах никто не дернулся, мама спокойно сбросила мяч. Ловить его кинулись все, он весело скакал туда-сюда, этажа до третьего.

– Анекдот знаешь? – спросила меня Светка. И тут же начала рассказывать, не дожидаясь ответа:

– Решили колобок, жираф и бегемот сброситься с крыши. Знаешь?

– Нет...

– Как нет?! – закричала Ирка.

И дальше они рассказывали, перебивая друг друга.

– Летит бегемот и считает этажи...

– 9,8,7,6,5,4,3,2,1...

Ирка уползает смеяться. Продолжает Света:

1,-2,-3... Ха-ха-ха...

Ирка, сидя на земле:

– Летит жираф: 9, 8, 7, 7, 7, 1... ха-ха-хрю...ой...

Света:

– Летит колобок: 9, 8, 7, 6, 5, 4, 3, 2, 1, 2, 3, 4... ой, не могу...

К этому моменту я уже тоже хохотала до слез из глаз. Дома я, по-моему, никогда так не смеялась.

Потом мы играли в «Собачку», потом в «Выбивалы»... Весело было очень, но через час я уже не чуяла ног от усталости. Я завалилась на скамейку, а неугомонные девчонки связали две скакалки и еще час прыгали как заведенные и прыгали б и дальше, если б не вопль из знакомого окна:

– Света-а-а-а-а! Му-у-у-у-у-льтики начались! Двор опустел практически мгновенно.

На следующий день я еле встала с кровати. Ноги гудели так, что каждый шаг я ойкала и проклинала всех на свете. Когда я, хромая на обе ноги, выползла из подъезда, то встретила Ирку, которая радостно скакала на нарисованных на асфальте квадратах.

– О! Оляка! А ты чего вчера после мультиков не вышла?

Я застонала.

– Ты чего? – изумилась она. – Мы сегодня будем в «казаков-разбойников» играть, вчера договорились.

– Опять бегать? – спросила я с ненавистью.

– А что? Ходить, что ли?

К моему огромному счастью, после школы ко мне подошел Женька, взял мой портфель и сказал:

– Пойдем! Бабушка про тебя вчера весь день спрашивала. Она уже все для теста приготовила.

Я и сама могла портфель отнести, но мне было удивительно приятно, что Женька идет по двору с моим портфелем. Пусть на нас все смотрели, пусть шептались вслед, я от этого становилась только счастливее.

Баба Люба встретила меня как родную. Мне немедленно выдали фартук, чтоб не запачкалась, и мы замесили тесто.

Как это, оказывается, сложно! Но как интересно! Бабушка обращалась с тестом, как с живым существом. Она его гладила, шептала стихи, что-то она рассказывала. Она пела ему песенки. И что удивительно, тесто ее понимало! Оно как будто слушалось, тянулось к бабушке. К моим рукам липло и отказывалось отклеиваться. А в бабушкиных как будто само скатывалось в аккуратные шарики. И потом, в духовке, эти шарики на глазах вспухали и становились идеальными булочками. Нереальной вкусноты.

Я готова было проглотить их все, вместе с противнем.

– Баба Люба, а вы часто печете? – спросила я.

– Да нет, не очень. Раз в недельку, не чаще. А что?

– Целую неделю ждать следующих...

Потом бабушка глянула на мое разочарованное лицо и засмеялась.

– Приходи завтра. Ты ж рецепт небось не запомнила?

В классе со мной уже почти все разговаривали. Собственно, мне и не нужен был никто, кроме Жени. С ним я могла болтать часами, с остальными пока было

тяжеловато. А я все реже вспоминала о том, что пришла из другого мира. Про компьютерные игры даже не думала, часто для уроков не хватало интернета, но мне его полностью заменил Женя. Он с готовностью отвечал на любые мои вопросы. А заодно и показал, как пользоваться всякими энциклопедиями.

Что интересно, в этом времени интернет гораздо меньше нужен, чем у нас. У них вообще тут время течет по-другому, более размеренно, спокойно. Комики не звонят, люди идут, а не бегут. Машин почти нет. А те, что есть, ездят ме-е-е-дленно и плавно. И, что забавно, все вокруг уверены, что живут в бешеном ритме.

Витя

2018 год

Экзамены приближались, и меня вдруг начало колотить. Мама называет это «мандраж», а папа «флаттер». Странно, со мной такое редко случается. Последний раз – когда в бабушкиной деревне вечером возвращался домой, а тут из-за угла местные... Их было трое, они были здоровые и загорелые. И убежать я не успевал, потому что столкнулся нос к носу. И тут у меня такой мандраж начался, что я даже ход не сбавил. Только кулаки сжал и попер прямо на них. Иду и колочусь, даже жарко стало. Они, видно, что-то почувствовали, потому что молча расступились и пропустили меня без единого слова. Потом, когда мы с соседским Мишкой с ними возле озера схлестнулись, деревенские нас здорово отделали. А в тот раз – ничего, даже дразниться не стали.

И вот теперь у меня мандраж начался снова. Начался – и не хотел униматься. Самое обидное, что драться было не с кем, а то, честное пионерское, подрался бы! Чтобы унять флаттер, пришлось побродить по городу. Он у нас маленький... по крайней мере, раньше был. Теперь, как я понял, на окраине, особенно за рекой, много чего понастроили, но туда я не пошел, отправился в центр.

Гулял... нет, с такой скоростью не гуляют... тем более – не бродят... В общем, быстро ходил по центру между кирпичных домиков и церквушек. У нас вообще старый город. Немцы его взяли с ходу, а потом наши без боя освободили, поэтому очень много домиков уцелело прошлого (то есть уже позапрошлого) века. Кое-что заштукатурили и покрасили, но остались и такие, у которых кирпичи наружу торчат, как ребра у очень худого человека. Кирпичи древние, но крепкие, не оранжевые, как теперь делают, а коричневые. И шершавые. По ним рукой ведешь – и понемногу успокаиваешься.

Долго я так бродил, поглаживая кирпичи, мандраж почти уже весь выходил. И вдруг увидел человека, которого ну никак не ожидал тут встретить. Или, по

крайней мере, не в таком виде.

Передо мной стоял Женька Архипов. Постаревший, с седой щетиной, весь морщинами покрыт, словно его жевали да выплюнули. И старое зимнее пальто – серое, все в коричневых подтеках. Но все-таки я сразу его узнал.

А он меня, кажется, нет.

– Женька? – спросил я не своим голосом. – Архипов? Ты?

Он поднял мутные глаза и уставился на меня. По-моему, он мало что соображал. Я уже решил, что обознался, как вдруг он ответил:

– Я.

Мне стало нехорошо. Наверное, потому, что от него несло чем-то кислым и противным.

– Ты как...тут оказался?

Женька посмотрел на кирпичную стену и удивленно пожал плечами.

– Это я, – объяснил я. – Витя Шевченко. Помнишь?

Он подумал и кивнул:

– Витя. Помню.

– А ты... Тебя все-таки исключили из пионеров?

Женька вдруг всхлипнул и вытер нос рукавом.

– Выперли! – сказал он сквозь слезы. – Из пионеров! И покатилась моя жизнь по наклонной! И Ленка меня тоже... выперла! Кому я такой нужен?

Мне захотелось провалиться сквозь тротуар. Женька Архипыч, надежда школы и умница, Женька, которого не смогла согнуть даже Васса, стоял и ревел, как девчонка. Он даже раскачиваться немного стал.

– Прости, – сказал я. – Это из-за меня... Я тогда струсил...

Женька тихонько плакал, казалось, не слушая меня. Не зная, что делать, я пролепетал:

– Я могу что-то для тебя?... Чем-нибудь помочь?

Он перестал плакать так же резко, как и начал.

– Мне бы денег, – невнятно сказал он. – На лечение.

– Конечно! – я очень обрадовался, что могу хоть как-то загладить вину, и торопливо начал шарить по карманам. – А чем ты болеешь?

– Тунеядством он болеет! – неожиданно раздался за моей спиной резкий голос.

Женька от него сразу съежился, а я обернулся посмотреть, кто это такой наглый. Сейчас я был готов за своего друга с кем угодно сражаться...

...С кем угодно, кроме милиционера. Выглядел он непривычно: серая кепка, свободная куртка и штаны, дубинка и наручники на боку, погоны странные – но это был явно милиционер. И он явно не одобрял моего общения с Женькой. Даже, кажется, собирался его арестовать.

– Это Женька! – объяснил я. – Архипов! Он болен.

– Не Женька он, – возразил милиционер, – а Васька. И не Архипов, а Карпович. Тунеядец и бомж!

Я внимательно посмотрел на оборванца. Действительно, какой Женька? Похож немного, а так... Чего это я вдруг?

– Не тунеядец, – неубедительно возмутился Васька, – а временно не работающий!

– В обезьянник захотел? – милиционер отцепил от пояса дубинку.

Попрошайка начал боком отодвигаться. Наверное, он очень не любил обезьян. Отодвинувшись немного, он крикнул:

– Полицейский произвол! – и бросился наутек.

Его можно было бы легко догнать, потому что бежал он медленно, вихляясь из стороны в сторону. Но милиционер только вздохнул и повернулся ко мне:

– Тебя мама, что, не учила от бомжей подальше держаться?

Я хотел ответить, что мама мне ни про каких бомжей вообще ничего не рассказывала, но удержался. На меня вдруг навалилась страшная усталость.

– Можно, я пойду? – спросил я.

– Иди, конечно, – пожал плечами милиционер. – Только подальше от всякой

швали держись!

Домой я шел, не глядя по сторонам. «Это не Женька! – убеждал я сам себя. – Женька не мог так... У него все хорошо!»

Вернувшись, первым делом бросился к компу и начал искать в Инете что-нибудь о Евгении Архипове. Однофамильцев было хоть пруд пруди, но все какие-то не те. Мне стало страшно. Я почему-то был уверен, что Архипыч сейчас копается где-то в мусорном баке – и все из-за меня.

Я понял, что выход только один: надо вернуться! Надо найти ту девчонку, которая села в мое кресло! Надо заставить ее поменяться креслами опять! И срочно, срочно спасать Женьку!

Оля

1980 год

Сегодня я поняла, что влюбилась!

Шла-шла из школы – и вдруг, как мешком по голове... Женька рядом был, рассказывал что-то интересное, я слушала, слушала, а потом вдруг поняла: я влюбилась!

И так мне сразу стало хорошо и весело! Я начала хохотать как сумасшедшая и скакать вокруг Женьки на одной ножке. А он сначала обалдел, остановился и спрашивает:

– Что случилось?

А потом тоже начал со мной скакать и прыгать.

Кстати, удивительно, но здесь гораздо лучше прыгается!

Несмотря на пирожки бабушки Любы, я сильно похудела. Когда ноги перестали постоянно болеть, выяснилось, что я даже бегать неплохо умею, а в высоту на физкультуре прыгаю лучше многих мальчиков!

А сегодня мне казалось, что я наглоталась воздушных шариков. Мне казалось, что если как следует оттолкнуться от земли, то можно улететь до самого неба и там повиснуть, дрыгая ногами. Я немедленно поделилась этим с Женей и вот ответ получила рассказ о том, что сила земного притяжения зависит только от массы тела, которое земля притягивает. Ну не зануда ли? Неужели непонятно, что сила земного притяжения зависит от настроения, от погоды, от того, кто рядом!

– Женька, ну неужели ты не чувствуешь, что если мы вместе, то всё по-другому! Всё вокруг по-другому!

Женька смотрел на меня, ошалело лупая глазами, и улыбался. И глаза у него были голубые, как небо, а веснушки рыжие, как солнце. И теперь я точно знала, что счастье есть, что счастье – это просто. Счастье, это когда внутри что-то пузырится, счастье – это когда любишь весь мир, счастье – это когда рядом Женька...

А потом он выдавил из себя:

– Оль, ты очень красивая...

Покраснел как рак и убежал домой.

И я поверила, что я красивая!

Даже дома, разглядывая себя в зеркало, видя страшное коричневое платье, страшные босоножки и детские носочки, я понимала, что красивая...

Так странно... Я столько знала о любви в своем времени. То есть мне казалось, что я знаю о любви все. В школе нам рассказали про сперматозоиды и яйцеклетки, и ни для кого не секрет, как именно этот самый сперматозоид к яйцеклетке попадает. Мы видели по телеку тысячи поцелуев и миллион признаний в любви. Мы писали друг другу в чате: «Я хочу быть с тобой!» и «Я скучаю по тебе!», но, оказывается, мы ничего не понимали. Ни-че-го! Потому что даже будь у меня сейчас комп, и будь Женька где-то в чате, я бы все равно мучительно скучала. По глазам, по улыбке, по тому, как он хмурится, когда что-то вспоминает, по тому, как смеется...

Весь день я проходила по квартире, не зная, куда себя приткнуть, и легла спать в восемь часов. Чтоб поскорее наступило завтра!

Витя

между времен

Я осторожно приоткрываю глаза и облегченно вздыхаю.

Комната, в которую я так хотел попасть, наконец появилась. Полночи я за ней гонялся.

То какие-то стадионы снились, то бесконечные кирпичные стены, по которым нужно долго-долго карабкаться.

А комната все ускользала. Пока я тут один, но это ненадолго – кожей чувствую.

Устраиваюсь в своем кресле поудобнее и старательно таращусь на кресло напротив. Там должна появиться девчонка, из-за которой меня забросило в чужое время. Здесь, в комнате, я окончательно понимаю то, о чем давно догадывался: никакой это не эксперимент. Просто мы с этой девчонкой поменялись временами. Теперь она должна войти в эту комнату, и мы поменяемся снова.

На секунду появляется спасительная идея. Можно просто сесть в свое кресло и оказаться в родном 1980 году!

Но я знаю, что так нельзя. Здесь, во сне, своя логика, и она подсказывает, что ничего у меня не получится.

Жду.

Проходит час. Он проходит очень быстро, я не успеваю даже заскучать. Девочка в кресле появляется как-то вдруг, незаметно. Она смотрит на меня недовольно.

Я решительно встаю с кресла и иду к ней.

– Давай меняться! – я морщу лоб, чтобы казаться очень строгим.

Странно. До кресла так близко, а я не могу к нему приблизиться. Это все девчонка! Она не хочет меняться временами!

– Не хочу! – она то ли отвечает на мои мысли, то ли угадывает их. – Я тут останусь. Тут хорошее время!

– Время всегда хорошее!

Мне кажется, что я повторяю чью-то фразу. Или там как-то по-другому было?

– У тебя тоже хорошее время, – говорю я, останавливаясь.

Какой смысл идти, если топчешься на месте?

– Компы, комики, – теперь я говорю вкрадчиво.

Девочка секунду колеблется, и я за эту секунду резко приближаюсь к ее (то есть моему) креслу.

– Нет, – говорит она. – Тут и без компов весело!

Я решаю говорить правду. Рассказываю о Женьке, о том, что мне нужно вернуться и все исправить. Она слушает, время от времени кивая. И улыбается так тепло, что я вдруг вспоминаю Сушку.

– Не бойсь! – говорит девчонка. – Женька под присмотром! Я его в обиду не дам!

И она говорит о Женьке, о пионерском собрании, о ее помощи.

Я испытываю сразу и облегчение, и зависть. Она молодец.

Я ей верю. И я хочу назад, в 2018 год. Там меня ждет класс, за который я отвечаю. Мы должны сдать экзамены. А девчонка позаботится о Женьке.

Я возвращаюсь в свое кресло и снова засыпаю прямо во сне.

Оля

1980 год

Проснулась я сразу, одним рывком. Проснулась с ощущением тревоги. Что-то такое случилось во сне... Медленно начали всплывать подробности: была белая комната, был мальчик... Витя, кажется. Он рассказал, что мы с ним поменялись временами. Да, я уже давно догадывалась, что это не компьютерная игра, уж больно все было по-настоящему, но про первую встречу в белой комнате начисто забыла. Он сказал, что хочет поменяться обратно... Рассказал про Женьку...

И тут меня прошиб холодный пот. Женьку нужно спасать!

Я вскочила и начала собираться в школу, как на пожар. Я Женьку никому в обиду не дам, никуда его из нашей школы не отчислят!

Я примчалась в школу первая. Было еще закрыто. Тогда я пошла к Женькиному подъезду и уселась ждать на скамеечке. Женька как чувствовал, вышел буквально через пять минут.

– Привет! – он уселся рядом.

– Привет! – ответила я.

– У папы неприятности на работе, – сказал Женька. – Васса письмо написала в партком о том, что меня из пионеров исключили.

У меня непроизвольно сжались кулаки, по Жениному тону я поняла, что случилось что-то страшное, хоть и не поняла почему.

– Если его из партии выгонят... – у Жени на глазах блеснули слезы, – я себе этого никогда не прощу!

Я минутку посидела, думая, как же его утешить, потом взяла за руку и начала рассказывать:

– Знаешь, а будет время, когда всем будет наплевать, в какой ты партии.

– Что значит «в какой»? Она одна!

– Будет не одна. Будет много. И все будут бегать и просить: «Вступите в нашу партию, вступите в нашу партию»

Женька рассмеялся.

– А комсомолов тоже будет много?

– А комсомола вообще не будет, будут всякие другие молодежные организации, не помню их названия. Зато всем можно будет верить в бога. Причем в любого.

– Это как?

– Хочешь, будь православным, хочешь – католиком, хочешь – мусульманином, хочешь – иудеем. Хочешь – отмечай все праздники сразу. И в школу можно будет приносить и куличи, и мацу. И Рождество все станут отмечать.

– Какое еще рождество?

– Оба. И католическое, и православное. А пасхи вообще три, еще еврейская есть.

– Оля, ты откуда все это знаешь? – Женя аж напрягся.

– От верблюда, – засмеялась я. – Мне сегодня сон приснился. Как будто я – девочка из будущего... И мне поручено спасти тебя.

– От кого?

– От всех!

– Не надо меня спасать, – обиделся Женька, – я сам спасусь! Ты лучше еще про будущее расскажи. Что там будет?

И тут меня понесло. Я начала рассказывать про компы и комики, про машины и микроволновки и даже про адронный коллайдер. Это ж надо, что вспомнила! Мы чуть в школу не опоздали, ввалились в класс за секунду до начала урока, как раз во время объявления о том, что после пятого урока состоится политинформация на тему «Религия – опиум для народа». Мы с Женькой синхронно прыснули. Лицо пионервожатой, которая делала объявление, окаменело.

После пятого урока в кабинет пришли наша классная и Танечка. В этот раз обошлось без Вассы. Сначала нам долго и нудно рассказывали про то, что темный и дремучий народ до революции погибал под гнетом царя и попов. Я слушала вполуха, потому что уже давно поняла, что с историей здесь все не совсем чисто. Нам всё совсем по-другому объясняют. Потом нам рассказали про то, что пришла революция, всех освободила и свергла ненавистный царский режим. И что теперь церковь никому не нужна, потому что все и так счастливы. За границей она еще есть, но там и трудящихся продолжают угнетать, а у нас всё по-другому. Я сразу вспомнила, что у нас, в будущем, во время всех церковных праздников президент стоит в храме в первых рядах и крестится. И, кстати, все, кто сейчас в классе, доживут до нашего времени и увидят всё своими глазами. Мне стало страшно весело, я даже хрюкнула от смеха, но Танечка не поделила моего веселья.

– Ольга, я не вижу ничего смешного!

А я видела! Ведь они все еще не знают, что довольно скоро Советского Союза не станет, и говорить можно будет все, что захочешь, и про революцию все забудут, и кто такой их любимый Ленин, дети знать не будут! Если б я сюда не попала, и я б не знала! Я вдруг почувствовала себя всемогущей. Никого не боюсь, даже Вассу!

Я встала и сказала:

– Я тоже не вижу ничего смешного. Вы же нам все это рассказываете из-за

Жени, правда? Мы взяли и исключили его из пионеров, а он лучше всех нас. Ну и что, что его бабушка верит в бога? Она замечательный человек, она никогда никого не обидела. Между прочим, никого в бога верить не заставляет. Вам-то что? Это личное дело их семьи.

В классе стало очень-очень тихо, а Танечка залилась пунцовой краской.

– Что значит личное дело? – спросила она. – У пионеров не может быть личных дел!

Тут я опешила.

– Как это не может? Что ж нам теперь, и в туалет строем ходить?

Класс заржал, а я уже не могла остановиться.

– Женя учится лучше всех в классе, Женя знает больше всех в классе. Он может поступить в любой вуз, и мы все будем гордиться, что учились вместе с ним. С ним интересно, с ним все дружить хотят!

Я считаю, что если уж кто достоин быть пионером, то он!

В классе начали шептаться, я продолжила:

– И я считаю, что мы его исключили несправедливо! И если совет отряда решит вернуть Жене пионерский галстук, то это будет правильно!

Танечка выглядела неважнецки, вся в алых пятнах, а в классе уже стоял настоящий гул.

– А ведь она права! – крикнул вдруг Сашка. – Мы его исключили, мы его и вернем!

– А давайте проголосуем!

– Давайте!

Я не верила в свою удачу!

– Кто «за»? – спросила я дрогнувшим голосом.

Много рук.

– Кто против?

Человек шесть, выше всех руку тянет Красноперкина.

Я повернулась к Танечке.

– Мы приняли решение, – сказала я.

И сняла с себя и повязала Женьке пионерский галстук. А потом не удержалась и обняла его. Крепко-крепко...

Витя

2018 год

С самого утра я чувствовал, что сегодня случится какая-то гадость. Ночной разговор помнил очень хорошо, убеждал себя, что та девочка все исправит, Женька теперь в безопасности... Но все равно на душе скребли кошки. Целая стая кошек. Или что там у них – стадо? толпа? свора? Короче, много кошек.

И гадость случилась, хотя сначала я ее и не заметил. Утром, перед школой, включил комп и проверил, что мне успели понаписать. Все обсуждали какую-то новость на форуме. Я кликнул, посмотрел. Ничего такого особенного не заметил. Просто какой-то Аноним вывесил наши ники, а рядом – фамилии. Я проверил – все в порядке, ничего не перепутано. И ники написаны правильно. Я почитал комменты, но ничего не понял – там стояли сплошные угрожающие смайлики и призывы «убить гада об стену!».

Только в классе я сообразил, в чем беда. То есть не сообразил, а Сушка мне объяснила.

– Наши ники, – Сушка дергала меня за рукав, наверное, чтобы я лучше проникся трагичностью ситуации, – это же главный секрет каждого человека! Теперь, когда все знают, у кого какой ник, можно же запросто полистать историю форумов и прочитать, кто что говорил. Ястреб, например, в форуме даже стихи писал! Его ж засмеют теперь!

– погоди, Снежка, – я осторожно высвободил рукав.

Сушка вдруг покраснела так стремительно, что я испугался.

– Ты чего?

– Ничего, – буркнула она, – меня никто Снежкой не звал раньше.

«Ну и что?» – хотел сказать я, но решил не вгонять Сушку в еще большую краску. И кстати, мне было приятно, что теперь есть имя, которым только я Снежану называю.

– Погоди, – сказал я спокойно, – мы же и так все наши ники знаем.

– Не все! – Сушка побелела от злости так же быстро, как до этого покраснела. – Только свои! А теперь вся школа знает!

– Ну и флаг им в руки! Тебе-то что?! Снежка повела плечом:

– Не хочу, чтобы каждый в моих мыслях копался! Когда я под ником, то... ну... как будто...

– Как человек-невидимка? – подсказал я.

– Ага! А теперь будут копать... всякие...

И тут я вдруг сделал то, чего никак от себя не ожидал, – взял ее за руку.

– Вот что, Снежка! Никто тебя не обидит! Я обещаю!

У Сушки вдруг сделался такой вид, как будто я держу не ее руку, а протез, который случайно оказался прислонен к ее плечу. И ладонь стала холодная и деревянная. А у меня в голове шумело и булькало. Сейчас я был готов свернуть небольшую гору. Или даже большую.

– И гада этого найду, – заявил я. – Найду и накажу.

Сушка смотрела на меня с надеждой, но как-то жалобно.

– А то, что ники наши все узнали... Ну и пожалуйста! Я своим ником горжусь.

Я с сожалением отпустил руку Снежки (она сразу немного обмякла), вскочил на парту и громко сообщил:

– А я – Биг Билл! Понятно? И мне плевать, что все об этом знают!

Почти все вокруг радостно завопили.

Теперь, когда Снежкина ладошка не лежала в моей руке, смелости немного поубавилось, но я продолжил:

– Не знаю, кто тут решил подложить нам свинью, но он дурак! Потому что мы никого не боимся! Правда, Ястреб?!

Димка ловко вскарабкался на соседнюю парту:

– А я Ястреб! И мне тоже плевать!!!

Класс снова радостно завопил... и вдруг затих. А за спиной мы с Ястребом услышали недовольный голос историка:

– А я Николай Иванович. И меня не устраивает, что ученики прыгают по партам.

Мы быстренько расселись по местам, но я успел заметить, что Сушка мной гордится. И я стал гордиться тем, что она гордится мной.

Я решил во что бы то ни стало выполнить обещание, данное ей.

Оля

1980 год

Эйфория продолжалась весь день.

После того как я повязала Женьке галстук, Танечка куда-то делась. Мы даже не заметили когда.

Отловили Красноперкину, заставили ее написать отчет о проведенном собрании. Вернее, написали мы его сами, ей только подписать осталось. Согласилась под угрозой грубой силы.

И когда она, чтоб не сбежала по дороге, под конвоем двух самых рослых мальчиков в классе понесла нашу бумажку в совет дружины, класс вдруг взревел, что нам нужен новый председатель совета отряда. Предлагали меня и Женьку. Женька сказал, что берет самоотвод в мою пользу, я сказала, что все должно быть наоборот.

А потом кто-то заорал:

– Тили-тили тесто, жених и невеста!

И я обнаружила, что мы с Женькой стоим посередине класса, взявшись за руки, и горячо что-то друг другу доказываем. И страшно испугалась, что Женька сейчас смутится и убежит, а он, наоборот, развеселился и закричал:

– Ура Ольке! Она самый лучший в мире друг! И я тоже не смутилась и не убежала, а стояла и улыбалась. И опять мне казалось, что я наглotalась воздушных шариков.

А потом был урок истории.

Историк пришел хмурый, молчаливый. Сначала вызвал к доске Женьку. Выслушал ответ, мрачно поставил пятерку. Потом вызвал меня. У меня сердце в пятки упало, но Женька зашептал мне:

– Давай, ты справишься!

И я потопала к доске. Встала, посмотрела на класс. И уже собиралась было по привычке испугаться, но увидела перед собой лица одноклассников. Они были добрые, живые, они были готовы мне помочь. Я просто физически чувствовала их поддержку. И страха как не бывало!

В памяти всплыла страничка из учебника, я рассказала ее как по писаному, ни разу не сбившись. А еще рассказала то, что мы с Женькой в энциклопедии прочитали, а еще хотела рассказать...

Тут историк меня перебил, хмуро поставил «пять» и посадил.

И мне б задуматься о причинах его хмурости, да не до того было. Я неслась на свое место, приплясывая от счастья. Я смогла! Я стояла у доски и получила пятерку!

А после уроков мы с Женькой побежали к бабушке и всё ей рассказали. Мы хохотали, когда вспоминали, как пошла пятнами Танечка, мы хохотали, когда говорили о том, как переизбрали Красноперкину.

Бабушка улыбалась, но как-то грустно. И почему-то все время говорила:

– Дай вам бог сил, детки...

Да у нас этих сил было просто хоть отбавляй! Да мы горы в этот день могли свернуть!

Мы выбежали во двор, чтоб хоть как-то энергию выплеснуть, а там как раз огромная компашка собрать в «казаков-разбойников» играть. И тут на меня вдохновение нашло.

– А давайте не просто так играть, а в квест!

– Чего? – спросил Женька.

– Ну... Давайте как будто мы – эльфы, а вы – гоблины.

– Кто?

– Ну, мы – хорошие. Мы такие все нежные, ушки торчком, воздушные, а вы – вы злые и грубые. Мы будем жить вон там, на дереве, будем хорошо стрелять из луков, а вы – вы из луков не умеете, но зато у вас силища ого-го! А у нас будет кольцо власти, которое вы захотите забрать. И вы должны будете это кольцо не просто забрать, а еще и донести во-о-он до той горки во дворе. Там у нас будет жить Зло.

Все, кто стоял вокруг, аж рты пооткрывали, пока я им все это рассказывала.

– Круто! – сказал Женька. – Это ты сама придумала?

– Э-э-э... Во сне видела, – соврала я.

Мы убегались так, что через три часа легли на траве в середине двора и устали в небо.

– Классные тебе сны снятся! – сказал Женька.

Он был ранен в бою эльфийским луком и теперь держал подорожник на поцарапанной руке.

– Может, еще что-нибудь интересненькое вспомнишь?

– Ага, – сказала я. – Завтра будем играть в школу волшебников.

Домой я примчалась часов в восемь вечера, только открыла рот, чтоб поздороваться, и нарвалась на суровое папино:

– Ольга, где ты ходишь? Звонили из школы, нас вызывают к директору. Может, ты объяснишь, что происходит?

Витя

2018 год

На большой перемене мы с Ястребом и Сушкой выскочили во двор школы и устроили там тайное совещание. Ну как тайное... Все, конечно, пялились на трех шестиклашек, которые забились в угол двора и там шепчутся с таким видом, как будто готовят покушение на короля. Но нас никто не слышал, так что совещание, наверное, можно считать тайным.

– Надо выяснить айпишник того, кто влез на форум, – горячо шептал Димка, – пробить у провайдера юзера...

Я понял, что пока слишком мало знаю о компах, поэтому дослушивать не стал:

– То есть ты сможешь его найти?

Ястреб смутился:

– Ну, теоретически...

– Ясно, – сказала Сушка, – не можешь. Надо по-другому. Там ведь не все ники выложены, заметили? Чьего ника нет – тот и сволочь!

– Проверил уже, – вздохнул я. – Не хватает пяти ников. В том числе моего.

Снежана задохнулась от возмущения.

– Есть другая идея, – торопливо сказал я, пока Сушка не бросилась в класс лупить всех подряд. – У нас же вечером подготовка к экзаменам, так?...

...Вечером пришли почти все, хотя хмурые и подозрительные – Сушка предупредила, что я собираюсь назвать того гада, который всех нас выдал. Кружковцы расселись на скамейках, а я вышел и стал перед ними, чувствуя себя эстрадным певцом.

– Значит, так, – сказал я. – Стукача я пока не нашел. Но найду.

Я покосился на Ястреба. Он сидел немного в стороне с нотиком на коленках, взъерошенный больше обычного. Но теперь Димка походил не на воробья, а на настоящего маленького ястреба – такой грозный вид у него был.

– Сейчас каждый выйдет сюда и произнесет... – Я откашлялся и продекламировал: – «Честное слово, я никому не рассказывал про наши ники».

– Норма, – кивнул Димка.

Все удивленно уставились на него.

– Это детектор лжи, – злорадно сказала Сушка, – Ястребу папа скачал! Кто следующий?

Но никто не успел отреагировать, потому что Сушка сама выскочила на пятачок перед скамейками и выпалила:

– Честное слово, я никому про ники не говорила! А когда узнаю, кто

крысятничает...

– Норма! – строго перебил ее Ястреб. – Следующий!

Мы с Сушкой отошли в сторону, а кружковцы один за другим вставали и произносили клятву. Некоторые запинались и тормозили, но Димка каждый раз успокаивал их словами: «Норма». Чем меньше оставалось людей, которые не прошли детектор, тем тоскливее становилось на душе. Никто не болтал, не строчил сообщения на комиках, а когда раздавались звонки, отвечали коротко: «Занят... Я перезвоню». В воздухе запахло электричеством.

Предпоследней вышла девочка, которую я никак не мог запомнить. Ни имя ее, ни ник в голове моей не задерживались. И вся она выпадала из памяти, как только я переставал на нее смотреть – волосы белые как пакля, брови белесые, глаза водянистые...

Стала она почему-то не лицом ко всем, а чуть-чуть боком.

– Честное слово, – сказала она, прикрывая рот ладошкой, – я ники не говорила никому.

И почесала нос. Мы с Сушкой напряглись. Ястреб не выдал очередной «Нормы», а пристально посмотрел на девочку.

– Не говорила, значит? А может, в форуме писала?

Глаза девочки забегали, она снова прикрыла рот рукой и замотала головой. Я вдруг почувствовал, что за последние полчаса очень устал.

– Ты же врешь, – сказал я. – Ты написала, так?

Она опустила голову и побледнела.

– Врет! – сурово подтвердил Ястреб. – Детектор зашкаливает!

– А чего вы?! – Девочка вдруг вскинула голову и стала чуть не кричать прямо мне в лицо: – Ей можно, а мне нельзя?! Ты со своей Снежаночкой все время, а я, может, тоже хочу!

Она разревелась. Все потрясенно молчали.

– Чего хочешь? – растерянно спросил я. – Мы же вместе... к экзаменам готовимся.

– К экзаменам?! – девочка растирала слезы и сопли по личику. – К экзаменам, да?! А сам за руку ее берешь! И смотришь... А я тоже... А мне почему нельзя?... Чтоб вы все тут сдохли!

Она схватила свой рюкзачок и бросилась прочь. Все тупо смотрели ей вслед и молчали.

– М-да-а-а... – наконец сказал кто-то.

– Слушайте, – спросил я жалобно, – кто-нибудь что-нибудь понял?

– Ты что, дурак?! – возмущенно затараторила Нина, эффектно взмахнув челкой. (У нее был ник Красавица, и вполне заслуженно.) – Ленка в тебя давно втюрилась, а у вас с Сушкой такая любовь, вот она и решила вам свинью подложить, чтобы она подумала, что это ты всех сдал...

– Стоп-стоп-стоп! – я умоляюще поднял ладони вверх. – Какую свинью? Какая Ленка?

– Ее, дурочку эту, – Красавица мотнула челкой в сторону убежавшей девочки, – Леной зовут, чтоб ты знал! Он ее имени не помнит, а еще чего-то хочет! – Нина повернулась в сторону Снежаны и добавила: – Дурак он у тебя, Сушка!

Сушка, которая все это время стояла непривычно тихо, глянула на меня и вдруг прыснула. И все остальные захохотали вместе с ней, как будто только ждали сигнала. Видимо, вид у меня был действительно дурацкий.

– Если бы не Ястреб с его детектором! – снова начала тараторить Красавица, но Димка ее оборвал.

– Да нет никакого детектора! – он торжествующе повернул к нам монитор, на котором красовалось окошко браузера. – Это мы для пущего страха наврали. А вообще, все Витя придумал, я только немного развил идею.

– Так что никакой он у меня не дурак! – гордо заявила Сушка и показала Нинке язык.

Все снова захохотали. Смех получился какой-то нервный – слишком долго мы были в напряжении.

– Ладно, – сказала Сушка, нахохотавшись, – был бы пацан, я бы ему по голове наступала. А с этой что делать будем?

Все поскущнели. Снова повисла тяжелая пауза.

– Слушайте, – сказал я, – а давайте ей бойкот объявим! Мы так делали... то есть я читал, как раньше в школах так делали! Не будем с ней общаться, и всё! По крайней мере в чатах! И на эсэмэски отвечать не будем!

– Точно! – обрадовался Ястреб и застучал по клавиатуре. – Сейчас я ее везде в игнор-лист занесу... Какой у нее там ник?

– Радуга, – ответила всезнающая Красавица и полезла за комиком. – Сейчас и я тоже...

Пока все нажимали кнопки, заноса Радугу в черные списки, я проверил свой комик. У меня там никакой Радуги не значилось. Зато бросился в глаза циферблат в левом верхнем углу экрана.

– Ух ты! – сказал я. – Сегодня позаниматься, пожалуй, не получится, поздно уже. Предлагаю завтра начать репетировать экзамены. Будем друг перед другом билеты отвечать.

– А Ястреб своим детектором, – добавила Сушка, – будет нас проверять. – И она передразнила очень строгий голос Димки: – «Норма!»

И снова все рассмеялись. Теперь уже не нервно, а просто весело.

Оля

1980 год

Утро было на редкость нервное. Мама собиралась, рявкая на меня, чтобы поторапливалась, и причитала:

– Что ж теперь люди скажут...

Папа был хмур и со мной не разговаривал.

До школы дошли в молчании, а там, у школы, встретили Женьку с родителями. Мы рванули друг к другу, но меня схватила за руку мама, а Женьку отец. Не пустили даже поздороваться.

И вот тут-то мне стало страшно. До этого момента я была уверена, что сейчас мы все поговорим, выясним подробности, вместе посмеемся и разойдемся с миром. Женька смотрел на меня больными глазами, его родители зыркали волком. А у меня как будто реальность уплывала, мне начало казаться, что все это происходит не со мной.

И мы пришли в кабинет директора. Там уже сидели Васса и Танечка. Говорила все время Васса, директорша только кивала с умным видом, а Танечка смотрела мимо нас куда-то в стенку совершенно стеклянными глазами.

– Итак, – говорила Васса, – если на начальном этапе мы видели просто халатность родителей, то теперь это переросло в преступную халатность. И я хочу спросить...

Тут Васса повысила голос так, что у меня заложило уши...

– Как вы воспитываете своих детей? А?! Мои родители вжались в стулья.

– Как нужно воспитывать, чтобы ребенок посмел пойти против воли совета отряда, против воли своих товарищей, против воли старших товарищей, которые, между прочим, члены партии?

Тут, видя, что моя мама уже готова заплакать, Васса чуть смягчилась.

– Нет, мы конечно, не снимаем полностью с себя вину. Вот Татьяна Николаевна, – кивок в сторону Танечки, – тоже понесет заслуженное наказание. Это и ее просчет, ведь это ее пионерская организация! И хороша б была эта организация, если б пошла на поводу у таких ее незрелых членов. Хорошо, что в этом классе учатся и сознательные дети, которые не побоялись! Которые, между прочим, физической расправы не побоялись! Потому что вот эти, – кивок в нашу сторону, – угрожали!

Тут вступилась моя мама:

– Но Оля не могла...

И ее перебила мама Жени:

– А Женя, значит, мог?

– Оля тяжело болела...

– Ну и сидели б дома, раз болели! Сбила мальчика с толку!

Моя мама аж задохнулась от возмущения:

– Это еще кто кого сбил!

– Женя бунт в классе не поднимал!

– А Олю из пионеров не исключали!

– Ша! – сказал вдруг Женин папа. – Прекратите базар!

Мамы затихли, а папа продолжил, обращаясь к Вассе:

– Что вы предлагаете?

Васса царственным жестом поправила прическу:

– Я рада, что вы, Петр Иванович, как ответственный партийный работник, понимаете серьезность ситуации.

В кабинете воцарилась мертвая тишина, и Васса, явно довольная эффектом, продолжила:

– Я считаю, что этих детей надо изолировать друг от друга.

Примерно секунду до меня доходило, что она сказала, а потом я тихо сказала:

– Нет!

Сказала тихо, но Васса вздрогнула, а мама Жени кинулась Женьку от меня заслонять. А меня уже было не остановить:

– Мама, папа, но это же все неправда! Мы ничего плохого не хотели! Ведь Женьку несправедливо из пионеров выгнали, я просто хотела помочь...

– Да уж, помогла, – прошипела Женина мама.

– Мама, ну послушай ты меня, – взмолилась я.

– Я достаточно услышала, – сказала мама.

Я ни разу в жизни не видела ее с таким каменным лицом.

– С этого дня ты сидишь после школы дома, понятно? Никаких дворов, никаких друзей! Раз не умеешь себя нормально вести.

– Мама, нет! Ты не можешь, мама! Но почему ты не хочешь меня выслушать?

И тут опять вступил Женин папа:

– Я думаю, всем будет лучше, если мы переведем Женю в другую школу.

И тут у меня просто рассудок помутился. Я сразу вспомнила белую комнату, мальчика Витю, который рассказал мне про встречу с Женькой в 2018 году. И я поняла, что не спасла, не справилась... Более того, я все испортила...

Я расплакалась. Я умоляла. Я готова была встать на колени.

Васса наблюдала за моей истерикой с холодным безразличием. А потом выдала:

– Я думаю, вам нужно отвести Ольгу к психиатру. У девочки проблемы.

Мама опять начала оправдываться, что я, мол, болела, что это всё последствия. Но у нее от страха зубы стучали и руки тряслись. Женьку родители увели, нам даже не дали попрощаться...

Витя

2018 год

Я стоял под дверьми класса и молился богу. Я, советский пионер (пусть в прошлом), просил у бога помощи! А что мне оставалось делать? Моих одноклассников вызывали по одному, и там они сдавали эти ужасные экзамены!

Рядом со мной переживали родители – не мои, мои как раз не смогли прийти – а родители всех остальных. Некоторые молились, почти не прячась, другие успокаивали себя и друг друга, от чего начинали нервничать еще сильнее. Кажется, они немного ревновали своих детей ко мне, потому что все наши первым делом бросались ко мне («Семерка!» или «Девятка!»), а уж потом шли к ним. Все, кто сдал, не уходили домой, а оживленно галдели, пересказывая друг другу самые острые моменты:

– ...А тут он говорит: «И как же звали этого князя?» А я: «Ну, не Владимир, это точно...»

– ...Две цифры перепутал – пять и шесть! И семерку за это ставить? Придираются!..

– ...А я отвечаю, а сама не понимаю: правильно – неправильно?...

Пока все шло нормально. Ястреб торчал в классе дольше всех, зато единственный отхватил «десятку».

Сушка вышла с «восьмеркой» и злилась на себя, что не смогла вспомнить какую-то дату. Когда вышел последний – Саша Харитончик с «семеркой», – я вытер со лба пот и уже собрался уйти домой, чтобы там тихонько полежать на кровати, отойти... И тут услышал:

– Шевченко! А ты что, экзамен сдавать не собираешься?

Это был удар под дых. Я так переживал за остальных, что совсем забыл про себя. Развернулся и на деревянных ногах пошел в класс. Почему-то я был уверен, что завалю.

Вытянул билет и пошел готовиться. Ну не то чтобы готовиться... Сел и уставился на вопросы. Раз пять перечитал – ничего не понял. Слова все знакомые, а о чем у меня спрашивают?

– Молодой человек! – сказал экзаменатор, строгий дядька в очках. – Вы, я так понимаю, готовы?

«Чего тянуть?» – обреченно подумал я, кивнул и пошел к доске.

Что было дальше, из памяти вымылось. Помню только, что стоял и мотал головой, как заведенный. Ни слова не сказал, только ждал, когда меня отпустят.

– Понятно, – сказал дядька в очках. – Идите.

Я повернулся, но тут наш историк, который сидел рядом с экзаменатором, неожиданно попросил:

– Витя, подожди за дверью, хорошо?

Я кивнул и вышел.

Там на меня набросились все наши:

– Ну как? – «Десятка»? – «Восьмерка»? – А в «гэ» классе тоже все наши круто подавали! – Сушка к себе зовет, праздновать! – Так что тебе поставили? – Чего молчишь?

Сушка, которая первая поняла, что дело плохо, рявкнула:

– Так, отошли все! Отошли, я сказала!

Все удивленно, но беспрекословно послушались.

– Чего ты? – шепотом спросила она и погладила меня по руке.

Мне жутко захотелось разреветься.

– Завалил, – прохрипел я.

– Как завалил?

И тут меня прорвало. Я все ей вывалил: и как меня парализовало, и как я

вопросы понять не мог, и как не понимал, о чем экзаменатор говорит.

Чем больше я говорил, тем больше на себя злился. Я ведь все знал! Без дураков! Я ведь у всех наших по десять раз экзамены принимал! И тут такой облом!

В общем, когда открылась дверь класса и историк позвал меня внутрь, я чуть не послал его к черту. Хорошо, что Сушка все еще держала меня за руку.

В классе меня ждал заинтересованный экзаменатор.

– Значит, – сказал он, – мы с вами, Виктор, в некотором роде коллеги?

Я подозрительно на него уставился.

– Мне Николай Иванович рассказал, – пояснил дядька, – что ты всю параллель перед экзаменами натаскивал.

Это был сюрприз. Вот уж не думал, что учителя в курсе нашей подготовки.

Я пожал плечами:

– Ну, не всех... Некоторые не захотели.

– Это, коллега, заметно... А что ж сам-то?

– Перенервничал, – сказал я честно, – мозги заклинило.

Он понимающе улыбнулся. Историк вопросительно смотрел то на меня, то на экзаменатора.

– Давай так, – предложил дядька и снял очки, сразу став родным и домашним, – билет ты тянуть больше не будешь, а просто я тебя по всему курсу поспрашиваю.

Не веря своему счастью, я кивнул.

Дядька вернул очки на нос, снова превратился в строгого экзаменатора и спросил:

– В каком году был принят Статут Великого княжества Литовского?...

...Я вышел только через полчаса, но наши так и не разошлись. Правда, на сей раз никто ко мне не бросился, только Ястреб спросил:

– Ну?

– Девять! – гордо ответил я.

– Урррра! – завопили мои одноклассники и, кажется, их родители.

Точно сказать не могу, потому что тут меня подхватили на руки и принялись подбрасывать к потолку.

Когда я наконец снова оказался на ногах, увидел перед собой экзаменатора. Довольный историк маячил за его спиной.

– Поздравляю, коллега, – дядька протянул мне руку.

Я с удовольствием ее пожал. Теперь экзаменатор казался родным даже в очках.

– Ты уже думал, куда собираешься поступать? – спросил он.

– Раньше летчиком хотел стать, – честно признался я. – А теперь... не знаю пока.

– Очень рекомендую подумать о карьере педагога.

Я почесал затылок. Как-то после летчиков – в учителя... Экзаменатор все понял и не стал настаивать. Кивнул на прощание и ушел.

– Чего стоим? – строго спросила Сушкина мама. – У нас дома пирожные остывают... греются... Короче, портятся! А ну все за мной!

Оля

1980 год

Домой меня привели всю опухшую от слез и отчаяния. Ужас в том, что была суббота, то есть вместо того чтоб уйти на работу, родители сидели дома. Я так хотела сбежать к Женьке... Вот когда я вспомнила про комики! Хоть бы позвонить, хоть бы эсэмэснуть... Хоть бы узнать, как он там.

Я весь день пыталась что-то объяснить родителям. Мама вообще со мной не разговаривала, папа был сдержан, но из него хоть что-то удавалось вытянуть. Особенно если мамы рядом не было.

– Оля, ты пойми, если уж это дело дошло до моей работы, тут шутки кончились. Это тебе не игрушки, не «хи-хи» и не «ха-ха». Еще не хватало, чтоб тебя из пионеров исключили!

– Пап, да дались вам эти пионеры!

– Ольга, всё! Я тебе объясняю еще раз, шутки кончились! Ты где вообще таких слов нахваталась? Что значит «дались вам пионеры»?

– Пап, но вокруг вранье, и все же это знают! Пионеры никакие не самые лучшие, пионеры – все!!! И всё, что про них рассказывают, почти всё вранье. Ну и что с того, что Красноперкина – председатель совета отряда? Она ябеда и склочница! И почему я должна брать с нее пример?

– Оля, такие вопросы не обсуждают!

– Но почему? Почему?

– Не обсуждают, и всё!

– Пап, Женя хороший, а его ни за что выгнали. Ну почему за него нельзя вступить, почему?

– У Жени есть свои родители, вот они пусть и вступаются. И папа у него, между прочим, партийный работник. Вот пусть и разбираются сами.

– Но почему сами? А мы? Неужели всем все равно?!

– Ольга! У меня работа! У нас очередь на квартиру! Что ты хочешь, чтоб я всем этим рисковал ради какого-то там Жени?

– Он не какой-то там, – сказала я сквозь слезы, – он самый лучший...

В воскресенье я пыталась подлезть к маме. Я просила, раз уж ничего нельзя сделать, хотя бы перевести меня в школу к Жене. Мама взвилась с пол-оборота:

– Ты что, совсем с ума сошла? Куда перевести, кто тебя туда возьмет?

– Ну ма-ма-а-а-а-а-а...

Мама немедленно перешла на сильно повышенные тона:

– Ольга, я не позволю тебе сломать нашу жизнь! Ты еще ребенок, ты не понимаешь... Ты сейчас наделаешь глупостей, а потом вся жизнь коту под хвост! Если заставят отвести тебя к психиатру, то всё! Жизнь закончена! Ты никогда не поступишь никуда, ты работать нормально не сможешь!

Ночью я не могла спать. Я думала о том, как бы повели себя мои родители в том, другом времени. Чего бы боялись? Или не боялись бы совсем? Все-таки тут они другие люди.

Мама почти не изменилась, выглядит по-другому, но внутри осталась почти

такой же мамой. А вот папа другой. Дома он трудоголик, там он работал двадцать четыре часа в сутки и спал в обнимку с комиком. Видели мы его, конечно, редко, но выглядел он вполне счастливым. А здесь... Такое впечатление, что свободное время его убивает. Если он рассказывает про работу, то в основном ругается. Ругается на плановую экономику, из-за которой какие-то нужные железяки он вынужден доставать с боем, потому что их не хватило. На таком же заводе в другом городе они валом лежат, ржавеют. Ругается на дурака-директора, который член партии тридцать лет, но руководить заводом вообще не умеет. А сместить его нельзя, пока на пенсию не пойдет. Злой он тут, раздраженный.

В понедельник я пришла в школу. Женьки не было. Я сидела одна. Мне никто не объявлял бойкотов, более того, меня поддерживали, говорили что-то хорошее, но у меня было ощущение, что я одна. Одна в целом свете.

А после уроков, пользуясь тем, что родители днем никак меня не могут контролировать, я собралась и пошла к Женьке. Минут пять под дверью собиралась с духом, чтоб позвонить. Открыла бабушка. Из комнаты выскочил Женька. Бабушка быстро втянула меня внутрь и захлопнула дверь.

– Заходи, чтоб соседи не увидели, а то доложат еще, – бурчала она себе под нос.

– Мне запретили с тобой общаться, – сказал Женя. – Папа тут вчера такой разнос устроил... Говорил, что я жизнь себе ломаю...

– Мой тоже, – вздохнула я.

Бабушка поила нас чаем и приговаривала, что все будет хорошо, что все образуется.

– Эх, что ж вы не рассказали ничего, не посоветовались, – вздохнула бабушка.

– Зачем? – буркнул Женька.

– Затем, что плетью обуха не перешибешь.

– Обуха вообще не перешибешь, – буркнул Женя.

– Ну не скажи, – улыбнулась бабушка. – Он хоть и железный, да не вечный. И ржавчина его возьмет...

– Бабушка, да что ты все загадками говоришь? – взвился Женька. – Ты еще скажи, что мы были неправы!

– Правы, правы, – вздохнула бабушка. – Только б терпения вам побольше. И

хитрости немного.

– А я из дому убегу! – заявил вдруг Женя. – Помнишь, Оль, ты рассказывала, что будет другое время, хорошее. Давай убежим и дождемся...

– Время всегда хорошее, – перебила его бабушка.

– Ничего не хорошее! – взорвалась я. – Правду никто не говорит! Эту дуру Вассу никто остановить не может, и вообще – все дураки какие-то...

Я замолчала, боясь, что обидела бабу Любу. Но та только улыбалась да качала головой.

– Ох, деточка, – сказала она, – плохое время, говоришь? А я помню, как Женькиного отца рожала. Война только-только кончилась. Муки нет. Коровы две на всю деревню, да такие тощие, что мы их больше откармливали, чем доили. На полях сеять нечего, да и опасно – там мины вперемешку со снарядами неразорванными. А пацаны, за которыми не уследишь, норовят еще гранату какую откопать да в костер бросить...

Бабушка вздохнула – наверное, вспомнила что-то не слишком приятное.

– Как же вы жили? – виновато спросила я.

– А так и жили. И, между прочим, радовались! – баба Люба снова заулыбалась. – Потому что война кончилась! Потому что не стреляли, не бомбили. Потому что не надо было на дорогу каждую секунду оглядываться, не едут ли каратели... Так что время и тогда было хорошее, и сейчас отличное, а будет еще лучше! Повисла пауза.

– Как тебе в новой школе? – спросила я.

– Никак, – буркнул Женька, – меня никуда не берут. Васса скандал устроила на весь район. Папа сказал, что надо пересидеть полгодика где-нибудь в тихом месте.

У меня противно заскрипело на душе. Опять вспомнился мальчик Витя с рассказом о том, что Женька попал в плохую школу и так и не смог из нее выбраться...

– Неужели у нас совсем не было выхода? – в отчаянье спросила я.

– Был, не был... Теперь-то какая разница. Время назад не вернешь, – сказал Женька.

И тут я поняла, что шанс у нас есть. Мне нужно опять встретится с Витей и

убедить его поменяться местами. Если в прошлый раз он смог меня найти во сне, то в этот я смогу найти его. И если мы вернемся каждый в свое время, в начало мая, то у нас будет еще один шанс! Женю можно будет спасти! Только... только... С Женькой я больше никогда не увижусь...

Я просидела у Жени еще пару часов.

Я все решила.

Я не плакала.

Я пыталась запомнить...

Когда он смеется, глаза у него становятся ярче. А когда серьезный, начинает наматывать на палец прядь волос...

Мне очень хотелось поцеловать его на прощанье, но я побоялась.

Пожала руку.

Женька сказал:

– Приходи завтра! Бабушка обрадуется.

А я даже сказать ничего не смогла, просто кивнула и вышла.

И пришла домой.

Я была уверена в том, что завтра меня здесь уже не будет. И мне оставалось только надеяться, чтоб там, в свое время, я ничего не забыла, потому что... потому что... просто потому, что я не смогу жить, если забуду о нем...

Витя

2018 год

На следующий день можно было в школу не идти – мы сидели по домам и готовились к следующему экзамену. Конечно, вечером все наши договорились собраться и задавать друг другу вопросы, но после нашего триумфа на истории математики уже никто не боялся. Я, конечно, всех обзвонил, нагнал страху, чтобы не расслаблялись, но, честно говоря, и сам не очень напрягался.

Сел за комп и вместо того, чтобы решать задачки, полез в Инет. Это стало привычкой, что-то вроде зарядки.

Сначала, для разогрева, отвечаю на почту. Потом – обязательная программа:

открываю новости, анекдоты, приколы, проверяю, не появились ли новые фильмы. И наконец, вольные упражнения: залезть в поисковик и погуглить там чего-нибудь. Когда я дошел до этого этапа, задумался: что бы такого поискать?

И вспомнил о Женьке. Пока готовились к первому экзамену, было – стыдно сказать – не до него. А ведь прошло довольно много времени с тех пор, как девочка Оля обещала его спасти. Прошло... неделя, что ли? Хотя, если быть точным, прошло тридцать восемь лет...

Я нахмурился. А если Оля уже исправила, я узнаю об этом в моем будущем? Или тут все останется, как было? А Оля прошлое так исправит, что от него вырастет новая ветка в будущее? Я что-то такое то ли смотрел, то ли читал недавно...

Набрал в строке поиска «Евгений Архипов». И снова результатов оказалось слишком много, и все не те. Но теперь я не суетился, добавил отчество, год рождения и город. Все равно ничего похожего обнаружить не удалось. Зато вдруг на каком-то историческом сайте наткнулся на упоминание о Любви Александровне Архиповой. Почему-то мне это имя показалось знакомым. Я щелкнул на ссылке... и увидел большую черно-белую фотографию, с которой улыбалась Женькина бабушка! Она была совершенно такой, какой я ее помнил – в платочке и кофточке.

А когда я увидел, что у нее на кофточке, то чуть со стула не упал.

Оля между времен

Засыпала я долго и мучительно. Наверное, потому, что очень хотела заснуть. Прокрутилась волчком несколько часов и наконец под утро, когда уже светало, отключилась.

Витя в белой комнате появился одновременно со мной. И я поняла, что он тоже ждал нашей встречи.

– Ну что? – спросил он.

– Все плохо, – ответила я.

И расплакалась.

Витя тут же оказался рядом, и от того, что он рядом, мне стало немного легче. Я принялась рассказывать. Все-все, с самого начала, с того, самого первого пионерского собрания, на котором я после болезни выступила против Вассы.

Витя слушал очень внимательно, иногда присвистывал, иногда приговаривал что-то вроде: «Ну ты даешь!» или: «Молодец! Я б никогда на такое не решился!» Бурчал, что Красноперкина душой была, душой и осталась, а пацаны – молодцы. В середине рассказа схватился за голову:

– Слушай, ну ладно ты, у вас тут все говорят, что хотят, но Женька-то зачем на такой скандал пошел?

– А что было делать? – спросила я.

– Надо было хитростью... Сделать вид, что подчинились...

– Вот бабушка Люба тоже говорит, что надо было хитростью!

Витя задумался, а я спросила с надеждой:

– Вить, ты сможешь все исправить?

Витя посмотрел на меня исподлобья.

– Я должен все исправить!

– Меняемся? – спросила я.

– Да!

И я уже встала со своего места, но тут Витя стукнул себя по лбу.

– Послушай, там же экзамены, я ж не могу их так бросить... Что ж делать? Мне б только результаты узнать...

– Ой, а я про эти экзамены забыла совсем! И что, совсем все плохо?

– Нормально все... Послушай, ведь если мы вернемся опять в начало апреля, то до экзаменов опять останется месяц. Эх, жаль, столько работы коту под хвост!

– Какой работы?

– Так, время у нас еще есть. Садись и слушай...

Витя

14 апреля 1980 года, утро

Резкий, вкусный и густой запах жареного лука вполз мне в ноздри, отчего я и проснулся. Но глаз не открывал, мучительно соображая – с чего это мама решила жарить домашние котлеты? Обычно она покупает полуфабрикаты и разогревает их в микроволновке на специальной программе. Я еще немного подышал и понял, что сейчас захлебнусь слюной.

Сел в кровати, зевнул и потянулся за комиком – посмотреть, который час. Аппарата на месте не оказалось. Пришлось открыть глаза... Оп-па...

Не обнаружил я не только комика, но и компа. Зато всю стену занимал огромный шкаф с книгами. Я тупо пялился на него, наверное, целую минуту, а потом вдруг подпрыгнул на кровати. Остатки сна куда-то улетучились. Сердце застучало так, что в горле и в носу отдавалось.

Значит, получилось?! Значит, мы вернулись на свои места, в свой год?!

Я вскочил – и снова сел. Голова шла кругом.

Посидел пару минут, обдумывая ситуацию. Надо спасти Женьку. У меня есть время до...

Тут я снова вскочил и заорал:

– Мама!

Мама примчалась так, как будто хотела побить мировой рекорд:

– Что случилось, Витя?!

– Какое сегодня число?

– Четырнадцатое апреля. Ты чего вскочил? Ляг, тебе доктор лежать велел!

Четырнадцатое апреля... Четырнадцатое апреля... День пионерского собрания! Черт! У меня совсем нет времени!

Мама пыталась меня уложить, но я вцепился в ее руку, как в поручень. В комнату заглянул полуголый папа. Половину его лица покрывала пена, а в руках он сжимал бритву.

– Витя опять бредит! – пожаловалась ему мама. – Ему лежать надо, а он...

– Папа! – перебил я ее. – Мне нужна помощь! Срочно! Сегодня же! Я знаю, как спасти Женьку!

Мама с папой переглянулись, и папа коротко кивнул.

– Сейчас! – сказал он деловым тоном. – Только добреюсь.

Оля

14 апреля 2018 года, утро

Я проснулась от радостного «ку-ка-ре-ку» и минуту мучительно соображала, что происходит. Звук, с одной стороны, был до боли знаком, а с другой, звенел как будто из прошлой жизни.

Я медленно повернула голову, медленно открыла глаза и тупо уставилась на комик, который вибрировал и скакал по прикроватной тумбочке. Мыслей не было. Чувств тоже.

В комнате мгновенно материализовалась мама:

– Олечка, милая, я забыла будильник отключить. Как ты, солнце? Вчера у тебя была такая высокая температура, что пришлось врача вызывать.

Я села на кровати и стала осматривать комнату. На столе стоял комп, на стуле валялись джинсы, по полу были разбросаны диски.

Мама явно встревожилась:

– Оля?!

– Мамочка, как ты чудесно выглядишь! – сказала я шепотом.

– Оль, ты издеваешься, я полночи не спала.

Но мама улыбнулась и уселась рядом со мной.

– Взгляд у тебя со сна такой, как будто ты эту комнату первый раз в жизни видишь. Вставать будешь? Есть хочешь?

Я неопределенно мотнула головой. Встать я была не готова, мысли упорно отказывались появляться.

– Ладно, пойду чаю тебе сделаю. Валяйся пока.

Мама упорхнула. И тут меня накрыло. Получилось! Я дома!

Вторая мысль заставила меня подскочить. Женька! Как он? Если я здесь, значит, Витя там. Но сегодня он еще ничего не сделает, собрание было числа четырнадцатого, раньше и результатов ждать нельзя...

– Мам, – заорала я, – какое сегодня число?

Мама как раз заходила в комнату с чаем и тостами.

– Ты чего кричишь? У тебя ж комик под носом. Посмотри.

Ах да, комик. Я взяла его в руку. Неужели когда-то я не могла без него жить?

На экране светилась дата – 14 апреля и двузначное число непрочитанных сообщений. Отвечать не хотелось, даже читать их было неинтересно. Интересно было только, как там Женька и что он сейчас делает... И тут меня второй раз подбросило на кровати. Вот дуреха! Не сейчас, а сорок лет назад! И не делает, а давно уже сделал! И если все хорошо, то Женя сейчас взрослый академик или кто-нибудь еще страшно важный... Но как я об этом узнаю?

Сходить к ним домой? Так переехали, наверное, давно... По соседям поспрашивать? Может, кто-нибудь знает? Интересно, есть ли в городе справочное бюро?

– Мам, а если мне нужно одного человека найти, куда нужно съездить? – спросила я.

Мама чуть чашку из рук не выронила.

– Зачем ездить? Ты погугли сначала. Он в какой стране живет?

Я звонко стукнула себя ладонью по лбу. Совсем я отстала от жизни в далеком 1980 году...

Витя

14 апреля 1980 года, день

Весь день я мотался как заведенный: в школу – предупредить, что собрание проведу, хоть на уроках меня и не будет; с папой в обком – пообщаться с одним папиным знакомым; в музей – рассказать одному человеку одну важную вещь; к Архиповым – провести важную встречу; снова в обком – отправить важную бумагу; в столовую – перекусить, а то голова от голода кружится; и опять в

школу. Хорошо, что папа, как он сам выразился, «воспользовался служебным положением в личных целях в рабочее время» и взял служебную «Волгу». Раньше я бы ужасно возгордился оттого, что меня катают на такой шикарной машине, но теперь... Теперь я вспоминал мамину машинку из 2018 года и поражался, как они тут в прошлом могут ездить на своих неудобных «Волгах». В которых еще и бензином воняет.

Папа везде меня сопровождал и помогал в разговорах. Это было еще полезнее, чем «Волга», потому что многие взрослые меня без папы и слушать не захотели бы.

К школе мы подкатали за десять минут до собрания.

– Пойти с тобой? – спросил папа.

– Нет, – ответил я, немного поколебавшись, – я сам должен.

Папа понял и не стал настаивать. Из машины мы вышли вдвоем: я и невысокий сухонький человек, голова которого почти целиком состояла из залысины. У него были детские голубые глаза и виноватая улыбка. Костюм не грязный, но словно покрытый пылью.

– М-да, – он перехватил мой взгляд, – надо было все-таки переодеться.

– Не надо, – возразил я. – Так даже убедительнее, Лев Романович.

– Лев Залманович, – осторожно поправил он.

– Простите, Лев Залманович.

– Ничего, все путают. – Лев Залманович глянул на часы. – Уже пойдем?

– Нет, наверное, лучше прямо к началу подойти, – сказал папа из машины.

Мы помолчали.

– Ладно, – сказал папа, – я поеду проверю, как там запрос.

Мы с Львом Залмановичем проводили «Волгу» глазами.

– Вот так история, – смущенно сказал он. – А я в таком виде.

Он достал из кармана жеваный носовой платок и принялся оттирать пиджак, хотя, по-моему, тот становился только более пыльным.

Оля

14 апреля 2018 года, утро

С куском гренки в зубах я уселась за комп и дрожащими руками набрала в строке поиска: «Евгений Архипов».

Ох, сколько ссылок! Это ж надо, какая распространенная фамилия! Я секунду подумала и набрала: «Евгений Петрович Архипов». Опять куча информации, я начала листать странички и... Ура! Персональная страница Архипова Евгения Петровича. У меня так задрожали руки, что я не смогла по мышке кликнуть. Пришлось нажать энтер...

От волнения содержание странички я воспринимала с трудом. Выпускник университета, красный диплом, ранняя карьера, самый молодой директор НИИ за всю историю Академии наук, успешный бизнесмен...

А с экрана на меня смотрел Женькин папа. Потом я немного присмотрелась и поняла, что не папа, просто очень на него похож. Глаза другие, глаза Женькины.

Меня от счастья просто распирало. Ай да Витя, ай да молодец! Значит, все у него получилось! Значит, теперь можно жить спокойно! Такой камень с души упал!

Минуту я находилась в полном покое и абсолютной безмятежности, а потом начала потихоньку возвращаться к реальности. Один камень, конечно, с души упал, и стало легче. Но еще осталась огромная каменюка, которая будет висеть на мне примерно месяц. Экзамены! Теперь я просто обязана подготовить к ним ребят. Я Вите обещала.

Витя

14 апреля 1980 года, день

Мы вошли в класс за минуту до начала собрания, как раз на слова пионервожатой Танечки:

– Поскольку председателя совета отряда сегодня нет...

Тут она увидела нас со Львом Залмановичем и запнулась.

– Здравствуйте! – сказал я звонко, даже сам изумился своей бодрости. – Это товарищ из обкома. Вы не против, Тамара Васильевна?

Васса медленно кивнула, не сводя глаз с неожиданного гостя. Тот засмутился и скромно устроился за последней партой, бросив на меня укоризненный взгляд.

А что тут такого? Ведь я его действительно сначала привез в обком, а уж потом – сюда. Значит, он из обкома.

Я вышел к доске и оглядел класс. Как я, оказывается, по ним всем соскучился! Даже по Воронько. Даже по Красноперкиной, хоть она и смотрит на меня волком.

– Тема сегодняшнего собрания, – начал я, – поведение пионера нашего отряда Жени Архипова.

– Возмутительное поведение! – поправила меня Танечка, но Васса на нее сердито зыркнула, и вожатке пришлось втянуть голову в плечи.

Кажется, завуч решила вести себя потише в присутствии «товарища из обкома». Вот и хорошо!

Тем не менее я поправился:

– Поведение, которое возмутило многих в нашей школе.

Женька смотрел на меня с ненавистью. Эх, черт, надо было ему хоть намекнуть, к чему я веду! А может, и хорошо, что он ничего не знает.

– Напомню, что наш одноклассник Архипов принес в школу пасхальный кулич и даже угощал им всех нас. Даже меня, – я вздохнул, осознавая всю тяжесть совершенного проступка.

Васса окончательно успокоилась и перестала кидать подозрительные взгляды на Льва Залмановича (только бы не перепутать отчество!).

– Архипов мог решить проблему, попросив у нас прощения, – мне самому было тошно от своих слов, – и признав, что его бабушка...

Я запнулся. Танечка совсем уже собралась что-то ляпнуть, но Васса сжала губы, и вожатка испуганно прикусила язык.

– ...что его бабушка кругом неправа! – закончил я. – И теперь перед нами стоит вопрос, что с ним делать?

Видно было, что Танечка снова порывается вставить пять копеек, но Васса схватила ее за руку. Во взгляде ее читалось: «Куда ты лезешь? Шевченко сам справится!»

Класс терпеливо ждал неминуемой развязки.

И тут я неожиданно изменил тему:

– Но прежде чем решить вопрос с Архиповым, мы должны разобраться с его бабушкой.

Я не удержался и глянул на Женьку. Тот, кажется, собирался набить мне лицо, не дожидаясь окончания собрания. Поэтому я не стал делать эффектной паузы, как собирался вначале, а быстренько выпалил:

– Как стало известно буквально сегодня, Любовь Александровна Архипова, бабушка Жени, была активной участницей партизанского движения.

Вот теперь можно было и паузу сделать. Я обвел класс взглядом. Танечка морщила лоб, не понимая, что это за новости в регламенте пионерского собрания. Васса замерла совершенно неподвижно. Воронько отвесила челюсть. Многие таращились на меня, как на инопланетянина. Многие хорошо знали бабу Любу и представить ее партизанкой никак не могли. Даже Женька моргал удивленно – похоже, он о бабушкином прошлом тоже не догадывался.

Только один человек улыбался понимающе, и именно к нему я обратился.

– Рассказать об этом я попросил Льва Залмановича...

«Ура! – подумал я. – Не перепутал!» И тут же спохватился: «Ой, а фамилия-то его как?».

– Льва Залмановича... который в годы войны был комиссаром партизанского отряда. Пожалуйста, Лев Залманович, расскажите, как все было.

Он вышел к доске, повернулся к классу и виновато улыбнулся. Васса посмотрела на меня с откровенным подозрением: Лев Залманович был еще меньше похож на партизана, чем баба Люба.

Но тут он заговорил.

– Я молодой тогда был. Шестнадцать лет. Но боевой, горячий. На железку раз десять ходил.

Лев Залманович прищурился, глядя куда-то в свое прошлое, расправил плечи, улыбнулся уже широко... и вдруг я ясно его представил – молодого и горячего.

– А еще языкастый был – ужас! – он покачал головой. – Наверное, за это меня комиссаром и назначил наш командир. Он суровый был. Майор, из окруженцев. Парамонов Селиван Антонович. И однажды меня отправили на задание.

Я покосился на класс. Все, даже Танечка, тоже поверили в партизанское прошлое Льва Залмановича и теперь с интересом слушали историю про войну. Только завуч так и сидела в позе рассерженного сфинкса.

– Нужно было провести агитработу среди евреев нашего гетто. Мы узнали, что гетто будут ликвидировать, вот меня и послали предупредить наших... Хотя нет, кажется, я сам вызвался... Ну, уже неважно. Я пришел, говорю: «Братцы, надо в лес уходить, убьют вас всех». А они головой качают: «Ты, Лева, большевиков наслушался. Никто нас не тронет». Так никого и не уговорил.

Голос Льва Залмановича вдруг стал напряженным, как будто говорил он против своей воли.

– А когда я уходил, погоня за мной отправилась. Я так думаю, кто-то из наших и сказал немцам, – он поморщился. – Я уходил через Стриевку. А там полицаи с собаками. Заметили меня, окликнули. Я – бежать, они – стрелять. И зацепили, гады. Бегу, рану рукой зажимаю, но... Решил я, что всё, отбежался.

Голос Льва Залмановича снова потеплел:

– И вдруг у крайней хаты – девчонка. Тоненькая, как былинка. Наверно, моя ровесница, или даже моложе. Машет – мол, давай ко мне. Я – к ней. Она, ничего не спрашивая, в подпол меня, а дверцу ковриком закрыла, сундуком задвинула, – он вдруг тихо рассмеялся. – Я лежу там, скорчившись, диву даюсь: как она, худенькая такая, сундучище с места сдвинула?

Лев Залманович покачал головой.

– Вот... А потом полицаи ворвались. Орать начали: где, мол, жида прячешь? Она – в плач: ничего не знаю, дяденьки, никакого жида не бачила! А те не верят... Обыскали всё... А потом ее бить начали... сапогами...

Я вдруг понял, что Лев Залманович в промежутках между словами сглатывает слезы.

– Если б не сундук этот треклятый... Выскочил бы и голыми руками... Она же девчонка совсем была!.. А так лежу – и только губы кусаю.

Он спохватился и принялся вытирать слезы тем самым мятым платком, которым до этого пытался отчистить костюм. Не столько вытирал, сколько грязь по лицу размазывал. Наверное, при других обстоятельствах мы бы стали хихикать, но сейчас все сидели и только смотрели, как зачарованные, на Льва Залмановича. Он кое-как справился со слезами, громко высморкался и сунул платок в карман.

– Простите... Как вспомню... А потом они ушли. И девчонка вроде как не шевелится. Ну, думаю, гады, вы мне за нее ответите! Вот только выберусь... А как выбраться, если надо мной сундук, а крови уже много потерял, сил нет? Тут уж в голос заревел.

Я уже слышал этот рассказ, но все равно поймал себя на том, что затаил дыхание. Да, правду сказал Лев Залманович, языкастый он.

– И вдруг сверху, тихо так: «Не реви... Я сейчас». Жива она оказалась. И даже сил хватило сундук отодвинуть. Правда, ей для этого пришлось все приданое из него выкинуть, – он снова разулыбался. – Я вылезаю, смотрю – она вся в крови, еле держится, а над своим добром причитает: «Ой, платье испачкалось, ой, скатерть порвана!»

Весь класс тихонько рассмеялся вслед за рассказчиком, но тут же умолк, едва он стал серьезным.

– Я к тому времени крови много потерял, шел как пьяный, не понимал куда. Пришел в себя только в отряде. Начал спрашивать о своей спасительнице – никто ни сном ни духом. Говорят, дозор на меня наткнулся. Я попросил ребят найти девчонку, но они опоздали. Когда пришли – одни головешки на месте дома. Ребята к местным – те на них матерно. Оказывается, полицаи из-за меня трех местных мужиков расстреляли, чтоб неповадно было бандитам... то есть партизанам помогать. Словом, решили мы, что девчонку спалили вместе с хатой. Только и узнали, что ее имя – Люба. Любовь Пригодич.

И снова Лев Залманович из грустного вдруг стал веселым.

– А сегодня, благодаря Вите, – он весело подмигнул мне, – я наконец всю правду узнал. Оказывается, моя спасительница выжила. Просто сразу после войны она встретила хорошего человека, Ивана Архипова, замуж за него вышла, фамилию его взяла... А в тот вечер она меня бросила, чтобы облаву от меня отвести. Сама-то она легонькая, по болоту, аки посуху, ушла. Но перед этим увела полицаев далеко в сторону. А потом прибилась к другому отряду, не нашему, но не под своей фамилией...

Лев Залманович явно смутился, и тут подала голос Васса:

– А почему?

– Понимаете... у нее отец старостой был. Не хотела она...

– То есть, – в голосе завучихи зазвучал металл победы, – прадед нашего Евгения был пособником фашистов?

Лев Залманович неловко мотнул головой:

– Да не совсем... Понимаете, среди тех трех расстрелянных мужиков и он был. Так что какое уж тут пособничество... Просто Люба этого не знала, вот и скрывала.

Повисла неловкая пауза.

– Лев Залманович, – тихонько подсказал я. – Про медаль...

– Ах да, про медаль! – он сразу оживился. – Командир наш подал представление на Любовь Александровну Пригодич, на орден Красной звезды. Посмертно. Но звезду нам зарубили, мол, не в бою подвиг совершен и все такое. Но медаль «За отвагу» вручили... То есть... – поправился Лев Залманович, – не вручили, конечно, но указ есть. А теперь, как оказалось, и героиня жива. Словом, в ближайшее время состоится награждение!

Лев Залманович обвел класс торжествующим взглядом. Танечка растерянно смотрела на Вассу. Та сидела, уставившись в пол. Все остальные хлопали глазами, приходя в себя после рассказа. Кто-то уже шептался, обсуждая подробности, кто-то просто мотал головой.

Женька неожиданно спросил:

– А с гетто что случилось?

– Что-что? – улыбка Льва Залмановича стала крайне виноватой. – Через неделю отправили в лагерь смерти. Кое-кто выжил, но...

И он, махнув рукой, отправился к последней парте.

Теперь все смотрели на меня. Я очнулся.

– Итак, есть предложение вынести предупреждение пионеру Архипову за... за низкую сознательность. Кто за?

– Погодите! – взвилась Танечка. – Но ведь тут религиозная пропаганда! Мы же собирались...

Пионервожатая осеклась под безнадежным взглядом Вассы.

– Кстати, о религии, – подал с задней парты Лев Залманович, – сегодня Люба...

Любовь Александровна рассказала, как она за образами пакеты с листовками прятала, когда связной стала. В той деревне полицаи дюже набожные были, за иконами никогда не шарили.

Он в который раз уже заставил всех улыбнуться, а потом еще и добавил поучительно:

– Так что бог, если его использовать правильно, тоже может помочь хорошим людям.

Когда класс отхихикал, я повторил:

– Кто за?

Забыли все. Даже Красноперкина.

Оля

14 апреля 2018 года, утро

Мама не хотела пускать меня в школу, но я была непреклонна. Остановить меня было невозможно, я сносила все на своем пути. В школу неслась пешком, испытывая ни с чем не сравнимый кайф от джинсов и кроссовок. А пока здесь жила, не ценила.

Совершенно забыла про то, что в школе на входе нужно регистрироваться, получила по ногам турникетом, но даже это не испортило мне настроения.

Ворвалась в класс... Ох, черт... А вот от этого я отвыкла.

Первой реакцией было пройти по рядам, повырывать у всех комики, открыть окно. Так и хотелось всех встряхнуть и рявкнуть:

– Что вы уперлись в экран, посмотрите друг на друга! На улице весна, солнышко! А вы тут под кондишеном душитесь.

Но я сдержалась. Один раз уже наломала дров, теперь на всю жизнь запомнила, что действовать нужно осторожно. Я плюхнулась на стул и принялась аккуратно рассматривать окружающих, вспоминая, что мне рассказывал Витя.

Сушка... Кто ж из них Сушка? Я аккуратно отправила ей сообщение и стала смотреть кто ответит. Ага, есть! Сушка – это вон та хмурая девочка. И зовут ее Снежана. И на самом деле она веселая и очень сильная.

Ястреб... Вот он! Дима. Мальчик совсем невысокого роста, а сидит за последней

партой. Это ж он на форуме звезда, а в жизни об этом никто не догадывается. А я когда-то была уверена, что влюблена в него...

Витя сказал, что главное с этими двумя договориться, а дальше уже все пойдет по накатанной.

Мои размышления прервал учитель истории, который вошел в класс и уже начал рассказывать про то, как будет проходить экзамен.

– А теперь я хочу, чтоб вы немного потренировались. К доске пойдет...

– Я!

Ой, нужно все-таки научиться сдерживаться. Ладно одноклассники, историк чуть под стол не свалился.

Пока отвечала, я наблюдала за классом. Благо, ответ лился сам собой и умственных усилий не требовал. Ага! Глаза начали поднимать! Отрывайтесь, отрывайтесь от своих комиков. Ну улыбнитесь хоть кто-нибудь!

– Отлично, Воробьева, просто отлично! – перебил меня учитель. – Я даже не знаю, что сказать! Как ты готовилась? Тебе кто-то помогал?

– Да, конечно, – сказала я. – Помогал...

Вспомнился Женька. На секунду как будто свет померк, так стало тоскливо... Но я быстро взяла себя в руки.

– Главное говорить побольше. Буквально пару дней тренировок – и так отвечать сможет каждый.

Я быстро оглядела класс и успела заметить заинтересованный взгляд Димки, который, правда, немедленно уткнулся в комик.

Ничего, прорвемся!

Витя

1980 год

Мы с Женькой сидели на самой верхушке груши и жевали бумагу. Нет, не потому что голодные, а просто жеваная бумага – лучший боеприпас для плевательной трубочки. Сегодня мы собирались славно повоевать.

– И обязательно было это предупреждение давать? – недовольно проговорил-прожевал Женька.

– Обязательно.

– Ничего не обязательно! Я кругом прав, а мне – предупреждение какое-то!

И Женька без предупреждения плюнул в меня жеваным комочком. Я решил, что это не считается за начало боевых действий, потому что плевался он без трубочки.

– Слушай, – примирительно сказал я, – я тоже хотел, чтобы тебя полностью... оправдали, что ли.

– А чего не предложил? – Женька оторвал еще кусок от газеты и сунул его в рот.

– Вассу испугался?

– Нет. Мне папа посоветовал.

Женька возмущенно хмыкнул, но плеваться на сей раз не стал.

– Серьезно! – я даже ударил себя в грудь, крепко вцепившись в ствол второй рукой. – Он долго что-то объяснял... Короче, если бы мы тебя вообще никак не наказали, Васса не успокоилась бы. И, может, все-таки добилась твоего исключения...

В плечо мне стукнул очередной снаряд.

– Шит, – огорчился я, – когда папа объяснял, там все логично было.

– «Шит»? – удивился Женька. – Это еще что?

– Это по-английски, – обрадовался я изменению темы. – Это означает... нехорошее слово.

Женька недоверчиво окинул меня взглядом:

– Откуда знаешь?

– А я в будущем был, – ответил я, широко улыбаясь.

– Ого! – Женька выразил изумление, принимая игру. – И как там, в будущем?

– Нормально! Компы у всех, комики... это такие карманные телефоны... Ай!

– Не дури голову, – сказал Женька. – Напридумывал всяких слов!

– Вот увидишь, – сказал я, прячась за ствол и доставая из кармана трубочку.

Она у меня именная, лично оплетенная цветной проволокой.

– А ты в будущем, – Женька тоже устраивался поудобнее, что предвещало интенсивную перестрелку, – кем будешь? Известным писателем-фантастом?

Я вдруг вспомнил экзаменатора по истории.

– Не-а! Я учителем буду.

Женька, который уже поднес свою трубку к губам, почему-то передумал плевать.

– Слушай, – сказал он, как мне показалось, смущенно, – а я кем стану?

– Не знаю, – беззаботно ответил я. – Теперь это только от тебя зависит!

И открыл огонь.

Оля

2018 год

– Оля, Оль, подъем! Вставай скорее, сегодня последний экзамен!

Я пулей вскочила с кровати. С одной стороны, волноваться было особенно не за что, если уж историю с математикой пережили, то на русском сбой маловероятны. Но с другой стороны, расслабляться опасно.

Под подъездом меня ждала Снежка. Вместо «привет» она сразу начала разбор полетов вчерашнего дня.

– Надо было все-таки еще раз по билетам пройти. Потому что в Алене я не уверена. Вдруг ее опять заклинит, как на истории.

– Снежка, успокойся. Не нагнетай панику, все справятся.

– А где Дима? Позвони ему, вдруг проспал!

Я тяжело вздохнула и набрала Димкин номер. Иногда со Снежкой проще не спорить. Комик зазвонил у нас над ухом, потому что Димка не проспал, а уже пару минут шел за нами и пытался вставить хоть слово в Снежанин монолог. Увидев Димку, Снежка немедленно вспыхнула, потом улыбнулась, потом

приняла серьезный вид. Было очень забавно наблюдать за тем, как эти двое из всех сил делают вид, что между ними ничего не происходит.

Экзамен мы сдали. Если б не пара человек, у которых, видимо, выбило от перенапряжения предохранители, сдали б просто блестяще. После того как все закончилось, нас согнали в актовый зал, где в торжественной обстановке вручали годовые аттестаты.

Вот уж не думала, что мне будет так сложно сдерживать слезы, когда меня вызвали на сцену!

Класс хором скандировал: «Спа-си-бо!», даже учителя улыбались и хлопали, даже какой-то чужой экзаменатор. Он разрабатывал эти экзамены, и приехал к нам в школу потому, что мы сдали их лучше всех в городе.

Он лично подошел ко мне, пожал руку и представился:

– Меня зовут Виктор Александрович.

– Оля.

– Да, я знаю. Очень рад тебя видеть. Наслышан о ваших успехах.

– Спасибо.

– Ты молодец! Честно говоря, такого триумфа я не ожидал.

Он улыбался широко, и что-то в его лице показалось мне страшно знакомым. Но только я открыла рот, чтоб спросить, где я его видела, он сказал:

– Оля, я приехал позвать тебя на одну встречу. Мы хотим собрать активных детей со всего города, познакомить вас. Устроить такой клуб, где б вы могли общаться. Придешь?

– Да, я с удовольствием, только сегодня не могу, сегодня мы с одноклассниками отмечаем.

– Я понимаю, – усмехнулся Виктор Александрович. – Но ты, когда надумаешь, позвони. Вот тебе телефон. Это сын моего старого друга, это все его идея. Архипов его фамилия.

Мне показалось, что передо мной на землю рухнул метеорит.

– Как?! – спросила я хриплым шепотом.

– Евгений Евгеньевич Архипов. Он тоже Женя, как и его отец. Они так похожи,

что ему просто не смогли подобрать другое имя. Знаешь, он очень увлекается физикой и мечтает, когда вырастет, доказать, что можно путешествовать во времени. Чтоб каждый нашел себе время по душе.

Тут Виктор Александрович оглянулся по сторонам, а потом сказал тихо-тихо, чтоб никто кроме меня не услышал:

– А я ему все время говорю, что незачем путешествовать. Время всегда хорошее! Мы-то с тобой это точно знаем!

И очень хитро улыбнулся.